

Годъ 15-й.

Кн. LVII.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Изданіе Этнографическаго Отдѣла
Императорскаго Общества Любителей Естествознанія,
Антропологии и Этнографіи,

состоящаго при Московскомъ университетѣ.

1903, № 2.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Предсѣдателя Отдѣла В. Ф. Миллера

и

Товарища Предсѣдателя Н. А. Янчука.

МОСКВА.

Т-во Скор. А. А. Левинсонъ. Коммисіонеры ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естество-
знанія въ Москвѣ. Тверская, Мамонтовскій пер., с. д.

1903.

Сватовство (Ше-мій) у дунганъ.

Живя въ Китаѣ, дунгане, какъ мусульмане, обыкновенно рано вступаютъ въ бракъ: сыновей своихъ родители женили на 16—17 году, а дочерей выдавали замужъ 13—15 лѣтъ, но нерѣдко и ранѣ этого возраста. Изъ моихъ немногочисленныхъ записей ¹⁾ видно, что, будучи въ Китаѣ, дунгане женили своихъ сыновей даже на 13 году ихъ жизни, а дочерей выдавали замужъ на 12 году; случаи же болѣе ранняго вступленія въ бракъ, въ бытность ихъ въ Китаѣ, большинство дунганъ отрицаетъ. Съ переходомъ же ихъ въ русское подданство, браки въ столь раннемъ возрастѣ нашими властями были воспрещены дунганамъ, но въ первые годы, по ихъ прибытіи въ Россію, ранніе браки между ними совершались нерѣдко, особенно наблюдались очень часто случаи ранней выдачи замужъ дѣвушекъ. Съ одной стороны—это происходило потому, что за ними нельзя было услѣдить, а съ другой—родители преднамѣренно скрывали года своихъ дѣтей, что было легко имъ дѣлать, потому что дунганскіе муллы не вели записей родившихся ни въ Китаѣ, ни здѣсь въ первые годы по ихъ прибытіи, да и наши власти вначалѣ не слишкомъ строго вмѣшивались во внутреннюю жизнь дунганъ, находя это по многимъ причинамъ для себя неудобнымъ: и безъ того напей администраціи вначалѣ было много съ ними дѣла, тѣмъ болѣе, что дунгане оказались людьми довольно безпокойными и непослушными. Между ними очень часто происходили ссоры и крупныя пререканія, принимавшія нерѣдко острый и бурный характеръ; ссоры оканчивались въ большинствѣ случаевъ ожесточенными побоищами между противниками, часто пускавшими въ ходъ ножи, слѣдствіемъ чего бывали тяжелыя увѣчья, а нерѣдко и смерть кого-либо съ той и другой стороны. Разборъ всѣхъ этихъ

¹⁾ Эти записи будутъ приложены къ антропологическому очерку дунганъ.

неурядицъ и ссоръ, то и дѣло случавшихся между дунганами, отнималъ много времени и силъ у нашихъ чиновниковъ.

Но, независимо отъ этого, наша областная администрація неоднократно издавала циркуляры, воспрещавшіе раннее вступленіе въ бракъ какъ между дунганами, такъ и между другими инородцами мусульманами. Насколько эти циркуляры достигали и теперь достигаютъ своей цѣли, мы судить не беремся; но и помимо этого запрещенія, браки между прибывшими въ предѣлы Россіи дунганами стали совершаться въ громадномъ большинствѣ случаевъ уже въ болѣе позднемъ возрастѣ. Произошло это, во первыхъ: подъ вліяніемъ киргизскаго обычая, скоро перенятаго дунганами, какъ они сами говорятъ, брать за невѣсту большой калымъ и, во-вторыхъ, благодаря обнаружившемуся въ самомъ началѣ недостатку въ лицахъ женскаго пола; послѣднее было главной причиной, такъ какъ это способствовало высокому поднятію калыма. Правда, дунгане, живя въ Китаѣ, также платили калымъ за невѣсту; но, какъ они сами говорятъ, платили калымъ самый небольшой. Каковы бы ни были эти причины, но неоспоримъ фактъ, что браки у нихъ стали совершаться гораздо позднѣе и самая свадьба, по словамъ дунганъ, съ переходомъ ихъ въ русское подданство стала имъ обходиться гораздо дороже, нежели въ Китаѣ.—Для того, чтобы сдѣлать свадьбу, приходится затратить цѣлое немаленькое состояніе, такъ какъ самая бѣдная свадьба обходится не менѣе 150—200 рублей, а свадьба средней руки стоитъ не менѣе трехсотъ рублей. Деньги же на свадьбу надобно заработать и припасти,—особо продавать для этой цѣли что-либо изъ ихъ имущества у дунганъ не принято; это считается у нихъ неудобнымъ: сосѣди и знакомые будутъ смѣяться и острить, да, пожалуй, и ту невѣсту, которую желаютъ взять, не отдадутъ, скажутъ: „собирается брать жену, а въ домѣ ничего нѣтъ; задумалъ жениться, а жены кормить печѣмъ“. Но, главное, будутъ обвинять въ недовѣренности, чего дунгане особенно боятся: это значитъ потерять уваженіе, кредитъ во мнѣніи своихъ односельчанъ. Все это вмѣстѣ взятое заставляетъ дунганина немало потрудиться, чтобы скопить двѣсти-триста рублей. При всемъ громадномъ трудолюбіи и бережливости дунганъ, при ихъ замѣчательно воздержной, нетребовательной жизни, такая сумма ими не скоро накапливается для свадьбы. Лично мы знаемъ

не одинъ случай, когда дунганинъ средней зажиточности употреблялъ около трехъ лѣтъ тяжелаго и упорнаго труда, чтобы скопить необходимую сумму для свадьбы, бѣдняки же употребляли не менѣе четырехъ-пяти лѣтъ. Вотъ почему въ настоящее время многіе дунгане женятся довольно поздно. Встрѣчается не мало случаевъ вступленія въ бракъ дунганъ на 25—30 годахъ.—Благодаря этимъ чисто экономическимъ условіямъ, многіе женятся и еще въ болѣе позднемъ возрастѣ, а бѣдняки обречены иногда на невозможность жениться или же, въ крайнемъ случаѣ, женятся на киргизкахъ, женитьба на которыхъ стоитъ гораздо дешевле. Такихъ случаевъ, правда, немного. Вслѣдствіе этой же причины, нѣкоторые изъ дунганъ, съ большимъ рискомъ для себя, въ первые годы ѣздили въ Китай, чтобы тамъ жениться на своихъ единовѣркахъ, для чего брали отъ русскихъ властей билетъ на безпрепятственный туда проѣздъ; для этого они выставляли тотъ предлогъ, что имъ нужно привести оставленную тамъ жену или престарѣлыхъ отца и мать, которые по слабости силъ не могли прійти одновременно съ ними, а нѣкоторые изъ дунганъ для этой же цѣли уходили въ Китай тайно и, женившись тамъ, обратно возвращались въ Россію. Задумавъ тайно бѣжать въ Китай, такой дунганинъ, по возможности секретно не только отъ русскихъ властей, но и отъ своихъ односельчанъ (чтобы послѣдніе не обнаружили и не выдали его) отращивалъ себѣ длинную косу. Это дѣлалось для того, чтобы въ китайскихъ предѣлахъ, при случаѣ, выдать себя или за чистокровнаго китайца или хотя и за дунганина, но за китайскаго подданнаго и, такимъ образомъ, не поплатиться жизнью. Многимъ это однако не удавалось, потому что они или сами съ большими волосами случайно попадались низшимъ русскимъ полицейскимъ властямъ,—а отращивать волосы дунганамъ строго было воспрещено по переходѣ ихъ въ Россію,—или случалось, что такихъ нерѣдко выдавали свои же односельчане, облеченные властью десятника или полицейскаго. Тогда имъ безъ церемоній и моментально обрѣзывали косы. Жаловаться они не могли да и не смѣли, а потому и должны были покоряться своей участи. Но съ каждымъ годомъ случаи отправленія дунганъ въ Китай съ цѣлью тамъ жениться становились все рѣже и рѣже, и въ настоящее время о нихъ уже почти совсѣмъ не стало слышно.

Но разъ позволяютъ обстоятельства и время устроить свадьбу, т. е. когда сыну исполнится не менѣе 16—18 лѣтъ и имѣются налицо необходимыя средства, то родители задумываютъ женить свое дѣтище, для чего и подыскиваютъ ему подходящую невѣсту.—Задумавъ женить сына, мать долгое время высматриваетъ невѣсту изъ своего села; остановивъ же свой выборъ на извѣстной дѣвушкѣ, она не сразу и не сейчасъ сообщаетъ объ этомъ своему мужу, а продолжаетъ потихоньку и осторожно, чтобы не обнаружить и не выдать никому своей настоящей цѣли, собирать свѣдѣнія о поведеніи намѣченной дѣвицы, объ ея умѣ, характерѣ, добротѣ, о томъ, хозяйка-ли она, насколько она трудолюбива и распорядительна, припоминаетъ ея дѣтскіе годы, какъ она вела себя въ дѣтствѣ со своими сверстниками, какъ она себя держала съ ними, какова была въ играхъ, часто-ли капризничала, ссорилась-ли и сердилась-ли часто, не раздражала-ли своимъ поведеніемъ другихъ и не подавала-ли какого-либо повода жаловаться на нее другимъ постороннимъ и въ частности сосѣдямъ ея родителей. Принимаетъ она при этомъ во вниманіе и состояніе ея здоровья: часто-ли она болѣла и какими болѣзнями. Также крайне осторожно и старательно собираетъ она свѣдѣнія о состояніи ея родителей, объ ихъ характерѣ, поведеніи, объ ихъ трудолюбіи и домовитости, припоминаетъ всю ихъ прошлую жизнь и въ ея умѣ проходятъ нерѣдко давно всѣми забытые случаи и происшествія, виновниками которыхъ, когда-то давнымъ-давно, были родители намѣченной ею невѣсты. Все это и многое другое дунганка-мать взвѣшиваетъ и оцѣниваетъ, стараясь, повторяю, дѣлать это скрытно, чтобы, въ случаѣ неудачи или отказа, избавиться насмѣшекъ своихъ сосѣдей и знакомыхъ. Дунганка-мать слишкомъ дорожитъ своимъ дѣтищемъ, а какъ хозяйка дома, она ревниво оберегаетъ честь и достоинство своего домашнего очага. И когда всѣ свѣдѣнія, какъ добытыя ею непосредственно, такъ и полученные путемъ разспросовъ отъ другихъ, вполне удовлетворяютъ ея требованіямъ, тогда только она сообщаетъ своему мужу о намѣченной дѣвицѣ-невѣстѣ. Дѣловитость и серьезность отношеній сказываются нерѣдко и въ менѣе важныхъ интимныхъ отношеніяхъ между дунганами-супругами, а ужъ тѣмъ болѣе въ такихъ важныхъ случаяхъ, какъ сватовство, они ведутъ себя серьезно, не

болтаютъ, лишняго не говорятъ даже между собою, не судятъ постороннихъ, потому что хорошо знаютъ, что и ихъ также, въ свою очередь, ихъ односельчане-сосѣди строго взвѣшиваютъ и опѣниваютъ.—Мужъ въ такихъ важныхъ случаяхъ вполнѣ полагается на выборъ жены, такъ какъ убѣжденъ, что жена все разузнала и все строго взвѣсила; ему же, при постоянной работѣ и частыхъ отлучкахъ изъ дому, рѣшительно некогда было бы заниматься этимъ. Вотъ почему въ выборѣ невѣсты для сына у дунганъ первое мѣсто принадлежитъ матери. Супруги, согласившись между собою, въ скоромъ времени созываютъ по возможности всѣхъ своихъ родственниковъ на семейный совѣтъ. Если съ нѣкоторыми изъ нихъ они до этого были въ ссорѣ, то на этотъ разъ всѣ непріятности и раздоры забываются обѣими сторонами, въ виду важности предстоящаго семейнаго дѣла.

Приглашенные родственники всѣ собираются въ назначенный день. Пригласившіе ихъ первоначально объявляютъ имъ о своемъ намѣреніи женить сына, а потомъ уже объявляютъ и о намѣченной ими невѣстѣ, причѣмъ объясняютъ всѣ выгоды этого брака какъ для сына, такъ и для нихъ самихъ. Затѣмъ они подробно описываютъ характеръ невѣсты, ея, главнымъ образомъ, трудолюбіе и хорошее поведеніе, упоминаютъ о красотѣ ея и о другихъ физическихъ достоинствахъ и т. д., также сообщаютъ о характерѣ и поведеніи ея родителей, указываютъ на ихъ зажиточность и домовитость, на ихъ связи и ихъ отношенія къ прочимъ односельчанамъ; поднимаютъ они и разбираютъ не только настоящую, но и прошлую жизнь родителей невѣсты, однимъ словомъ, на этомъ совѣтѣ родственниковъ родители жениха стараются не упустить ни одной самой мелкой черты, имѣющей отношеніе къ сватовству сына. Такимъ подробнымъ сообщеніемъ добытыхъ свѣдѣній родители стараются показать, что къ предстоящей задачѣ они, какъ родители, отнеслись серьезно. Но, несмотря на это, говорятъ родители, они могли что-либо упустить изъ виду и, быть можетъ, упустили даже главное, между тѣмъ, со стороны же виднѣе какъ всѣ достоинства и выгоды предполагаемаго брака, такъ и всѣ недостатки и невыгоды его, особенно послѣднія, почему они и просятъ убѣдительно совѣта своихъ родственниковъ, просятъ ихъ ничего не скрывать, если имъ что-либо еще извѣстно, чтобы потомъ никому не пришлось

жалѣть, чтобы не сдѣлать несчастными ни ту ни другую сторону.

Молча и съ серьезнымъ видомъ родственники все выслушиваютъ, и, по окончаніи рѣчи родителей, они начинаютъ тщательно взвѣшивать всѣ выгодныя и невыгодныя стороны предполагаемаго брака. Спокойное и хладнокровное вначалѣ обсужденіе этого вопроса, въ большинствѣ случаевъ далѣе начинаетъ принимать возбужденный и нерѣдко острый характеръ. Собравшіеся на совѣтъ по большей части раздѣляются на двѣ партіи: одни стоятъ за избранную невѣсту, а другіе противъ нея,—въ такихъ случаяхъ дѣло доходить нерѣдко до порядочнаго шума, а иногда и взаимныхъ ссоръ и укоровъ, правда, незначительныхъ.—Женщинамъ, особенно уже пожилымъ, на этомъ семейномъ совѣтѣ принадлежитъ видное мѣсто. Онѣ слишкомъ горячо и близко принимаютъ къ сердцу это дѣло: кричатъ, спорятъ, жестикулируютъ до упаду, какъ будто бы дѣло шло объ ихъ собственной участи. Мужья, наоборотъ, по большей части скоро сдаются и соглашаются съ мнѣніемъ своихъ женъ; если же который не согласится съ мнѣніемъ своей супруги, то послѣдняя, въ пылу раздраженія, сообщаетъ какой-нибудь эпизодъ изъ своей супружеской жизни, гдѣ выставить своего супруга въ смѣшномъ или глупомъ видѣ. Этого только и нужно было: раздается дружный общій хохотъ, а смущенный и посрамленный супругъ принужденъ бываетъ окончательно замолчать: шутки и насмѣшки на него теперь сыплются въ изобиліи. Дунганки умѣютъ отстаивать свое мнѣніе, а особенно передъ обществомъ, и пользуются для этого всѣми средствами; въ нихъ далеко нѣтъ той приниженности и забитости, какія наблюдаются у киргизокъ или сартянокъ.

Разбившись на партіи, мужья обсуждаютъ и разбираютъ чисто-практическія, матеріальныя выгоды предстоящаго брака, а женщины разматриваютъ его съ другой стороны—насколько этотъ бракъ принесетъ счастье молодымъ людямъ и родителямъ ихъ. Послѣ довольно продолжительнаго обсужденія, порядочнаго шума и спора, а нерѣдко и послѣ взаимныхъ ссоръ и колкостей, неизбежныхъ у дунганъ, дѣло кончается сытнымъ и вкуснымъ обѣдомъ; послѣ обѣда большинствомъ голосовъ постановляется окончательное рѣшеніе: искать ли другую невѣсту или останавливаются на избранной.

Въ послѣднемъ случаѣ родители жениха посылаютъ въ качествѣ свата къ родителямъ невѣсты одного изъ присутствующихъ родственниковъ, солиднаго и почтеннаго по лѣтамъ и болѣе другихъ пользующагося уваженіемъ. Сватъ этотъ (мэй-жень) приходитъ въ домъ невѣсты, гдѣ его, какъ гостя или какъ просто явившагося по дѣлу, усаживаютъ обыкновенно на почетное мѣсто (шань-выше) на канѣ. Нужно сказать, что дунганинъ-хозяинъ никогда первый не предлагаетъ пришедшему гостю такихъ вопросовъ, какъ: „зачѣмъ ты пришелъ“? или: „что тебѣ надобно“? а обязательно дожидается, пока пришедшій гость самъ первый не объяснитъ цѣли своего прихода. Предложить хозяину первому подобные вопросы пришедшему къ нему въ домъ гостю, кто бы онъ ни былъ, считается крайне невѣжливымъ. Всякій дунганинъ (гость-ли то будетъ или сватъ), вошедши въ домъ, первымъ дѣломъ освѣдомляется о здоровьѣ хозяина въ такихъ выраженіяхъ: „хао-ма“ (здоровъ-ли ты?) „чы-лѣ-моу“ (ѣлъ-ты или пѣлъ?) „сы-чинъ ду пи-нанъ“ (благополучны-ли дѣла), здорова-ли скотина? и т. д. Вопросы эти обязательны для дунганина, по какому-бы случаю или дѣлу онъ ни пришелъ въ домъ хозяина. Таковъ уже установившійся обычай, дунганами строго соблюдаемый. Хозяинъ дома между тѣмъ отдаетъ приказаніе, чтобы былъ поданъ чай. И вотъ сватъ, покончивъ съ обычными вопросами и получивъ на нихъ должные отвѣты, безъ дальнихъ разговоровъ, прямо приступаетъ къ цѣли своего посѣщенія и сообщаетъ, что въ родственномъ ему семействѣ есть очень хорошій молодой человѣкъ, котораго пора женить. Молодой человѣкъ этотъ по наружности очень красивъ (чжанъ-ди-хао), скромнъ (ти-мянъ), уменъ (чжинъ-бэй), прекрасный хлѣбопалецъ или хорошій торговецъ (смотря по занятію жениха), грамотенъ, набоженъ, да и родители его люди состоятельные, добрые и т. д.; однимъ словомъ, дунганинъ-сватъ не скупится на похвалы, а напротивъ, щедро таковыя расточаетъ по адресу пославшихъ его, хотя хозяинъ дома въ большинствѣ случаевъ и безъ того отлично знаетъ всѣхъ лицъ, о которыхъ идетъ рѣчь.

„Зная же“,—продолжаетъ далѣе сватъ,—„что у васъ есть дочка, которая добра, умна, трудолюбива и по хозяйству весьма опытна и свѣдуща, родители этого молодого человѣка послали меня къ вамъ просить отдать дочь вашу за него, какъ за до-

стойнаго вполне молодого человека, съ которымъ ваша дочь будетъ счастлива“. И онъ снова принимается расхваливать все достоинства жениха и родителей его. Покончивъ эти многословныя и краснорѣчивыя похвалы, всегда въ такихъ случаяхъ длинныя и пространныя, свать просить дать ему отвѣтъ.

Выслушавъ все это, родители невесты или прямо отказываютъ свату, если считаютъ предложеніе это для себя невыгоднымъ, почему либо неподходящимъ, или же, если предложеніе это для нихъ лестно и выгодно, то просятъ свата обождать нѣкоторое время, такъ какъ они, въ свою очередь, несмотря на все слышанныя ими отъ него похвалы о женихѣ и его родителяхъ и которымъ они безусловно вѣрятъ, сами желаютъ собрать подробныя свѣдѣнія о молодомъ человекѣ и его родителяхъ, дѣлающихъ имъ и ихъ дочери столь лестное предложеніе. Если же отказываютъ они, то отказъ свой выражаютъ сейчасъ-же. Отецъ невесты говоритъ приблизительно свату такъ: „Свать!—возвратись домой: дѣло это не подходящее (мэй-жень, ни хуй-цзы! Чжэгэ-сычинъ буциле)“. Или: „Я знаю, что ты пришелъ съ хорошимъ сердцемъ (желаніемъ) и добрымъ намѣреніемъ, но дитя наше слишкомъ еще мало и юно (ва-ва сяо, ни-дию хао-синъ лай-ле на-о чжи-дао-лѣ)“. Свать извиняется за причиненное безпокойство, раскланивается и уходитъ. Если же предложеніе выгодно, то, не отказывая, отецъ невесты говоритъ: „Дочь наша хотя еще очень молода и выходить ей замужъ еще слишкомъ рано, но мы просимъ молодого человека и его родителей обождать нѣкоторое время: мы между тѣмъ наведемъ справки (да-тинъ) о поведеніи жениха, его характерѣ, а также о родителяхъ его и ихъ состояніи. Хотя мы знаемъ ихъ давно и съ хорошей стороны, но, чтобы окончательно рѣшить этотъ важный вопросъ выдать нашу дочь замужъ или нѣтъ, мы посоветуемся еще какъ между собою, такъ и со всеми своими родственниками“. Въ заключеніе еще разъ отецъ невесты благодаритъ свата за лестное предложеніе, и, любезно другъ съ другомъ раскланявшись, послѣдній уходитъ.

Вскорѣ послѣ этого въ домѣ родителей невесты собирается такой же семейный совѣтъ, на который приглашаются все родственники. Характеръ совѣщанія и здѣсь бываетъ такой же, какъ и въ домѣ жениха. Но только, при выдачѣ дочери, на

этомъ совѣтъ рѣшающій голосъ остается за матерью невѣсты, или если есть бабушка, главнымъ образомъ мать жены, то окончательное рѣшеніе остается за нею, и если ея въ данное время не случится налицо, то за нею посылають и дожидаются ея пріѣзда.

Отецъ невѣсты, послѣ посѣщенія свата, непременно пострадается нѣсколько разъ осмотрѣть жениха, хотя бы до этого онъ и видѣлъ его, и говорилъ съ нимъ многое множество разъ. Обыкновенно опытные и старые такъ стараются осмотрѣть жениха, чтобы послѣдній совсѣмъ не замѣтилъ, что за нимъ наблюдаютъ. Оцѣнивается его фигура, его манера держаться, вести себя какъ со сверстниками, такъ и со старшими, при случаѣ присматриваются къ пріемамъ его работы, насколько онъ ловокъ, опытенъ и силенъ; возрастъ его при этомъ также принимается въ расчетъ. Производится, такъ сказать, тайная, негласная, но очень строгая и притомъ весьма разносторонняя оцѣнка всѣхъ достоинствъ и недостатковъ жениха. Результаты своихъ наблюденій мужъ обязательно сообщаетъ своей женѣ. Родители-же жениха, зная, что сынъ ихъ будетъ служить въ это время предметомъ самаго внимательнаго и тщательнаго наблюденія, какъ со стороны родителей невѣсты, такъ и со стороны ея родственниковъ, внушаютъ своему сыну правила вѣжливости и приличія, правила, какъ онъ долженъ вести и держать себя, чтобы какъ онъ самъ, такъ и черезъ него и они не послужили впослѣдствіи предметомъ насмѣшекъ и издѣвательствъ, если дѣло, начатое, повидимому, удачно, почему-либо послѣ разстроится. И, дѣйствительно, за женихомъ, кто бы онъ ни былъ, наблюдаютъ многіе, особенно этимъ занимается вся, нерѣдко многочисленная, родня невѣсты, какъ сторона заинтересованная. Отецъ невѣсты можетъ видѣть жениха только мимоходомъ, на улицѣ, но никакъ не въ домѣ его родителей. Въ свою очередь, женихъ и его родители не могутъ прійти въ домъ невѣсты до слѣдующаго дня послѣ свадьбы. Таковъ уже обычай, издавна установившійся и всеми соблюдаемый. Въ силу того же крѣпкаго обычая, отецъ невѣсты не можетъ и говорить со встрѣтившимся ему на улицѣ или на дорогѣ женихомъ. Женихъ же при встрѣчѣ со своимъ будущимъ тестемъ, если онъ, женихъ, пѣшій, отойдя отъ него нѣсколько шаговъ въ сторону, долженъ почтительно привѣтствовать его, сказавъ селямъ (при-

вѣтствіе) „ансаямъ арлекюнъ“, — искаженное арабское слово: „саямъ аглекимъ“. — Привѣтствіе это, какъ извѣстно, есть обычное не только среди дунганъ, но и среди мусульманъ вообще. У дунганъ же, говорящихъ обыкновенно на китайскомъ языкѣ, эта форма привѣтствія употребляется въ случаяхъ официальныхъ или торжественныхъ, не допускающихъ равныхъ или дружественныхъ отношеній, при встрѣчѣ съ муллою или ахуномъ или же при встрѣчѣ младшихъ со старшими; во всѣхъ же обыкновенныхъ случаяхъ дунгане пользуются роднымъ выраженіемъ, существующимъ на родномъ ихъ китайскомъ языкѣ: „хао-ма“ здоровъ-ли? „чы-лѣ мою“—ѣлъ-ли ты?

Если же женихъ встрѣтитъ своего будущаго тестя верхомъ на лошади, то, не доѣзжая до него нѣсколькихъ шаговъ, онъ долженъ сойти съ лошади и, остановившись, сказать то же самое привѣтствіе (селямъ), и когда повстрѣчавшійся будущій тесть уже пройдетъ или проѣдетъ нѣсколько шаговъ, тогда только женихъ можетъ сѣсть снова на лошадь и продолжать далѣе свое путешествіе.—Впрочемъ, этотъ обычай привѣтствовать, какъ говорятъ дунгане, входитъ вообще въ кругъ приличій или обязанностей всѣхъ молодыхъ людей при встрѣчѣ ихъ со старшими по лѣтамъ или по положенію въ обществѣ; но, на сколько мы могли замѣтить, обычай этотъ уже не такъ строго соблюдается, какъ объ этомъ заявляютъ сами дунгане. Обычай такъ привѣтствовать, т.-е. сходить съ лошади въ знакъ почтенія и уваженія къ встрѣтившемуся на дорогѣ старшему, есть обычай чисто-китайскій, вѣрнѣе азіатскій. Какъ извѣстно, въ Китаѣ даже знакомые крестьяне, торговцы, служащіе и чиновники, однимъ словомъ, лица равныя по общественному между собою положенію, при встрѣчѣ другъ съ другомъ, сходятъ съ лошадей и, послѣ вопросовъ о здоровьи и благополучіи, одинъ другого начинаютъ упрасивать прежде него садиться на лошадь, чѣмъ желаютъ выразить свое особенное почтеніе и уваженіе другъ къ другу; дѣло доходитъ нерѣдко до взаимныхъ и долгихъ препирательствъ, но обыкновенно старшій всегда садится прежде и отправляется своею дорогою, послѣ чего уже садится и младшій. При встрѣчѣ начальствующихъ лицъ, лица подчиненныя и частныя тоже обыкновенно сходятъ съ лошади и, учинивъ должное поклоненіе, садятся на лошадь уже тогда, когда начальствующее

лицо отъѣдетъ на порядочное разстояніе. У нашихъ дунганъ этотъ обычай соблюдается только молодыми по отношенію къ старшимъ, да и то не такъ строго и аккуратно; старшіе же, при встрѣчѣ между собою, ограничиваются однимъ привѣтствіемъ, не слѣзая съ лошади или телѣги. Назвалъ я этотъ обычай азіатскимъ, между прочимъ, потому, что не разъ видѣлъ, какъ киргизы-бѣдняки такимъ же образомъ выражали свое почтеніе и уваженіе своимъ же болѣе богатымъ и болѣе сильнымъ едино-племенникамъ. Наша уѣздная администрація, желая возвысить въ глазахъ туземнаго населенія свой престижъ, также требуетъ отъ туземцевъ къ себѣ почтенія, а именно въ такой же формѣ. Но вернемся къ сватовству.

Спустя нѣсколько дней, но не болѣе десяти, что требуется опять-таки установившимся обычаемъ, родители жениха посылаютъ того же свата, на этотъ разъ уже не одного, а въ сопровожденіи еще двухъ другихъ, тоже почтенныхъ и уважаемыхъ стариковъ,—всего на этотъ разъ обязательно должно быть три свата,—понавѣдаются въ домъ родителей невесты для того, чтобы узнать, какое наконецъ они приняли рѣшеніе и можно ли разсчитывать на ихъ согласіе. По приходѣ въ домъ невесты, послѣ обычныхъ привѣтствій, приведенныхъ выше, уже всѣ три свата начинаютъ краснорѣчиво, насколько хватаетъ ихъ силъ и умѣнья, расхваливать прекрасныя качества жениха, его родителей, состояніе послѣднихъ и проч. и проч. Если родители невесты находятъ, что предстоящая партія для нихъ подходящая, то сейчасъ же и даютъ свое согласіе; но, по большей части, отецъ и мать невесты просятъ сватовъ еще разъ обождать нѣкоторое время. Они говорятъ при этомъ, что далеко еще не все разузнали о женихѣ и его родителяхъ и назначаютъ въ этомъ случаѣ десятидневный или семнадцатидневный срокъ, мотивируя тѣмъ, что они за это время обстоятельно обдумаютъ и еще разъ посоветуются со своими родственниками. Они взвѣсятъ еще разъ всѣ выгодныя и невыгодныя условія предстоящаго брака для той и другой стороны, а главнымъ образомъ, имъ нужно убѣдиться, принесетъ ли этотъ бракъ счастье обоимъ молодымъ людямъ, и дѣйствительно ли пославшіе сватовъ рѣшились взять замужъ именно эту невесту, ихъ горячо любимую ими дочь.

Тѣ родители невесты, которые откладываютъ до третьяго

раза дать окончательное согласіе на бракъ, обыкновенно бываютъ люди зажиточные, пользующіеся уваженіемъ, или же разсчетливые. Своимъ неторопливымъ отвѣтомъ они хотятъ увеличить цѣну себѣ и своей дочери; однимъ словомъ, стараются почему-либо придать себѣ большій вѣсъ въ глазахъ ищущей стороны, чтобы и будущій зять зналъ, что жена ему досталась не такъ легко, а потому онъ ее любить и уважать будетъ больше. Бываютъ и другія причины оттянуть свое согласіе.

Наконецъ, въ назначенный срокъ сваты идутъ въ третій разъ и опять начинается расхваливаніе жениха, его родителей, невѣсты и проч. и проч. Но на этотъ разъ сваты дѣйствуютъ и говорятъ болѣе увѣренно, въ разговорахъ и похвалахъ, расточаемыхъ ими по адресу той и другой стороны, слышится легкая иронія или острое словцо, такъ какъ они увѣрены, что на этотъ разъ согласіе будетъ дано, а что сейчасъ они соблюдаютъ только одну простую формальность, которая пріятно щекочетъ самолюбіе родителей невѣсты. — Наконецъ, отецъ невѣсты, колеблясь и нерѣшительнымъ голосомъ (причемъ сваты усердно и дружно, словами, жестами поощряютъ скорѣе дать свое согласіе и выражаютъ нетерпѣніе) говоритъ: „Положимся на волю Божію! Доволенъ, т. е. я согласенъ, отдаю (Хуань-си! Гэйлѣ). — Давъ свое согласіе, сваты и отецъ невѣсты всѣ вмѣстѣ становятся посреди комнаты и совершаютъ такъ называемый обрядъ Цзуань-шоу, который состоитъ въ слѣдующемъ: одинъ изъ сватовъ, по преимуществу первый, и отецъ невѣсты прикасаются ладонями своихъ правыхъ рукъ вмѣстѣ, затѣмъ сватъ ладонью своей лѣвой руки прикрываетъ тылъ правой руки отца невѣсты, а послѣдній ладонью своей лѣвой руки прикрываетъ тыльную сторону правой руки свата, и послѣ пожатія они опускаютъ свои руки въ такомъ видѣ книзу; потомъ это продѣлываютъ всѣ три свата съ отцомъ невѣсты.

Обрядъ зтотъ у дунгань имѣетъ важное и серьезное значеніе: всѣ болѣе или менѣе важные случаи въ своей жизни, какъ-то: сватовство, торговые сдѣлки, разнаго рода обязательства и договоры, они заканчиваютъ этимъ обрядомъ, послѣ исполненія котораго отступать уже не полагается. Дунганинъ, желая убѣдить другого, что онъ сдѣластъ то, что обѣщаетъ или о чемъ говорить, вмѣсто всякихъ словъ и краснорѣчивыхъ выраженій,

продѣлываетъ со своимъ собесѣдникомъ этотъ обрядъ, и послѣдній тогда остается вполне увѣренъ, что обѣщанное безусловно будетъ исполнено общающимъ и притомъ сдѣлано будетъ самымъ точнымъ образомъ, такъ какъ не исполнить чего-либо послѣ Цзуань-шоу считается крайне предосудительнымъ,—это значить прослыть за обманщика, человѣка легкомысленнаго и ненадежнаго, на слово котораго положиться нельзя, потерять довѣріе и уваженіе въ глазахъ всѣхъ, чѣмъ дунгане слишкомъ дорожатъ.

Исполнивъ обрядъ Цзу-ань-шоу, всѣ три свата отцу невѣсты и послѣдній сватамъ дѣлаютъ одновременно поклонъ (Цзо-и) со словами: „ансалимъ арлекюнтъ“.—Послѣ этого сватовъ съ почетомъ сажаютъ на кань, хорошенько угощаютъ и отправляютъ съ пріятнымъ извѣстіемъ къ родителямъ жениха.—Въ первый и во второй приходъ сватовъ не угощаютъ обѣдомъ, а ограничиваются лишь чаепитіемъ; если же родители невѣсты даютъ свое согласіе во второе посѣщеніе, то также обѣдомъ угощаютъ; однимъ словомъ, угощеніе дѣлается сватамъ сейчасъ же послѣ согласія, даннаго отцомъ невѣсты. Мать невѣсты ниразу не присутствуетъ во время прихода сватовъ. Теперь, передъ угощеніемъ сватовъ, отецъ объявляетъ матери и дочери о данномъ имъ согласіи, хотя онѣ это и безъ него знаютъ, во-первыхъ, потому, что отдано отцомъ распоряженіе объ угощеніи сватовъ, а во-вторыхъ, безъ согласія матери отецъ не можетъ дать своего согласія, но всеже онѣ ждутъ его объявленія. Тутъ они всѣ трое (т. е. родители невѣсты и она сама) громко плачутъ (непремѣнно громко).—Мать, сяди въ сосѣдней комнатѣ, обниметъ свою дочь-невѣсту, со слезами и воплями начинаетъ причитывать и давать ей самыя нѣжныя названія. Родители плачутъ потому, что имъ скоро придется разстаться съ дорогимъ своимъ дѣтищемъ, а невѣста плачетъ потому, что ей въ непродолжительномъ времени предстоитъ неизбежная разлука съ родительскимъ домомъ, а сваты, въ ожиданіи угощенія, сидятъ на конѣ съ торжествующимъ и довольнымъ видомъ, что вотъ-де послѣ столькихъ трудовъ и хлопотъ наконецъ-то удалось имъ подстрѣлить важную, дорогую птицу.—Настроеніе отца во время угощенія серьезное; у него то и дѣло скатывается изъ глазъ по щекамъ крупная слеза; онъ мало и говоритъ, а только усердно проситъ своихъ

гостей, чтобы они хорошенько ѣли и извиняли на столь маломъ и незначительномъ угощеніи. А угошенія на самомъ дѣлѣ приготавливается очень много, такъ какъ отецъ и мать невѣсты заранѣе очень хорошо знали, что въ назначенный ими день сваты непременно явятся къ нимъ за отвѣтомъ.

Спустя восемь — десять дней родители жениха отправляютъ приготовленные въ теченіе этого времени подарки въ домъ невѣсты. Подарки эти называются „сяо-ли-рѣ“, т. е. малые подарки. Для несенія этихъ подарковъ устраивается настоящая процессія. Въ процессіи этой обязательно участвуютъ прежніе три свата, ахунъ или мулла, въ приходѣ котораго состоитъ женихъ, родные братья послѣдняго (если таковые есть), нѣкоторые другіе ближайшіе родственники, друзья и знакомые жениха. — На обязанности послѣднихъ (т. е. друзей и знакомыхъ) нести подарки; подарки несутся открыто на подносахъ, чтобы все видѣли ихъ. Порядокъ, въ которомъ несутся подарки, слѣдующій:

1) На первомъ подносѣ лежатъ серебряныя вещи: серьги — ихъ одна пара, — одинъ браслетъ и два кольца.

2) На второмъ подносѣ кусокъ (небольшой) черной кисеи или просто черный платокъ, которымъ впослѣдствіи во время свадьбы закрываютъ прическу молодой въ знакъ того, что она будетъ женщиной. Платокъ этотъ называется „фанъ-шонъ“.

3) На третьемъ подносѣ шелковыя нитки четырехъ цвѣтовъ — красныя, зеленыя, желтыя и синія, и небольшой кусокъ шелковой матеріи; кто побогаче, тотъ кладетъ четыре куска шелковой матеріи такихъ же цвѣтовъ, какъ и нитки. Матерія предназначена для башмаковъ невѣсты, а нитки для вышиванія ихъ.

4) На четвертомъ и пятомъ подносахъ десять свертковъ съ небольшими сладкими хлѣбцами, которые называются „го-цзы“; въ каждомъ сверткѣ по восьми хлѣбцевъ, а всего восемьдесятъ, а на каждомъ подносѣ по пяти такихъ свертковъ.

5) На шестомъ подносѣ десять большихъ хлѣбовъ круглой формы. Хлѣбы эти видомъ напоминаютъ обыкновенныя лепешки, но только гораздо больше, а именно въ діаметрѣ не менѣе полуаршина и толщиною въ одинъ вершокъ. Хлѣбы эти называются „панъ-цзы“.

6) Не менѣе 15—17 подносовъ съ орѣхами и урюкомъ.

Нѣкоторые на первый подносъ кладутъ, а иногда и отдѣльно

посылають невѣстѣ цвѣты (искусственные), бѣлила и мыло. Болѣе зажиточные, кромѣ вышеприведенныхъ подарковъ, посылають еще на кофту и штаны желтаго цвѣта матеріи по 5 аршинъ и шелковой матеріи синяго цвѣта для халата десять аршинъ.

Впередѣ несутъ подарки; за ними важно выступаетъ ахунъ, затѣмъ ближайшіе родственники жениха, его друзья и знакомые. Процессія заканчивается порядочной толпой мальчугановъ и любопытныхъ, что придаетъ всей этой картинѣ живой и оригинальный видъ.

Смыслъ и значеніе настоящихъ подарковъ таковы: прежде всего родители жениха выражаютъ этимъ свою благодарность и признательность родителямъ невѣсты за согласіе постѣднихъ увеличить семью первыхъ, невѣстѣ—поздравленіе съ новымъ ея положеніемъ, а всѣмъ родственникамъ, какъ своимъ, такъ и со стороны невѣсты, а также и всѣмъ знакомымъ—объявленіе о предстоящей скорой свадьбѣ. Это, такъ сказать, официальное объявленіе о помолвкѣ молодыхъ людей, и оно дѣлается, какъ мы видѣли, открыто, гласно, чтобы всѣ, свои и чужіе, одинаково знали о столь важномъ событіи, имѣющемъ произойти въ недалекомъ будущемъ въ двухъ извѣстныхъ семействахъ.

Отецъ невѣсты съ кѣмъ-либо изъ своихъ ближайшихъ родственниковъ, которые обязательно приглашаются на этотъ случай, а также и знакомые, встрѣчаютъ пришедшихъ у порога своего дома, и отецъ принимаетъ принесенные подарки, которые разставляютъ тутъ же, на дворѣ, у порога дома, на заранѣе приготовленномъ мѣстѣ, чтобы всѣ присутствующіе и вновь приходящіе могли ихъ видѣть. Такъ ставятся подарки, если день хорошій; если же день ненастный, то подарки вносятся въ комнату, но также ставятся на виду, вдоль стѣны, чтобы опять-таки всѣ желающіе могли ихъ видѣть. Приглашенныя женщины-гости, какъ и сама хозяйка дома, находятся въ отдѣльной комнатѣ; изъ нихъ никто не встрѣчаетъ принесшихъ сло-ли-рѣ.

Передавши подарки и разложивши ихъ на столахъ въ извѣстномъ порядкѣ, пришедшій со стороны жениха ахунъ говоритъ рѣчь, которую всѣ слушаютъ, стоя другъ противъ друга. Содержаніе рѣчи ахуна приблизительно слѣдующее: отъ имени родителей жениха онъ проситъ извиненія и снисхожденія, что присланные ими отъ чистаго сердца подарки такъ малы и незначи-

тельны, затѣмъ уже онъ указываетъ на смыслъ этихъ подарковъ, какъ мы привели выше, и въ заключеніе, призывая имя Божіе на вступающихъ въ бракъ и на почтенныя ихъ семейства, выражаетъ обѣимъ сторонамъ пожеланія полного благополучія и благоденствія на долгіе годы. По окончаніи этой рѣчи, ахунъ, приглашенный со стороны неvěсты, держитъ отвѣтную рѣчь своему собрату по профессіи; рѣчь эту также всѣ слушаютъ стоя. Отъ имени родителей неvěсты ахунъ увѣряетъ принесшихъ подарки (ли) что они, родители неvěсты, не только не смѣютъ, но не могутъ выразить и тѣни своего неудовольствія, что принесенныхъ подарковъ мало, напротивъ того, они до крайности удивлены и смущены большимъ количествомъ и высокою цѣнностью послѣднихъ, о чемъ и просятъ передать родителямъ жениха; уже по этимъ подаркамъ они видятъ то вниманіе и уваженіе, какое тѣ питаютъ къ нимъ и ихъ дочери, о чемъ также просятъ передать. И этотъ ахунъ заканчиваетъ свою рѣчь тѣми же благопожеланіями обѣимъ сторонамъ, какъ и первый.

По окончаніи этой рѣчи обѣ стороны говорятъ другъ-другу саламъ съ поклономъ (цзо-и), всѣ одновременно, вразъ, и отецъ неvěсты приглашаетъ всѣхъ занять мѣста за столиками, разставленными заблаговременно на дворѣ, прямо на землѣ. Земля сначала покрывается соломой, а потомъ разстилаются кошмы, на которыя уже и разставляются столики; солома для того разстилается, чтобы кошмы не пылились и не загрязнились. Ахуны, конечно, занимаютъ главное мѣсто (шанъ).

Сначала подаютъ чай съ сушеными фруктами: урюкомъ, изюмомъ, чжигдой, грецкими орѣхами, а также сладкіе хлѣбцы; почти всегда подаютъ тѣ сушеные фрукты и хлѣбцы, которые только что они получили отъ родителей жениха, а потомъ слѣдуетъ обѣдъ, но не весь торжественный обѣдъ, а только 4—5 блюдъ изъ си-фа-нь, торжественнаго обѣда, состоящаго изъ 19 блюдъ.

Со дня полученія „малыхъ подарковъ“ помолвка считается официально объявленной. Дѣвушка, выходящая замужъ, мирится съ своею новою ролью неvěсты, хотя ея согласія по большей части, какъ у другихъ народовъ востока, не спрашивали, — за нее ея судьбу рѣшили отецъ съ матерью. Дѣвушекъ, почему-либо невыданныхъ рано и достигшихъ 15—16 лѣтъ, родители еще спрашиваютъ объ ихъ согласіи, но выдаваемыхъ малолѣтними

(12 — 13 лѣтъ) обыкновенно не спрашиваютъ о таковомъ. Дунганская дѣвушка-невѣста, какъ и другія мусульманки, своего будущаго супруга и повелителя почти никогда не видѣла, а если когда и видѣла, то это было уже такъ давно,—когда она была еще совсѣмъ маленькой, быть можетъ, она не разъ съ нимъ въ дѣтствѣ и играла, а, быть можетъ, когда-нибудь и ссорилась съ нимъ, но это происходило давнымъ-давно, и сейчасъ она не можетъ себѣ представить не только лица, но и фигуры своего жениха. Нужно сказать, что до 10 — 11 лѣтъ дунганскія дѣвушки ходятъ по улицѣ съ открытыми лицами и лишь съ десятилѣтняго или одиннадцатилѣтняго возраста ихъ не пускаютъ на улицу, и если онѣ выходятъ, то уже закрываютъ свое лицо. Когда дѣвушка просватана, отецъ и мать удваиваютъ къ дочери свою заботливость и нѣжность; меньшихъ ея братьевъ и сестеръ заставляютъ относиться къ ней съ большимъ почтеніемъ и уваженіемъ.

Со дня помолвки мать постепенно сообщаетъ своей дочери о женихѣ и его родныхъ, а также о его родителяхъ и всѣхъ ихъ домочадцахъ, даетъ ей наставленія, какъ съ ними обращаться, чѣмъ пріобрѣсти ихъ расположеніе и любовь. Знакомитъ она дочь съ предстоящими ей новыми обязанностями, которыя она должна будетъ нести какъ по отношенію къ мужу, такъ и по отношенію ко всѣмъ его роднымъ, даетъ совѣты и наставленія, какъ привязать къ себѣ мужа, чтобы вызвать и сохранить его любовь. Все это мать сообщаетъ своей дочери по большей части поздно вечеромъ, когда прочіе члены семьи уже крѣпко спятъ, и онѣ остаются однѣ; рѣчь ея сопровождается нерѣдко тяжкими вздохами и крупными слезами съ обѣихъ сторонъ.

Со дня помолвки подружки неvěсты начинаютъ чаще навѣщать ее; ихъ угощаютъ обыкновенно чаемъ, сушеными фруктами, сладкими хлѣбами; жизнь въ домѣ неvěсты начинаетъ принимать болѣе оживленный характеръ, благодаря посѣщенію подругъ; неvěста болѣе входитъ въ роль взрослой, въ роль хозяйки; она смѣлѣе всѣмъ распоряжается и повелѣваетъ своими меньшими братьями и сестрами. Нѣкоторыя изъ бойкихъ подругъ, желая пошутить надъ неvěстой, сообщаютъ ей о ея женихѣ какія-нибудь вымышленныя исторіи, въ которыхъ представляютъ послѣдняго уродомъ, злымъ, суровымъ чѣмъ бѣдной неvěстѣ причиняютъ

немалое огорченіе и чѣмъ нерѣдко доводятъ ее до слезъ. Такими выходками подруги стараются подстрекнуть молодую на любопытство, и добиваются того, что она выражаетъ желаніе какъ-нибудь увидѣть своего жениха. Чтобы лучше и безопаснѣе устроить это, дѣвицы прибѣгаютъ къ посредничеству молодыхъ замужнихъ женщинъ, которыя со всякими предосторожностями даютъ возможность невѣстѣ хоть однимъ глазомъ взглянуть на своего жениха. Это продѣлываютъ онѣ не разъ, но всегда устраиваютъ такъ, что женихъ не замѣчаетъ того, что онъ служитъ предметомъ наблюденія со стороны своей невѣсты и ея подругъ, а, быть можетъ, онъ только притворяется, что ничего не замѣчаетъ. Конечно, всѣ эти невидимыя встрѣчи и свиданія, если можно ихъ такъ назвать, устраиваются осторожно, потихоньку; отъ всѣхъ они сохраняются втайнѣ и даже, будто бы, послѣ никѣмъ не выдаются; развѣ только, по выходѣ замужъ, спустя долгое время, въ припадкѣ откровенности, жена сообщаетъ мужу о подобной своей выходкѣ. Черезъ день или черезъ два, но не далѣе, какъ черезъ недѣлю послѣ полученія малыхъ подарковъ (сло-ли-рѣ), отецъ невѣсты, посоветовавшись предварительно съ своими ближайшими родственниками, составляетъ списокъ вещамъ, или подаркамъ, которые онъ желалъ бы получить отъ родителей жениха. Это въ сущности тотъ же „калымъ“, только у дунганъ онъ извѣстенъ подъ именемъ „*большихъ подарковъ*“ (та-ли). — Точно говоря, это есть официальное требованіе, почему при составленіи его родителями невѣсты и ея родными, оно весьма строго взвѣшивается и осторожно обдумывается. При этомъ, конечно, принимается во вниманіе состояніе родителей жениха, ихъ зажиточность и прочее; требованіе это, по возможности, не должно превышать того, что могутъ дать послѣдніе. Строго оно обдумывается еще и потому, что послѣ требовать болѣе того, что обозначено въ списокѣ, уже не полагается, такъ какъ это считается предосудительнымъ признакомъ человѣка легкомысленнаго, отнесшагося поверхностно и недостаточно обдуманно къ столь важному дѣлу. Это можетъ повлечь къ раздорамъ и другимъ непріятностямъ. При составленіи этого списка родители невѣсты принимаютъ во вниманіе и свою собственную зажиточность.

Вотъ одинъ изъ такихъ реестровъ, который намъ удалось записать. Реестръ этотъ, составляющій требованіе подарковъ,

или, что тоже, *калымъ*, относится къ средней зажитности дунганской семьи.

1) Деньгами отъ 150 до 300 рублей китайскимъ ямбовымъ серебромъ по преимуществу, какъ наиболѣе, по ихъ мнѣнію, чистымъ, по крайней мѣрѣ, такъ думаютъ дунгане; но это объясняется тѣмъ, что, живя въ Китаѣ, они привыкли къ ямбама, почему и цѣнность ихъ имъ болѣе понятна. Кто не можетъ достать ямба, тотъ пускаетъ въ ходъ и наши кредитные билеты, по преимуществу новыя сторублевая бумажки, а остальную сумму дополняютъ мелкими ямбами. Дунгане мнѣ передавали, что болѣе пятисотъ рублей не бываетъ требованія деньгами. Небогатые ограничиваются требованіемъ ста рублей.

2) Барановъ отъ шести до двѣнадцати штукъ; нерѣдко случается, что ихъ требуютъ и больше, но обязательно, чтобы ихъ было всегда четное число.

3) Серебряныя вещи: а) серьги (хуань-цзы) — двѣ пары, б) браслеты (цза-зцы или цзо-о-цзы) — четыре штуки, в) кольца (тунь-гу-цзы) — четыре штуки.

4) Серебряныя головныя украшенія: а) бянъ-цзань — одна штука, б) чуань-ца-о — одна штука, в) бинъ-цзань — одна штука, г) тэй-шту — одна штука. Всѣ эти головныя украшенія дѣлаются въ видѣ различныхъ цвѣтковъ, въ чисто китайскомъ вкусѣ; встрѣчаются очень тонкой и изящной работы.

5) Одежды большія: а) данъ-го-ръ — зимняя или осенняя, стеганая на ватѣ (мянъ-ди) одежда, похожая по виду на широкій халатъ, рукава, какъ и у нашихъ рясъ, широкіе, вышитые разноцвѣтнымъ шелкомъ; воротникъ и края этой одежды сверху и донизу тоже вышиты разноцвѣтнымъ шелкомъ, застегивается сбоку отъ шеи и до самаго низу — одна штука; б) данъ-го-ръ — лѣтнее пальто на одной подкладкѣ (цзя-ди) — одна штука; в) да-санъ-цзы — это широкая, шелковая рубашка, длинная, съ широкими рукавами — одна штука; г) пинъ-ао (шуба на мѣху) — одна штука.

6) Одежды малыя (сно-и-шань): а) бэй-да, рубашка ватная — одна штука; б) санъ-цзы, рубашка безъ ваты и подкладки — одна штука; в) чжунъ-и, штаны ватныя — одна штука; г) штаны лѣтнія (безъ ваты) — одна штука. Какъ рубашки, такъ и штаны

дѣлаются изъ простой или шелковой матеріи, смотря по достатку и средствамъ семьи.

7) Болѣе семи штукъ матеріи, обязательно различныхъ цвѣтовъ и по возможности яркихъ,—отъ пятнадцати до тридцати аршинъ (янъ-ку). Богатые представляютъ на половину шелковой на половину бумажной матеріи. Часть этой матеріи употребляется на башмаки.

8) Ваты (мянъ-хуа) для чулковъ—отъ четырехъ до десяти фунтовъ.

9) Го-цзы (маленькіе сладкіе хлѣбцы)—отъ шестидесяти до ста фунтовъ.

10) Пань-цзы (большіе хлѣбы)—отъ сорока до шестидесяти штукъ и болѣе, но чтобы было четное число.

11) Сушеныхъ фруктовъ (урюкъ, изюмъ, грецкіе орѣхи, чжигда или чиланъ)—отъ шестидесяти фунтовъ до двухъ-трехъ пудовъ.

Послѣдніе три разряда подарковъ не представляютъ серьезнаго требованія, но они имѣютъ скорѣе характеръ символическій, характеръ вѣрованія, освященнаго давностью обычая, почему и входятъ въ списокъ требуемыхъ вещей. Такъ, сладкіе хлѣбцы означаютъ желаніе, чтобы жизнь молодыхъ проходила по возможности слаще и пріятнѣе; большіе хлѣбы—чтобы жизнь ихъ протекала полнѣе и Богъ благословилъ бы ихъ дѣтьми, а различные сушеные фрукты—служатъ символомъ обилія, достатка и всякаго довольствія въ домѣ. Исходя изъ такого вѣрованія, всѣхъ этихъ предметовъ посылаютъ гораздо въ большемъ количествѣ, нежели ихъ потребовано въ реестрѣ родителей невѣсты.

Спустя нѣсколько дней послѣ отправки малыхъ подарковъ (сяо-ли-рѣ), родители жениха, зная, что реестръ этотъ долженъ быть уже готовъ, посылаютъ за нимъ одного изъ сватовъ, по возможности самаго перваго. Сватъ, получивши этотъ реестръ, немедленно таковой вручаетъ отцу жениха. Послѣдній обсуждаетъ содержаніе его съ ближайшими своими родственниками, причѣмъ, при чтеніи его, по адресу будущаго свата посылаются насмѣшки и остроты перѣдко вульгарнаго характера. Но все-же отецъ жениха немедленно все закупаетъ, что обозначено въ реестрѣ; начинается дѣятельное заготовленіе требуемыхъ подарковъ и шитье одежды для невѣсты. Если своихъ рукъ недостаточно

или если не надѣются, что свои домашніе сонѣютъ такъ хорошо и искусно, какъ то нужно, то приглашаются постороннія женщины, славящіяся своимъ искусствомъ шить.

Съ этого времени жизнь въ домѣ жениха принимаетъ болѣе оживленный характеръ; между всѣми членами семьи настроеніе духа веселое и радостное. Да оно и понятно. Здѣсь ожидается появленіе новаго члена семейства, и при томъ молодого, полного свѣжихъ силъ и здоровья, съ прибытіемъ котораго притомъ увеличивается число рабочихъ рукъ по домашнему хозяйству, на котораго во многихъ случаяхъ даже въ первый годъ можно положиться; особенно же это относится къ семействамъ небогатымъ или малочисленнымъ, гдѣ не хватаетъ женскихъ рабочихъ рукъ.

Означенные подарки стараются заготовить по возможности поскорѣе, чтобы показать себя передъ родителями невесты съ выгодной стороны, выставить себя передъ ними людьми аккуратными. Въ виду этого въ скорой заготовкѣ требуемыхъ предметовъ дѣятельное участіе принимаютъ многіе родственники жениха. — Съ окончаніемъ заготовленія подарковъ, и, главнымъ образомъ, съ окончаніемъ шитья различнаго платья для невесты, снова посылаютъ сватовъ къ родителямъ ея съ просьбою назначить день для отправки этихъ подарковъ. Отецъ невесты прежде всего благодаритъ родителей жениха за то вниманіе и предупредительность, съ которыми они отнеслись къ его требованію, послѣ чего приступаютъ къ совѣщанію о днѣ отправки подарковъ, совѣщаются долго и серьезно, и наконецъ выбираютъ извѣстный день по взаимному соглашенію.

Отправленіе подарковъ, „та-ли“, невестѣ составляетъ важное событіе въ жизни дунганъ, почему оно производится весьма торжественно, открыто, чтобы всѣ видѣли и всѣ знали. Этимъ фактомъ связь между двумя семействами, вступающими въ родство, закрѣпляется еще тѣснѣе, еще крѣпче и полнѣе, съ этого дня поворотъ назадъ, отказъ, считается уже совершенно невысказаннымъ. Въ виду такого важнаго, какъ внутренняго, такъ и вѣшняго значенія этого дня, назначаютъ самый счастливый день для отправки большихъ подарковъ. У дунганъ считаются слѣдующіе счастливые дни: четвергъ (най-шамбе) самый счастливый день въ недѣлѣ для начала всякаго дѣла, а также для начала торговли и земледѣльческихъ работъ; за нимъ слѣдуетъ понедѣльникъ (дю-шамбе); да-

лѣе среда (шааръ-шамбе) и пятница (ежу-ма). Воскресенье (якъ-шамбе) не считается худымъ днемъ, но и не относится къ числу счастливыхъ: въ этотъ день не предпринимаютъ особенно важныхъ дѣлъ. Самымъ же тяжелымъ и несчастнымъ считается вторникъ (сэй-шамбе); въ этотъ день ни одинъ дунгаинъ, будто бы, не рѣшится пуститься въ дальнѣйшій путь, не сдѣлаетъ почина ни въ какомъ болѣе или менѣе важномъ дѣлѣ, такъ какъ этотъ день можетъ принести ему большія несчастія, бѣды, полную неудачу въ начатомъ дѣлѣ. Суббота (шамбе) такой же несчастный и неблагополучный день, какъ и вторникъ.

Наканунѣ того дня, въ который назначено отправлять подарки (сунъ-ли значитъ посылать, отправлять подарки), въ домѣ родителей жениха идутъ дѣятельныя приготовленія и хлопоты: рѣжутъ быковъ, предназначенныхъ для обѣда въ этотъ день, намазываютъ казаны, въ которыхъ готовится обѣдъ, пекутъ въ большомъ количествѣ хлѣбы „панъ-цзы“ и маленькіе сладкіе хлѣбцы „го-цзы“, пишутъ и рассылаютъ приглашительные билеты на красной бумагѣ (можно и на бѣлой, если не имѣется хорошей красной) всѣмъ родственникамъ и знакомымъ, многимъ мullahамъ и ахунамъ на завтрашнее торжество; приглашаются при этомъ также и остальные члены ихъ семьи, т. е. женщины и дѣти. Дворъ выметается, и часть его отгораживается цѣмъ или циновками, гдѣ будутъ обѣдать приглашенные мужчины; женщины же и дѣти обѣдаютъ отдѣльно отъ послѣднихъ въ жилыхъ комнатахъ, если же комнатъ мало и всѣ женщины и дѣти помѣститься не могутъ, то и для нихъ отгораживаютъ отдѣльное помѣщеніе рядомъ съ помѣщеніемъ для мужчинъ, но только оно отгораживается болѣе тщательно и болѣе глухо закрывается тѣми же берданками или циновками, которыя плетутся самими дунганами изъ камыша. Если же стоитъ ненастная погода, то во дворѣ надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ должны обѣдать, дѣлается навѣсъ изъ тѣхъ же берданокъ, которыя поддерживаются длинными тонкими пестами, вкапываемыми въ землю. Въ этотъ же день, т. е. когда идутъ дѣятельныя приготовленія, или наканунѣ торжества, жены ближайшихъ родственниковъ (цинъ-ци) и знакомыхъ и друзей (сянъ-хао-ди) со взрослыми дѣвушками и дѣтьми являются на помощь (банъ-манъ) хозяйкѣ дома, а больше приходятъ для того, чтобы пріятно и весело провести время въ разговорахъ, въ со-

общеніи другъ другу различныхъ новостей и не безъ того, конечно, чтобы не посплетничать. Ихъ угощаютъ чаемъ съ сушеными фруктами и обѣдомъ; здѣсь онѣ нерѣдко и ночуютъ.

Когда уже начинаетъ темнѣть, приглашаютъ за небольшое вознагражденіе (отъ двухъ до трехъ рублей на всѣхъ) нѣсколько человѣкъ поваровъ, которые готовятъ кушанья ночью; на слѣдующій день ихъ подаютъ гостямъ уже разогрѣтыми. Вотъ названія этихъ кушаньевъ въ томъ порядкѣ, какъ ихъ подаютъ гостямъ на обѣдъ, *Сяо-чи-цзы*, т. е. „малый обѣдъ“:

1) *Фынъ-и-данъ*—яйца куриныя, собственно желтки, зажаренные на постномъ маслѣ (ципъ-ю), всегда льяномъ, и посыпанные мелкимъ толченымъ сахаромъ.

2) *Мынь-цзы*—рубленое мясо, какъ для котлетъ, и скатанное такъ же, какъ и наши колобки или фрикадельки, величиною не болѣе послѣднихъ. Жариваются въ говяжьемъ салѣ и въ жирномъ соусѣ-подливѣ, въ которомъ и подаются. Подливъ поочереды выпивается всѣми обѣдающими.

3) *Жи-цзя-нь-чжоу*—черный изюмъ, сваренный съ зернами грецкаго орѣха и мелкими кусочками поджареннаго мяса и облитый медомъ.

4) *Цза-иэ*—ноги, губы, голова говяжьей, сваренныя и разрѣзанныя небольшими тонкими ломтиками, почему предварительно всѣ мягкія части тщательно очищаются отъ костей; подаются въ супѣ.

5) *Лянъ-жоу*—холодное мясо, нарѣзанное тонкими ломтями, предварительно сваренное въ соусѣ изъ различныхъ корней: корицы, гвоздики, съ которыми и подается.

6) *Фынъ-и-данъ*—въ сущности то же, что и первое блюдо, только яйца прожарены больше, почему они выходятъ круче; кромѣ того, они облиты щедро дунганскимъ медомъ (*танъ-си*) и посыпаны мелкимъ сахаромъ гуще, чѣмъ первое.

7) *Ту-ни-рз*—кожа съ мясомъ отъ бычьей головы, сваренная съ различными приправами и нарѣзанная продолговатыми тонкими ломтиками.

8) *Цзо-иэ*—брюшина, кишки, сердце, легкія; все это нарѣзанное мелкими кусочками и сварено въ супѣ, сильно приправленномъ дунганскимъ уксусомъ (*цз*).

9) *Сао-мэй*—пельмени съ изюмомъ, черными орѣхами и кусочками

соли, зажарены въ говяжьёмъ салѣ и обсыпаны толченымъ сахаромъ.

10) *Ванъ-изы*—рубленое мясо, какъ для котлетъ, скатанное въ шарики, сильно поджаренное; подается въ говяжьёмъ супѣ.

Вотъ и всѣ блюда, входящія въ составъ такъ называемаго „малаго обѣда“. Всѣхъ этихъ блюдъ подаютъ понемногу, не болѣе какъ по половинѣ чашки, такъ что на каждого сидящаго за столикомъ приходится не болѣе одного — двухъ кусочковъ. Вслѣдъ за малымъ обѣдомъ сейчасъ же слѣдуетъ главный обѣдъ, или „чжень-си“, т. е. настоящее торжество или угощеніе.

1) *Ю-сянъ* — лепешки, жареныя на постномъ маслѣ; ихъ подаютъ первыми въ главномъ обѣдѣ.

2) *Тунъ-жоу* — жареное небольшими кусочками мясо; подаютъ съ подливомъ.

3) *Чжень-мо-мо* — хлѣбцы бѣлые, паровые, подаютъ по 2 — 3 штуки на человѣка. Хлѣбцы эти небольшіе, круглой формы, свѣжіе или горячіе; они очень вкусны.

4) *Танъ-нанъ-изы* — сваренныя ягоды, изюмъ съ грецкими орѣхами, закатываются въ прѣсное тѣсто, потомъ поджариваются въ салѣ и обсыпаются сахаромъ.

5) *Цзо-гэ* — внутренности бычачьи: брюшина, кишки, сердце, легкія, т. е. то же, что и въ маломъ обѣдѣ, но подаются нѣсколько большими кусочками и притомъ съ мясомъ.

6) *Лянъ-жоу*

7) *Фынъ-и-данъ*

8) *Ту-пи-рэ* или *лянъ-изы*

то же, что и въ сяочи-цзы, или въ „маломъ обѣдѣ“.

9) *Сяо-цао* — мясо, слегка поджаренное; подаютъ съ гороховой лапшой (фынъ-тяо-цзы), но безъ всякаго соуса или подлива.

10) *Тянъ-жоу* — мясо, вареное съ лукомъ, морковью и редиской и наръзанное довольно большими ломтями; оно подается съ соусомъ и съ означенными приправами.

11) *Цза-гэ* — то же, что и въ сяо-чи-цзы, только безъ мяса.

12) *Ху-жоу* — жаркое; мясо наръзывается большими кусками и подается съ подливомъ.

13) *Ванъ-изы*, — смотр. сяо-чи-цзы — рубленое мясо съ морковью, лукомъ, сушеными грибами, доставаемыми изъ Кашгара или Кульджи, и рѣдкой; рѣдка красная, китайская, по вкусу своему похожа на рѣдису.

Кромѣ того, подаютъ въ разныхъ видахъ лапшу или вермишель, которая у дунганъ бываетъ двухъ родовъ—одна приготовляется изъ гороховога крахмала, а другая изъ обыкновенной муки, та и другая подаются въ мясномъ бульонѣ съ мелкими кусочками мяса. Всѣхъ кушаній „большого обѣда“ подаютъ по полной чашкѣ, а не по половинной, какъ въ „маломъ обѣдѣ“, или сло-чи-цзы.

Рано утромъ дворъ въ домѣ жениха покрываютъ соломой, т.-е. то мѣсто, гдѣ гости будутъ обѣдать, и застилаютъ кошмами. У дверей дома, вдоль стѣны, ставятъ нѣсколько высокихъ столовъ или досокъ на высокихъ стойкахъ, и покрываютъ ихъ одѣялами или же какой-нибудь цвѣтной (больше красной) бумажной матеріей, главнымъ образомъ, кумачомъ; на эти столы съ утра выставляютъ напоказъ всѣ подарки, предназначенные для невесты, чтобы присутствующіе и приходящіе могли ихъ видѣть. Около нихъ всегда находится порядочная толпа народу, начиная отъ малыхъ ребятъ и кончая взрослыми. По временамъ для осмотра ихъ выходятъ изъ комнаты пріѣхавшія въ гости женщины, по преимуществу старшаго возраста, посмотрятъ, потолкуютъ, пощупаютъ, сдѣлаютъ по-своему оцѣнку и важно, степенно опять уходятъ въ комнаты. Молодыя женщины и взрослыя дѣвушки осматриваютъ эти подарки сейчасъ же по прибытіи въ домъ хозяевъ, на пути въ комнаты, и послѣ уже не выходятъ.

Довольно рано начинается пріѣздъ гостей. Прежде всего ѣдутъ на телѣгахъ женщины съ малыми дѣтьми, и дѣвушки, наряженные въ яркаго цвѣта шелковыя и бумажныя матеріи. Волосы ихъ щедро убраны искусственными цвѣтами, особенно у дѣвушекъ; на головахъ золотыя и серебряныя украшенія, въ ушахъ такія же по большей части длинныя серьги. Невужно особенно присматриваться, чтобы замѣтить, что молодыя замужнія женщины и дѣвушки не пожалѣли щедрою рукою положить на свои лица, въ томъ числѣ на уши и на шею, толстый слой бѣлилъ, румянъ и пудры, лишь бы показаться красивѣе; при тряской ѣздѣ бѣлила и пудра легко обсыпается и падаютъ кусками на плечи и грудь ихъ обладательницъ, образуя на ихъ лицахъ полосы въ нѣсколько рядовъ. Но это никого не смущаетъ. Легко также замѣтить, что брови у всѣхъ весьма тщательно и аккуратно подведены черной краской, а ногти свои дунганскія

красавицы до половины выкрасили красной краской. Въ такой день нерѣдко встрѣтить телѣгу, наполненную почти одними дѣтьми: ихъ широкія плоскія лица выражаютъ довольство; глубоко сидящіе черные маленькіе глаза весело выглядываютъ изъ-подъ косой узкой глазной щели. Рѣзко бросаются въ глаза широкіе, приплюснутые носы, до того расплывшіеся посрединѣ, что спинка едва выдается надъ щеками маленькаго его обладателя; не ускользнеть отъ вниманія большая величина дѣтской головки, нерѣдко спереди до половины выбритая, съ нѣсколькими тоненькими, съ боковъ и сзади заплетенными косичками, и покрытая яркими цвѣтными шапочками у мальчиковъ и обиліемъ пестрыхъ цвѣтовъ у дѣвочекъ. Все это представляетъ своеобразную, довольно оригинальную картину.

Ѣдущіе везутъ съ собой на телѣгахъ маленькіе свои обѣденные столики, на которыхъ и будутъ обѣдать. Дѣти держатъ въ рукахъ связки палочекъ, круглыхъ или четырехугольных, чернаго или другого какого-либо цвѣта,—это китайскія ложечки, которыми дунгане обыкновенно ѣдятъ (куэй-цзы), везутъ и небольшія фарфоровыя или глиняныя чашки (послѣднія всѣ безъ исключенія производства нашего Кузнецова), такъ какъ каждая семья, приглашенная на такой большой обѣдъ, должна везти съ собой свои столики, свои ложки и посуду. Привезенные столики разставляютъ во дворѣ на постланныхъ кошмахъ или же вносятъ въ комнаты и ставятъ на полу или на канахъ; но каждый столикъ ставится всегда отдѣльно.

Подѣздъ гостей увеличивается все болѣе и болѣе: вскорѣ за женщинами начинаютъ прибывать и мужчины, они по большей части прямо приходятъ отъ работы и въ томъ же самомъ костюмѣ.—Насколько прекрасная половина изощряется въ нарядахъ и старается ими блеснуть передъ другими, настолько мужчины совершенно равнодушны къ своему костюму, даже молодежь и та не выказываетъ особаго стремленія къ щегольству. Говоръ, шумъ и шутки увеличиваются во дворѣ, часть прибывшихъ толпится около выставленныхъ подарковъ; вмѣстѣ съ мужчинами здѣсь свободно стоятъ старухи и принимаютъ участіе въ общемъ разговорѣ, другіе въ сторонѣ двора ведутъ дѣловой разговоръ по хозяйству, болѣе пожилые, сидя у стѣны забора, вспоминаютъ свою жизнь въ Китаѣ и битвы свои съ китайцами, вспоминаютъ

также и своего предводителя Біянь-хо¹⁾; около нихъ стоитъ небольшая группа молодыхъ, которые внимательно слушаютъ рассказы стариковъ, другіе обсуждаютъ дѣла и распоряженія своего волостного и біевъ или же сообщаютъ новости, исходящія отъ уѣздной администраціи и приказанія послѣдней. Все, что касается администраціи и ея распоряженій, дунгане особенно любятъ обсуждать, касается ли дѣло ихъ самихъ или же ихъ сосѣдей-киргизовъ и русскихъ. Молодые же шутятъ, играютъ, придумываютъ разныя забавы и игры, иной изъ нихъ засматриваетъ черезъ окно въ комнату, гдѣ сидятъ женщины и дѣвушки, и если окно цѣлое, то онъ постарается его проткнуть пальцами, но грозныя оклики матерей заставляютъ быстро удалиться непрошеннаго наблюдателя; болѣе же смѣлый вбѣжитъ неожиданно въ комнату, гдѣ сидятъ дунганскія красавицы, оттуда его быстро выпроваживаютъ, стоящіе же на дворѣ товарищи встрѣчаютъ его насмѣшками и шутками. При такихъ неожиданныхъ набѣгахъ и продолжкахъ молодыхъ людей нельзя особенно замѣтить, чтобы молодыя женщины и дѣвицы спѣшили быстро отвернуться и закрыть свои лица; онѣ, повидимому, не замѣчаютъ любопытныхъ взоровъ молодыхъ кавалеровъ; если же и отвертываются въ уголъ и закрываются, то дѣлаютъ это по большей части тогда, когда уже раздастся заботливый и предостерегающій голосъ какой-либо старухи или строгой мамыши, у дочки которой лицо изрыто натуральной оспой. Но главнымъ образомъ мишенью для насмѣшекъ служить самъ женихъ. Для своихъ сверстниковъ онъ положительно является козломъ отпущенія: всякаго рода остроты, по большей части грубыя и самыя вульгарныя, сыплются на него въ изобиліи; дружескихъ, товарищескихъ колотушекъ и щипковъ также достается ему не мало, но онъ все переноситъ со спокойствіемъ, достойнымъ лучшей участи.

Оживленіе и возбужденіе во дворѣ достигло большихъ размѣровъ, такъ какъ народу стараго и малаго собралось много. Смѣхъ то и дѣло раздается въ разныхъ концахъ двора. Въ играхъ и шуткахъ приняли участіе уже и старшіе. Но... тихо и неза-

¹⁾ Объ этомъ предводителѣ подробно говорится въ моей статьѣ „Послѣдній эпизодъ дунганскаго возстанія“, помѣщенной въ „Памятной книжкѣ Семирѣченскаго областного статистическаго комитета“ за 1901 годъ.

мѣтно изъ-за угла улицы показался медленно-идушій, опирающійся на палку, старикъ-мулла въ большой бѣлой чалмѣ. Не доходя трехъ-четырехъ шаговъ до воротъ дома, онъ произноситъ привѣтствіе (саямъ). Хотя онъ произнесъ его своимъ старческимъ и разбитымъ голосомъ тихо, но это привѣтствіе всѣ слышали; во дворѣ все смолкло; всѣ разомъ—большіе и малые—отвѣтили привѣтствіемъ прибывшему муллѣ или ахуну. Важно и съ достоинствомъ, съ полнымъ сознаніемъ своей нравственной силы и значенія, медленно проходитъ онъ, посреди вставшихъ, черезъ весь дворъ, сопровождаемый самимъ хозяиномъ, который встрѣтилъ его еще за воротами своего дома. Всѣ находящіеся во дворѣ отвѣщаютъ ему почтительные поклоны, на которые онъ тоже отвѣчаетъ легкими поклонами; наиболѣе уважаемымъ или старикамъ онъ подаетъ одну или обѣ руки, которыя они съ признательностьюжимаютъ обѣими своими руками. Нерѣдко приходятъ прежде болѣе молодые муллы, если ихъ не задержитъ дома какое-либо важное дѣло или работа, а послѣ уже являются старые и пожилые муллы и ахуны, но одинаково какъ тѣхъ, такъ и другихъ всѣ встрѣчаютъ съ глубокимъ уваженіемъ, и уже при нихъ говоръ и смѣхъ, шутки и игры стихаютъ; бывшее до того общее оживленіе уменьшается. Каждый мулла, приходящій затѣмъ, не доходя нѣсколькихъ шаговъ до воротъ дома, произноситъ привѣтствіе, на которое ему отвѣчаютъ всѣ присутствующіе во дворѣ. Хозяинъ дома и его ближайшіе родственники встрѣчаютъ каждого муллу за воротами своего дома, а также и наиболѣе уважаемыхъ изъ гостей. Прибывающіе муллы и ахуны степенно проходятъ въ помѣщеніе, особо для нихъ предназначенное; за неимѣніемъ же свободной для нихъ у хозяина комнаты, они помѣщаются и въ обыкновенномъ сараѣ, гдѣ и усаживаются съ важнымъ видомъ. Муллы и ахуны приглашаются всегда въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ человѣкъ; чѣмъ ихъ больше приглашается, тѣмъ происходящее семейное празднество считается наиболѣе важнымъ и торжественнымъ. Вмѣстѣ съ муллами и ахунами являются и ихъ ученики-подростки; послѣдніе приходятъ всегда ранѣе своихъ наставниковъ.

Какъ только соберутся всѣ муллы и ахуны, они немедленно усаживаются за разставленные столы, присутствующіе здѣсь молодые ученики „мынь-ла“ (встрѣчаются между ними иногда и

болѣе зрѣлаго возраста) берутъ со средняго столика, находящагося въ центрѣ другихъ, лежащій тамъ въ нѣсколькихъ тонкихъ пачкахъ коранъ и поспѣшно разносятъ ахунамъ и мулламъ, которые и читаютъ ихъ вполголоса. Коранъ разбить не менѣе какъ на двадцать или тридцать частей; каждый мулла и ахунъ беретъ себѣ одну часть, которую онъ и долженъ здѣсь прочитать всю до конца. Читаютъ обыкновенно всѣ вмѣстѣ въ одно и то же время, читаютъ очень скоро, такъ что чтеніе это занимаетъ не болѣе получаса времени, въ теченіе котораго общими силами всѣхъ находящихся здѣсь муллъ и ахуновъ и прочитывается, будто бы, весь коранъ. Всѣ присутствующие, какъ большіе, такъ и малые, слушаютъ чтеніе корана усердно и внимательно. Одинъ изъ главныхъ или старыхъ муллъ, какъ только кончитъ чтеніе своей части, не дожидаясь своихъ собратій, кончили они или нѣтъ, произноситъ громко „аомина“, т. е. аминь, и всѣ находящіеся гости, вытянувъ свои руки нѣсколько впередъ и съ опущенными глазами, смотря на собственные свои сближенные ладони, читаютъ про себя „дуваръ“ молитву (сартовское, киргизское, татарское—дува, дуа или дуга), а по окончаніи „дуваръ“, одни ученики убираютъ со столиковъ книги и связываютъ ихъ въ одну пачку, такъ какъ къ окончанію дуваръ обыкновенно и всѣ прочіе муллы уже успѣваютъ окончить чтеніе своей части, а другіе ученики, сидя около столиковъ, начинаютъ своими рѣзкими голосами распѣвать священные стихи изъ книги „мэдэхаръ“.

По окончаніи пѣнія одного стиха, мальчики или взрослые, приглашенные подавать кушанья (дуанъ-си-ди, т. е. подающіе кушанья), ставятъ на каждый столикъ по чашкѣ съ кушаньемъ и отходятъ къ кухнѣ, гдѣ повара наполняютъ вторыя чашки слѣдующимъ кушаньемъ. Когда первое кушанье будетъ съѣдено гостями, то ученики какого-либо ахуна или муллы поютъ слѣдующій стихъ изъ книги Мэдэхаръ или повторяютъ тотъ же самый; по окончаніи его дуанъ-си-ди несутъ слѣдующее кушанье, а первыя пустыя чашки убираютъ и относятъ къ поварамъ, тѣ наполняютъ ихъ новымъ кушаньемъ. Лишь гости съѣдятъ поданное кушанье, какъ ученики, по возможности другого муллы, опять поютъ стихи изъ Мэдэхаръ, по окончаніи пѣнія которыхъ опять подается новое кушанье и т. д. Стихи изъ Мэдэхаръ поются послѣ cadaго блюда только во время малаго обѣда (сяо-чи-цзы,)

во время же большого, торжественнаго обѣда (чжень-си) стихи поются не болѣе трехъ разъ, а обыкновенно ограничиваются однимъ или двумя разами, и притомъ въ началѣ обѣда.

По окончаніи обѣда, совершивъ молитву, родственники и нѣкоторые изъ приглашенныхъ для этого гостей укладываютъ на подносы лежавшіе до этого времени на столахъ подарки, предназначенные для неvěсты; затѣмъ, выстроившись въ извѣстномъ порядкѣ, они несутъ подарки въ домъ ея. Впереди мальчуганы, со смѣхомъ и шутками, гонятъ барановъ, спины которыхъ выкрашены красной краской. Окраска животныхъ въ данномъ случаѣ выражаетъ символъ торжества, побѣды. Затѣмъ несутъ на подносахъ деньги, серебряныя вещи и т. д. въ томъ порядкѣ, какъ они выше были здѣсь обозначены. Каждую вещь несутъ на отдѣльномъ подносѣ. Родители жениха, самъ женихъ и даже ближайшіе родственники остаются дома. Подарки же сопровождаютъ ахунъ или мулла, въ приходѣ котораго состоитъ женихъ, и упоминаемые выше три свата. Эти лица замыкаютъ собою процессію несущихъ подарки. Хотя дунгане народъ трудолюбивый и дорожащій своимъ временемъ, но на подобное празднество, которое составляетъ выдающееся событіе въ ихъ повседневной и однообразной жизни, небогатой вообще внѣшними впечатлѣніями, всегда является поглазѣть не мало охотниковъ и любопытныхъ. Такимъ образомъ процессію несенія подарковъ сопровождаетъ порядочная толпа не только взрослыхъ мужчинъ, но и стариковъ, которыхъ немало присоединяется по дорогѣ во время самаго шествія. Для нѣкоторыхъ изъ нихъ это служить предлогомъ побесѣдовать лишній разъ съ добрымъ знакомымъ, а другіе рассчитываютъ, что родители неvěсты пригласятъ ихъ на обѣдъ, что почти всегда и бываетъ. Случается нерѣдко, что сопровождающая толпа ведетъ себя чересчуръ шумно и бойко; тогда мулла и сваты внушительно ее останавливаютъ. Степенно и съ достоинствомъ выступаютъ участники процессіи; они проникнуты сознаниемъ серьезности того дѣла, исполненіе котораго на нихъ въ настоящее время возложено, дѣла, имѣющаго общественный интересъ и происходящаго поэтому открыто, на глазахъ всѣхъ. Въ данномъ случаѣ мулла или ахунъ и сваты являются не только охранителями матеріальнаго достоянія родителей жениха, имъ ввѣреннаго, но они являются въ то же время охранителями его достоинства и чести, которыя

они и должны поддерживать. Вотъ почему это событіе (отправка подарковъ невѣстѣ) имѣетъ въ жизни дунганъ такое важное значеніе.

Въ домѣ родителей невѣсты наканунѣ, въ ожиданіи полученія подарковъ, и въ этотъ день также идутъ дѣятельныя приготовленія и хлопоты, какія мы видѣли раньше въ домѣ жениха, здѣсь происходитъ такая же суматоха и возня, какъ и тамъ. Родители невѣсты также приглашаютъ своихъ родственниковъ и знакомыхъ и общими силами стараются достойно встрѣтить представителей отъ жениха. Здѣсь также разложены и выставлены напоказъ подарки, предназначенные для жениха. Вотъ они:

- 1) Башмаки (хай) одна пара.
- 2) Чулки (ва-цзы) одна пара.
- 3) Халатъ (пао-цзы) бумажной матеріи или шелковой, одна штука.
- 4) Поясъ (вэй-ду-цзы) съ вышитымъ разноцвѣтнымъ широкимъ мѣшечкомъ для денегъ, одна штука.
- 5) Шапка (мао-цзы) одна штука.
- 6) Наушники (эрду-тао-цзы), вышитые и отдѣланные красиво и изящно разноцвѣтнымъ шелкомъ, внутри подбитые какимъ-либо мѣхомъ, по большей части лисьимъ, одна штука.
- 7) Козырекъ (эр-чма-цзы), сдѣланный изъ бумаги, покрытый шелковой матеріей и вышитый разноцвѣтными шелковыми нитками, складывающійся въ видѣ вѣера, служить для защиты глазъ отъ солнца (глазной щитокъ отъ солнца), одна штука.
- 8) Серебряное кольцо, одна штука.
- 9) Вѣеръ (шань-цзы), одна штука.
- 10) Хлѣбы (хуа-момо) большіе, разрисованные красной краской, нѣсколько штукъ.
- 11) Разныя печенія самой причудливой формы — то въ видѣ змѣи или лягушки, то въ видѣ какой-либо птицы, черепахи, рыбы и т. п. Какъ передъ женихомъ, такъ и передъ всей публикой невѣста (вѣрнѣе ея родня) стараются блеснуть своимъ искусствомъ и находчивостью, чтобы не ударить лицомъ въ грязь. Каждое печенье извѣстной формы кладутъ на отдѣльный подносъ и тутъ же двѣ—три копейки денегъ; послѣднія предназначаются для несущихъ. Деньги завертываютъ въ красную бумажку.
- 12) Курица жареная, наверху которой большой пѣтухъ, сдѣ-

ланный изъ разноцвѣтной бумаги. Последнее означаетъ символъ покорности, готовность слушаться и безпрекословно подчиняться всегда и во всемъ своему будущему мужу, какъ главѣ и хозяину дома, какъ прямому и непосредственному защитнику и повелителю жены.

Въ домѣ родителей невѣсты, хотя приглашенныхъ бываетъ такъ же много, какъ и у жениха, но здѣсь не наблюдается того оживленія и того веселаго настроенія, какъ въ домѣ послѣдняго, да оно и понятно: всѣ эти приготовления, и ожидаемая съ часу на часъ присылка подарковъ отъ жениха говорятъ родителямъ о предстоящей разлукѣ съ дочерью. На глазахъ отца и матери чаще и чаще показываются слезы, и ихъ серьезное душевное настроеніе невольно передается также собравшимся гостямъ. Хотя, благодаря вліянію китайской культуры, женщина у дунганъ поставлена выше и пользуется болѣею свободою и болѣшими правами, нежели у сартовъ и киргизовъ, но исповѣдуемая ими (дунганями) мусульманская религія безпощадно обрекла женщину на подчиненное, рабское положеніе; по религіозному ихъ воззрѣнію, она есть вещь, раба и почти безправное существо; при случаѣ мужъ, опираясь на свое право, предоставленное ему религіей, можетъ сдѣлать все, что ему угодно, а муллы и ахуны такъ суровы, строги и такъ ревниво оберегаютъ букву Мохамедова закона, что ей нечего надѣяться на ихъ защиту или покровительство, если ее постигнетъ немилость и несправедливость мужа. Все это хорошо сознаютъ родители невѣсты, а въ особенности мать ея. Последняя по выходѣ своемъ замужъ сама не мало пережила тяжелыхъ минутъ въ первые годы брачной жизни. Такая же участь ожидаетъ и ея дочь. Пришедшія въ гости молодыя подружки невѣсты также на этотъ разъ смѣются меньше, меньше острять; онѣ хорошо понимаютъ, что не сегодня, завтра и ихъ ожидаетъ такая же участь. Со дня полученія большихъ подарковъ поворотъ назадъ, какъ я сказалъ уже, немыслимъ. Тѣмъ серьезнѣе этой день въ жизни дунганской дѣвушки; оттого и не слышно веселаго, здороваго смѣха, не видно играющихъ и бѣгающихъ. Мнѣ не разъ приходилось бывать какъ въ этотъ день, такъ и въ день свадьбы въ домѣ родителей невѣсты, и у меня послѣ всего видѣннаго и слышаннаго всегда оставалось тяжелое впечатлѣніе. Разница въ душевномъ настроеніи всѣхъ находящихся

въ домѣ жениха и въ домѣ невѣсты слишкомъ рѣзка, чтобы ее не замѣтить. Можетъ быть, тутъ есть и другія причины, которыми мнѣ не удалось подмѣтить.

Лишь одни муллы и ахуны въ своихъ большихъ чалмахъ и длинныхъ халатахъ какъ тамъ такъ и здѣсь остаются безстрастны; они одинаково молчаливы и сурово-важны; подъ ихъ чалмой давно уже изсякла всякая живая мысль и выраженіе ихъ лицъ такое же сѣрое и безжизненное, какъ сѣры и безжизненны стѣны тѣхъ мечетей, въ которыхъ они молятся ежедневно не менѣе пяти или семи разъ въ сутки. Сердце ихъ, скованное рамками узкаго формализма той религіи, служителями и строгими защитниками которой они являются, чуждо живой и теплой любви, и бѣдная женщина, которую постигнетъ случайное несчастіе или которая, по прихоти и капризу мужа, впадетъ къ нему въ немилость, не найдетъ себѣ въ этихъ строгихъ охранителяхъ и представителяхъ религіи никакой ни поддержки, ни защиты; она въ такихъ случаяхъ должна сама себя защищать, и мы знаемъ нѣсколько примѣровъ, что замушняя дунганка съ успѣхомъ отстаивала свои права и интересы, не прибѣгая къ защитѣ или посредничеству своихъ муллъ, въ крайнемъ случаѣ игнорируя даже ихъ авторитетъ.

Между тѣмъ отецъ невѣсты съ ахуномъ, въ приходѣ котораго онъ состоитъ, и со своими гостями встрѣчаетъ пришедшихъ съ подарками отъ жениха возлѣ тѣхъ же столовъ, на которыхъ разложены подарки жениху отъ невѣсты. Принесшіе раскладываютъ свои подарки на этихъ же столахъ, послѣ чего обѣ стороны, каждая во главѣ со своимъ ахуномъ, становятся одна противъ другой. Ахунъ со стороны жениха говоритъ первымъ. Содержаніе его рѣчи, главнымъ образомъ, касается значенія настоящаго событія, происходящаго между двумя семействами, которыя вступаютъ въ близкое родство между собою, говоритъ о важномъ значеніи брака, все это подкрѣпляя подходящими цитатами и соотвѣтственными изреченіями изъ корана на арабскомъ языкѣ, которыя сейчасъ же объясняетъ и переводитъ на дунганскій или, что то же, на китайскій. Чѣмъ ахунъ больше приведетъ изреченій изъ корана и чѣмъ пространнѣе и вразумительнѣе ихъ объяснитъ, тѣмъ ему больше чести и славы; въ такихъ случаяхъ ахуны стараются блеснуть своею ученостью и своимъ краснорѣчіемъ; въ заключеніе же своей витѣватой и

пространной рѣчи ахунъ этотъ говоритъ приблизительно слѣдующее, что записалъ В. О. Ладыгинъ такъ:

„Цзыю и цзянь цинъ. „Ли-фу бу цзя, хао ханъ нанъ данъ“. Сао лянъ-шанъ-ди-ту-ци, цзай гунянь-ди фынъ-чжунъ, синъ-види чже и-даръ ли-синъ. Ъ бу-сы ахунъ-ди мянь-цянъ бэй-ди ъ бу-сы гунянь шу-фо юнъ-ди, лiao-ли ха-ванъ синъ-сы“. Въ переводѣ на русскій языкъ будетъ значить слѣдующее: „Есть только одно (т.-е. выскажу только одну мысль), что „безъ денегъ трудно быть молодцомъ“. Стеревъ пыль съ лица (т.-е. краску стыда на лицѣ нашемъ), говорю, что мы предложили такіе подарки, которыми удовлетворился бы развѣ только ахунъ, но совершенно непригодны для такой достойной дѣвушки. Исполнили мы только малое желаніе нашего сердца“.

На эту рѣчь ахунъ со стороны невѣсты отвѣчаетъ краткою рѣчью, въ которой также въ цвѣтистыхъ выраженіяхъ, съ прибавленіемъ неизбѣжныхъ изреченій изъ корана, благодарить отъ имени родителей невѣсты за присланные подарки и выражаетъ вступающимъ въ родство семействамъ и молодымъ пожеланіе счастливой, полной и разнообразной жизни, какъ полно и разнообразно все принесенное отъ жениха, затѣмъ указываетъ прибывшимъ гостямъ на подарки, приготовленные отъ невѣсты жениху, и, въ заключеніе, отъ имени родителей послѣдней проситъ извиненія, что они предложили столь малые и весьма незначительные подарки. По окончаніи рѣчи послѣдняго ахуна обѣ стороны одновременно кланяются другъ другу и говорятъ салямъ, послѣ чего приглашаютъ гостей садиться за столики. Опять также начинается чтеніе корана приблизительно такимъ же числомъ ахуновъ и муллъ; по окончаніи чтенія, поются стихи изъ Мадехаръ и слѣдуетъ угощеніе обѣдомъ, порядокъ котораго, какъ и самыя кушанія, такіе же, какъ и въ домѣ жениха.

По окончаніи обѣда отецъ невѣсты вручаетъ подарки для передачи жениху; несутъ ихъ тѣ же самыя лица, которыя несли подарки невѣстѣ отъ жениха, и несутъ также на подносахъ, причемъ каждый предметъ лежитъ на отдѣльномъ подносѣ. Сопровождаетъ процессію тотъ же ахунъ и тѣ же три свата. Впереди несутъ жареную курицу, на которой красуется бумажный раскрашенный пѣтухъ, затѣмъ хлѣбы и разныя печенія. Настроеніе несущихъ подарки отъ невѣсты къ жениху рѣзко противополож-

ное тому, какое было, когда несли подарки отъ жениха къ невѣстѣ: всѣ возвращаются веселыми; смѣху, шуткамъ и остро-тамъ нѣтъ конца; та торжественность, та важность и серьезность, которыя наблюдались въ первый путь, на этотъ разъ совершенно отсутствуютъ. За то здѣсь бываетъ много балагурства, игривости и шутовства; во всю дорогу отъ дома невѣсты и до дома жениха то и дѣло происходятъ комичныя сцены и выходки, которыя не прекращаются и тогда, когда процессія придетъ къ жениху. Рѣдко случается, чтобы курица, предназначенная собственно для жениха, доставлялась по назначенію цѣлостію, и почти всегда со смѣхомъ и шутками по адресу жениха, (что ему въ этотъ торжественный и знаменательный день не удастся отвѣдать вкус-ной стряпни изъ дома невѣсты), ее всю съѣдаютъ, а жениху остаются только обглоданныя кости да бумажный пѣтухъ; ихъ ему и приподносятъ торжественно. Точно такъ же уничтожается по дорогѣ часть хлѣбовъ и печеній; послѣдніе не всѣ, часть ихъ оставляютъ и на долю жениха, чтобы и онъ хоть немного отвѣдалъ, насколько хороши и вкусны гостинцы, присланные невѣстой. Какой-нибудь шутникъ со смѣхомъ надѣваетъ жениху на голову принесеннаго бумажнаго пѣтуха, а другой съ ужимками и прибаутками преподноситъ ему остатки курицы, а третій хлѣбъ и печенія. Остальные подарки передаютъ отцу жениха, который ѡблагодаритъ принесшихъ, а также благодаритъ ахуна и сватовъ. Ахунъ получаетъ при этомъ небольшое вознагражденіе.

Говоря о подаркахъ, посылаемыхъ отъ жениха невѣстѣ, пред-ставляемыхъ по требованію родителей невѣсты, а слѣдовательно относящихся къ разряду обязательныхъ, надо замѣтить, что въ числѣ ихъ всегда, даже если бываетъ и небогатая свадьба, можно встрѣтить нѣсколько подарковъ, которые хотя и необязательны, но посылаются въ силу установившагося обычая,—а именно: на отдѣльныхъ подносахъ лежатъ нѣсколько кусковъ хорошаго мыла, маленькое зеркальце, съ одной стороны обшито шелковой мате-ріей и вышито разноцвѣтными шелковыми нитками, къ зеркальцу этому бываетъ привязана шелковая или серебряная цѣпочка. Молодые дунганки, женщины и дѣвушки, наряжаясь и отпра-вляясь куда-либо въ гости, подобное зеркальце надѣваютъ на шею; оно обыкновенно и красуется на ихъ груди сверху всей остальной одежды, и къ нему онѣ часто прибѣгаютъ для попра-

вленія своего туалета, какъ-то: прически, цвѣтовъ, лежащихъ на головѣ, или если нужно положить свѣжій слой пудры, бѣлилъ, румянъ. Зная эту слабость своей прекрасной половины, дунгане въ числѣ подарковъ посылаютъ невѣстѣ банку съ пудрой и пуховкой, а также банку бѣлилъ, кромѣ того, китайскій приборъ для чистки зубовъ, или же въ отдѣльности зубную щетку, зубочистку, копоушку (для чистки ушей) и небольшіе щипчики для выдергиванія волосъ изъ носу,—послѣднія три вещи сдѣланы изъ желтой мѣди довольно аляповатой работы, онѣ всѣ вмѣстѣ часто бывають надѣты на шелковый шнурокъ или же на тонкую серебряную цѣпочку. Дунганки большія мастерицы и любительницы всякаго рода цвѣтовъ, почему въ числѣ подарковъ всегда можно видѣть на отдѣльныхъ подносахъ нѣсколько штукъ искусственныхъ цвѣтовъ, сдѣланныхъ изъ разноцвѣтнаго шелка. Въ число подарковъ входятъ также небольшіе мѣдные тазы; по большей части ихъ даютъ двѣ штуки—одинъ предназначается для умыванія лица молодой, а другой для подмыванія половыхъ ея органовъ. Бѣдные же даютъ желѣзные раскрашенные тазы; кромѣ того, посылаютъ также рукомойникъ и одинъ или два небольшихъ сундучка или шкатулки, куда невѣста могла бы складывать всѣ принадлежности своего туалета, какъ до свадьбы, такъ и послѣ того. Всѣ эти предметы въ требованіи родителей невѣсты не обозначаются, а всякій посылаетъ столько, сколько можетъ, смотря по своимъ средствамъ. Отправляя открыто подарки невѣстѣ, родители жениха помнятъ, что всякій дунганинъ видитъ, какое имущество дается молодой, а потому считается съ контролемъ общественнаго мнѣнія.

Перечисляя ранѣе обязательные подарки, входящіе въ „тали“ или въ калымъ, и указавъ различныя головныя украшенія и браслеты, я тамъ сказалъ, что они посылаются серебряные; но богатые и зажиточные всѣ эти вещи посылаютъ сдѣланными изъ чистаго золота. Если серьги и головныя украшенія оригинальны по своей отдѣлкѣ и тонкой работѣ, особенно послѣднія, то браслеты ужъ очень просты и обыкновенны, а именно: они представляютъ собою совершенно гладкій кусокъ серебра или золота круглой формы, различной толщины, въ одномъ мѣстѣ насквозь разсѣченный для того, чтобы браслетъ могъ пригодиться на руку каждаго и каждой. Зная зажиточность жениха, родители

невѣсты въ своемъ требованіи обозначаютъ, чтобы означенныя вещи были золотыя. Кромѣ того, богатые выговариваютъ въ большомъ количествѣ различной одежды, а также нѣсколько кусковъ матеріи и сукна. Такъ, они не ограничиваются одной или двумя парами разнаго платья, а требуютъ не менѣе десяти штукъ лѣтнихъ одеждъ—различныхъ кофть, штановъ, а также по нѣскольку штукъ зимнихъ одеждъ, начиная со стеганыхъ штановъ на ватѣ, и кончая шубами, башмаками, чулками и т. д. Но какъ бы ни было велико число подарковъ, они всѣ легко вмѣщаются въ сундучкѣ средней величины.

Только что описанная церемонія отправленія „большихъ подарковъ“ (та-ли), какъ и самая свадьба, по большей части происходитъ осенью, по окончаніи полевыхъ работъ, или зимою, когда бываетъ свободное время и припасены для этого особыя деньги, о чемъ мы говорили выше. Если же, послѣ выраженного родителями неvěсты согласія на бракъ, свадьба имѣетъ совершиться скоро, дней черезъ 20—60, то не бываетъ поднесенія неvěстъ „малыхъ подарковъ“ (сяо-ли-рѣ), а непосредственно, спустя условленное время, совершается обрядъ поднесенія „большихъ подарковъ“ (та-ли); этотъ послѣдній обрядъ обязательно бываетъ во всякой свадьбѣ. Въ иныхъ случаяхъ пропускается сяо-ли-рѣ, во избѣжаніе излишнихъ расходовъ, какъ со стороны жениха, такъ и со стороны неvěсты.

Извѣщеніе о помолвкѣ и предстоящей свадьбѣ посылается со стороны неvěсты и всѣмъ отсутствующимъ родственникамъ, живущимъ иногда далеко, съ приглашеніемъ прибыть на таковую, причемъ, кромѣ письменнаго или словеснаго приглашенія, посылаются приглашаемымъ родственникамъ, гдѣ бы они ни были, сладкіе хлѣбцы (го-цзы), присланные женихомъ неvěстѣ или во время сяо-ли-рѣ или во время та-ли, т.-е. „большихъ подарковъ“. Но обязательно, чтобы были посланы эти хлѣбцы,—въ противномъ случаѣ, приглашенные обидятся и не поѣдутъ на свадьбу, хотя бы они получили самое убѣдительное приглашеніе прибыть на таковую. Но, какъ говорятъ сами дунгане, этотъ обычай, съ переходомъ ихъ въ Россію, сталъ соблюдаться уже не такъ строго, потому что здѣсь всѣ они живутъ сравнительно близко другъ отъ друга, приглашенные успѣваютъ легко прибыть или на сяо-

ли-рѣ или на та-ли и, такимъ образомъ, могутъ отвѣдать этихъ хлѣбцевъ на самомъ мѣстѣ дѣйствія.

Таковы въ главныхъ чертахъ нравы и обычаи, существующіе у дунганъ во время сватовства. Бываютъ, конечно, какъ вездѣ и всегда, нѣкоторыя отступленія. Такъ, у жениха во время „сяо-ли-рѣ“ и „та-ли“ бываетъ малый, а у неvěсты большой обѣдъ; все зависитъ отъ средствъ и отъ того, какъ кто условится. Но также, за малымъ обѣдомъ, гдѣ бы и по какому бы случаю онъ ни происходилъ, муллы и ихъ ученики поютъ шесть—восемь разъ, а за большимъ обѣдомъ только одинъ разъ или много три раза. У однихъ подарки бываютъ разложены всего на 20—30 подносахъ,—это у бѣдныхъ и у людей средней зажиточности, а у богатыхъ—на 60—100 подносахъ.

Черезъ два три дня послѣ поднесенія „большихъ подарковъ“, т.-е. уплаты калыма, сваты приходятъ къ отцу неvěсты и уговариваются съ нимъ о времени и днѣ свадьбы.—„Погодите, я посоветуюсь съ женой объ этомъ“,—говоритъ отецъ неvěсты, такъ что назначеніе дня свадьбы зависитъ отъ матери ея. Послѣдняя, заранѣе разсчитавъ и сообразивъ, выбираетъ по возможности такое время, когда у дочери прошли регулы, т.-е. черезъ нѣсколько дней послѣ этого. По словамъ другихъ, сваты уговариваются съ отцомъ неvěсты о днѣ свадьбы въ тотъ же самый день, когда ими были принесены „большіе подарки“ (та-ли). Въ такомъ случаѣ сваты дожидаются ухода всѣхъ гостей; послѣ чего приступаютъ къ обсужденію и выбору дня свадьбы и возвращаются въ домъ жениха лишь тогда, когда будетъ окончательно выбранъ и назначенъ этотъ день. Мужъ, конечно, и въ такомъ случаѣ совѣтуется со своей женой. День свадьбы назначаютъ обыкновенно счастливый.

В. В. Поярковъ.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Издание Этнографическаго Отдѣла
ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія
Антропологии и Этнографіи,

СОСТОЯЩАГО ПРИ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

1907, № 4.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Предсѣдателя Отдѣла В. В. Миллера

и

Товарища Предсѣдателя Н. О. Ангука.

МОСКВА.

Поставл. Двора Его Величества Т-во Скор. А. А. Левенсонъ. Коммисіонеры ИМПЕРАТОРСКАГО
Общества Любителей Естествознанія въ Москвѣ. Тверская, Мамоновскій пер., с. д.

1908.

Дунгане селенія Каракунузъ Пишпекскаго уѣзда Семирѣченской области.

(этнографическіе очерки ¹⁾).

II.

Свадьба (Цюй-си-фурь).

Съ приближеніемъ дня свадьбы, въ домѣ родителей невѣсты идутъ дѣятельныя приготовленія и спѣшныя работы, какъ по заготовкѣ и окончанію приданаго невѣстѣ, такъ и по усиленной заготовкѣ и закупкѣ различныхъ припасовъ къ должному, приличному приему гостей, каковыхъ на этотъ разъ приглашается очень много. За послѣдніе, остающіеся до свадьбы, немногіе дни усиленно шьется бѣлье и прочая одежда для молодой, и если оказывается недостаточно собственныхъ рукъ, то приглашаются за плату опытные, искусныя портнихи и мастерицы. Вся эта работа лежитъ исключительно на женщинахъ, отецъ же доставляетъ лишь все необходимое и требуемое и заботится исключительно о приобрѣтеніи въ возможно большемъ количествѣ различныхъ съѣстныхъ продуктовъ, для чего закупаетъ скотину, преимущественно хорошо откормленныхъ быковъ; одного быка для болѣе или менѣе порядочной свадьбы обыкновенно бываетъ недостаточно, а требуется не менѣе двухъ,

1) Въ *Этнографическомъ Обзорѣ* 1903 года кн. № 2 помѣщена моя статья подъ названіемъ „Сватовство у дунганъ“. Статья эта исключительно относится къ дунганамъ селенія Каракунузъ, какъ и всѣ имѣющія послѣ появиться статьи будутъ имѣть своимъ предметомъ жизнь дунганъ только названнаго селенія. Настоящая же статья является ея продолженіемъ, какъ 2-я ея глава, подъ общимъ оглавленіемъ: „Дунгане“.

Авт.

а также нѣсколько барановъ; онъ хлопочетъ о заготовленіи въ достаточномъ количествѣ и всѣхъ прочихъ припасовъ для такого важнаго случая, и обо всемъ этомъ совѣтуется со своей женой и ближними родственниками, чтобы не ошибиться, не промахнуться въ расчетѣ. Нѣкоторые изъ родственниковъ часть хлопотъ и заботъ принимаютъ на себя. Люди зажиточные, богатые обыкновенно не покупаютъ скотины, а обходятся своею, лишь бы только это не отразилось убыточно на хозяйствѣ.

Въ домѣ жениха идутъ также дѣятельныя приготовления, но здѣсь расходовать предстоитъ уже меньше, такъ какъ главныя и крупныя затраты были произведены еще во время *ся-о-ли-рз* и *та-ли*, о чемъ говорилось въ предыдущей главѣ. Теперь же родителямъ жениха остается произвести одинъ расходъ, исключительно почти весь идущій на пріемъ и угощеніе приглашенныхъ гостей.

Со дня сватовства и, въ частности, со дня полученія большихъ подарковъ (*та-ли*, *сунъ-ли*) и до свадьбы въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ проходитъ нѣсколько недѣль или мѣсяцевъ, — но больше проходитъ мѣсяцевъ. Въ теченіе такого продолжительнаго времени подъ вліяніемъ постоянныхъ разговоровъ съ матерью, какъ бы ни была невеста молода, она уже постепенно свыкается съ мыслию, что ей въ скоромъ времени предстоитъ разстаться съ родительскимъ домомъ и сдѣлаться членомъ новой семьи, до того, быть-можетъ, совершенно ей неизвѣстной; съ мыслию о разставаніи свыкается она частію и подъ вліяніемъ бесѣдъ наединѣ со своими преимущественно молодыми родственницами, не такъ давно еще вышедшими замужъ; но невеста болѣе бодро и спокойно смотритъ на предстоящую перемѣну, имѣющую съ нею произойти въ недалекомъ будущемъ, когда рѣзко измѣнится какъ ея личная жизнь, такъ и ея общественное положеніе. Поэтому съ нѣкотораго времени она начинаетъ принимать болѣе дѣятельное участіе во всѣхъ дѣлахъ и событіяхъ, происходящихъ въ домѣ ея родителей, особенно въ тѣхъ дѣлахъ, которые касаются лично до нея самой. Молодая дѣвушка, выходящая замужъ, едва ли не въ первый разъ въ домѣ родителей выражаетъ свое мнѣніе, свою волю, подаетъ свой голосъ, и къ ея мнѣнію, къ ея голосу родители серьезно и внимательно прислушиваются, потому что

она уже «взрослая» въ ихъ глазахъ; поэтому всѣ заявленія и требованія молодой дѣвушки отцомъ и матерью, по возможности, исполняются безпрекословно (такъ мнѣ, по крайней мѣрѣ, приходилось слышать). Дѣлаемая приготовленія все болѣе и болѣе поглощаютъ вниманіе молодой дѣвушки, она входитъ во вкусъ ихъ, всѣмъ интересуется и старается уже о томъ, чтобы войти въ домъ будущаго своего мужа, по возможности, поприличіи, чтобы у нея все было, чтобы въ первое время не подвергнуться насмѣшкамъ или упрекамъ со стороны своихъ новыхъ родственниковъ, главнымъ же образомъ со стороны своихъ родственницъ, почему относительно своего приданаго, какъ его качества, такъ и количества, невѣста слѣдитъ очень внимательно, и мать по этому поводу постоянно съ ней совѣтуется. Какъ у другихъ народовъ, такъ и у дунганъ между матерью и дочерью въ подобныхъ случаяхъ, происходятъ пререканья и размолвки, и дочь по адресу матери иногда посылаетъ упреки.

Намъ, между прочимъ, удалось записать слѣдующій діалогъ, происходящій между матерью и дочерью по поводу приданаго.— Дочь, упрекая мать, говоритъ: «У меня нѣсколько братьевъ и невѣстокъ, всѣ они богаты, постоянно они одѣты въ лучшія платья и т. д.». «Прошу, дочь»,—отвѣчаетъ мать:—«остановись... перестань, напрасно меня не укоряй, прежде выслушай: свекровь твоя прислала тебѣ тридцать два лянъ (около трехъ фунтовъ) серебра, а сколько есть у меня, то все принадлежитъ тебѣ, все отдаю тебѣ. Даю тебѣ красныхъ шелковыхъ кофть три пары и изъ бѣлаго шелка двѣ пары, башмаки разноцвѣтные, башмаки большіе и малые безъ счета, ими наполнены два кожаные сундука. Нанятые плотники дѣлали для тебя столы и кресла; одинъ орѣховый столъ разукрашенъ узорами; одна пара оловянныхъ балокъ для румянъ. Будетъ тебѣ мѣдный тазъ съ цвѣтомъ му-танъ, а также стойка (въ родѣ нашего туалета), куда будешь ставить зеркало. Всѣ гребешки сдѣланы изъ краснаго дерева. Мѣдные подсвѣчники, вычищенные, сіяютъ, ихъ три пары. Одна пара серебряныхъ браслетъ вѣсомъ въ три лянъ. Перстней двѣ пары. Кофть обиходныхъ простыхъ пять штукъ и такихъ же штановъ пять паръ. Одна пара серегъ изъ чистаго золота. Для головы полное инъ-хо (такъ называется полное головное украшеніе), оно сдѣлано изъ чистаго серебра. Бѣлыхъ и красныхъ

кошемъ по четыре штуки и столько же подушечныхъ наволочекъ, вышитыхъ шелкомъ. Одѣяль изъ краснаго сукна двѣ пары. Синихъ и красныхъ рубахъ по десяти штукъ. Румянъ бѣлыхъ и красныхъ полный ящикъ. Мыла пять фунтовъ (цуо-чжо, какое-то растеніе, имѣющее свойство мылиться). Щипчики для орѣховъ изъ стали также будутъ. Хорошихъ чашекъ десять штукъ, ложекъ (китайскія ложки — палочки) также десять паръ. Будутъ еще мѣдныя ложки и вилки изъ желтой мѣди, урыльникъ изъ красной мѣди. Бѣлыхъ полотенецъ въ три аршина одно. Двѣ пары платковъ изъ чернаго шелка. Будетъ также у тебя приборъ, обдѣланный въ золото, въ которомъ ты найдешь копоушки, зубочистки, щипцы для выдергиванія волосъ на губахъ, въ носу и для выдергиванія занозъ. Занавѣсокъ на двѣ двери изъ синяго полотна четыре штуки, сѣрыхъ стеганыхъ занавѣсокъ для зимы одна штука. Все это я отдаю тебѣ, дочь моя, и еще дамъ тебѣ много другого: матери твоей ничего не нужно».

Независимо отъ того прямого интереса, который представляетъ этотъ отвѣтъ, изъ него, между прочимъ, мы видимъ, что дунгане, живя въ Китаѣ, въ домашней своей обстановкѣ пользовались исключительно чисто китайскими предметами, а именно: вся домашняя мебель, серебряныя и золотыя головныя украшенія, а также вся безъ исключенія одежда, ея форма и покрой, всѣ приборы и принадлежности для стола, туалета и проч. и проч. — все это было чисто-китайское. Еще въ бытность дунганъ въ Китаѣ, они пользовались предметами, которые сдѣланы были руками ненавистныхъ имъ китайцевъ. И по переходѣ своемъ въ Россію, дунгане въ домашнемъ своемъ обиходѣ продолжаютъ пользоваться тѣми же самыми предметами. Указываю на это обстоятельство потому, что дунгане — ревностные мусульмане-фанатики и, какъ извѣстно, страшно ненавидятъ китайцевъ, но не брезгаютъ нисколько пользоваться китайскими вещами.

Дунгане, какъ-то намъ приходилось видѣть неразъ, даже ради такого важнаго событія, какъ свадьба, никогда не измѣняютъ обстановки и вида своихъ жилищъ: все въ нихъ остается по-прежнему, какъ и въ обыкновенный день. Въ комнатахъ также преспокойно въ одномъ углу лежитъ кукуруза, какъ она лежала ранѣе и до этого, въ другомъ углу стоитъ въ капахъ пшеница, рядомъ съ нею находятся лопаты, текмени и другія орудія неза-

мысловатаго дунганскаго хозяйства. Въ комнатѣ, отведенной для молодыхъ, такъ же не дѣлается никакихъ перемѣнъ къ лучшему, если не считать того, что уберутъ съ кана старыя одѣяла и кошмы и замѣнятъ ихъ новыми, вотъ и всѣ перемѣны, которыя дѣлаются внутри, въ томъ числѣ и въ комнатѣ, предназначенной для молодыхъ. Для такого выходящаго изъ ряда событія дунгане не считаютъ также нужнымъ измѣнять и наружный видъ своихъ саклей, послѣднія и въ этотъ день остаются одинаково сѣрыми и угрюмыми, какъ и самые ихъ владѣльцы, къ побѣлкѣ своихъ домовъ они никогда и ни въ какихъ случаяхъ не прибѣгаютъ, да это имъ совершенно и не извѣстно. Во дворѣ, въ сараяхъ (въ послѣднихъ нерѣдко помѣщается часть гостей, въ томъ числѣ солидные и важные муллы и ахуны) такъ же ничего не убирается, а напротивъ, все въ нихъ остается въ прежнемъ порядкѣ, и по наружному виду двора или дома нельзя заключить, что здѣсь сегодня будетъ происходить важное семейное торжество, если не считать того, что часть двора еще наканунѣ оттораживается чѣмъ или цыновками, гдѣ будутъ обѣдать приглашенные гости. Правда, въ нѣкоторыхъ домахъ въ день свадьбы, съ ранняго утра можно видѣть высокоперетянутыя и притомъ черезъ весь дворъ (это бываетъ только въ домѣ жениха) веревки, на которыхъ хозяева, въ знакъ радости, довольства, развѣшиваютъ куски яркой матеріи, по преимуществу красной (главнымъ образомъ, излюбленный дунганами нашъ кумачъ или французъ, какъ они его называютъ; названіе это позаимствовано ими отъ русскихъ), а также куски бумажной матеріи синяго цвѣта, — послѣдній цвѣтъ также пользуется у дунганъ широкимъ вниманіемъ и поэтому онъ у нихъ въ большомъ ходу. Нерѣдко въ такихъ случаяхъ можно видѣть красующимися на тѣхъ же веревкахъ развѣшанные различные костюмы, какъ-то: халаты, штаны и кофты красного или синяго цвѣта, большіе и малые башмаки, вышитые разноцвѣтнымъ шелкомъ и т. п. Но подобную картину можно встрѣтить, какъ я замѣтилъ, не въ каждомъ случаѣ. Обыкновенно же многочисленная толпа ребятишекъ, еще задолго до того времени, когда начнутъ съѣзжаться гости, наполняетъ дворы жениха и невесты въ ожиданіи предстоящаго угощенія. Одѣты они нѣсколько лучше и чище, нежели въ остальные дни. Такъ какъ свадьбы происходятъ большею частью осенью и зимою, то на всѣхъ дѣтяхъ можно

видѣть ватныя кофты и такіе же штаны, на ногахъ ихъ — башмаки, обтянутые чернымъ плисомъ и вышитые бѣлымъ шелкомъ. У нѣкоторыхъ изъ нихъ подъ подошвами башмаковъ привязаны тонкими веревочками вокругъ ногъ деревянныя дощечки, во всю ширину которыхъ снизу въ двухъ мѣстахъ (спереди и сзади) прибиты небольшія вертикально поставленныя перегородки, это дѣлается для того, чтобы сберечь свою щегольскую и нарядную обувь. Такія своеобразныя и безспорно дешевыя калоши употребляются только въ грязную и ненастную погоду, но чтобы ходить въ нихъ было удобно, этого сказать нельзя. На головахъ у всѣхъ дѣтей расшитыя разноцвѣтнымъ яркимъ шелкомъ новыя шапочки, которыми они и щеголяютъ другъ передъ другомъ. Присутствіе множества нарядныхъ дѣтей—это, пожалуй, будетъ одна изъ тѣхъ примѣтъ, по которой каждый дунганингъ, помимо всякихъ сообщеній или приглашеній, безошибочно заключаетъ, что въ такомъ домѣ въ этотъ день имѣетъ происходить какое-либо важное семейное празднество. Беззаботно и весело предаются дѣти своимъ незамысловатымъ играмъ, а еще болѣе они счастливы потому, что на сегодняшний день избавились отъ скучнаго и монотоннаго ученія, что хотя въ этотъ день крѣпкая палка съ широкимъ основаніемъ (на подобіе нашей лопаты, только въ меньшемъ видѣ), которою вооруженъ ихъ суровый учитель-мулла, не будетъ гулять по ихъ спинамъ и ладонямъ. Радостное настроеніе дѣтей, ихъ веселый говоръ и смѣхъ, пестрые и яркіе ихъ костюмы рѣзко выдѣляются на сѣромъ, желтомъ фонѣ всей остальной домашней обстановки дунганскихъ жилищъ. Въ толгѣ этихъ ребятишекъ нерѣдко находятся и взрослые парни, между которыми часто можно встрѣтить и жениха, спокойно играющаго съ ними, особенно если онъ молодъ. При видѣ его, беззаботно веселящагося со своими сверстниками, никому изъ постороннихъ и въ голову не придетъ, что здѣсь находится женихъ, герой дня, но среди всѣхъ остальныхъ онъ выдѣляется болѣе лучшимъ, а главное нѣсколько особеннымъ нарядомъ, о чемъ скажу послѣ.

Дня за два-за три до свадьбы родственники, друзья и знакомые несутъ жениху и невестѣ подарки, каждый изъ нихъ несетъ своей родственной или знакомой сторонѣ, если же кто знакомъ одинаково хорошо съ обѣими сторонами, находится въ хорошихъ отношеніяхъ съ той и другой, или же приходится род-

ственникомъ обѣимъ, то таковыя обязательно дѣлають подарки жениху и невѣстѣ. Подарки эти состоятъ въ слѣдующемъ: одинъ дарить хорошій халатъ, другой несетъ башмаки (хай) или ичиги съ калошами, иной — вышитую шапку или же дарить отъ пяти, десяти копеекъ до двадцати рублей и большыя деньгами, болѣе же бѣдные несутъ пять — шесть фунтовъ сухихъ фруктовъ (изюмъ, урюкъ, фисташки, орѣхи и т. п.) или же двѣ-четыре связки сухой лапши (гуань-мянъ) или отъ пяти до десяти фунтовъ сырого мяса, но большинство отдѣливается четырьмя-пятью аршинами красной бумажной матеріи по преимуществу кумачомъ или французомъ; болѣе состоятельные дарятъ шелковыя матеріи разныхъ цвѣтовъ, но, главнымъ образомъ, преобладають красный и синій цвѣта, однимъ словомъ — каждый дарить по своему состоянію и по своимъ средствамъ, а также въ зависимости отъ степени родства и тѣхъ отношеній, въ которыхъ находится дарящій съ родителями жениха и невѣсты. Подарки эти, какова бы ни была ихъ цѣнность, обыкновенно несутъ на подносахъ. Подарки принимаетъ самъ хозяинъ дома, который каждому принесшему подарокъ кладетъ, въ свою очередь, на поднось нѣсколько сладкихъ хлѣбцевъ и горсти двѣ-три сушеныхъ фруктовъ. Поднось этотъ съ сладкими хлѣбцами и сушеными фруктами, которыми хозяинъ отдариваетъ своихъ гостей, называется хуй-панъ, т. е. возвратный поднось. Имена дарившихъ и то, что ими подарено, записывается аккуратно на красной бумагѣ, кѣмъ-либо изъ близкихъ родственниковъ или знакомыхъ жениха и невѣсты, и списокъ этотъ послѣ передается жениху для провѣрки. Списокъ этотъ называется ли-данъ, т. е. реестръ подарковъ. Такъ объ этомъ обычаѣ свидѣтельствуетъ В. Ф. Ладыгинъ, прекрасный знатокъ быта китайцевъ и, въ частности, дунганъ; мнѣ лично этого обычая не пришлось видѣть. Я же видѣлъ слѣдующій порядокъ: каждый приглашенный на свадьбу гость, будетъ то родственникъ или знакомый, обязательно несетъ какой-нибудь подарокъ въ самый день свадьбы, каковой держитъ не на поднось, а прямо въ рукахъ, и таковой съ вѣжливымъ поклономъ вручаетъ хозяину, который, принявъ подарокъ, отвѣчаетъ такимъ же поклономъ съ выраженіемъ благодарности и еще разъ приглашаетъ гостя на свадьбу, послѣ чего принесшій проходить во дворъ и смѣшивается съ толпою раяѣе пришедшихъ гостей. Долженъ сказать, что въ

большинствѣ случаевъ хозяинъ встрѣчаетъ гостей у воротъ своего дома, но иногда и внутри двора близъ дверей дома. Насколько мнѣ приходилось видѣть, подарки дѣлаются вообще недорогіе, они не поражаютъ количествомъ своимъ и не отличаются особенною цѣнностью, такъ какъ дунгане — народъ разсчетливый, крайне бережливый и довольно скупой. Подарки тѣ же, которые мы привели выше, но, главнымъ образомъ, отдѣляются нашимъ недорогимъ кумачомъ или «французомъ», котораго въ иную свадьбу надариваютъ отъ ста до двухъ сотъ арш. и болѣе. Иные дарятъ и деньгами, но въ такомъ случаѣ ограничиваются по большей части однимъ рублемъ, рѣдко кто изъ болѣе зажиточныхъ даетъ два-три рубля. Подарки точно такъ же записываются на красной бумагѣ; записывающій сидитъ рядомъ съ хозяиномъ у воротъ дома. Все принесенное хозяева складываютъ въ одно мѣсто — въ сундучокъ или просто въ ящикъ, а за неимѣніемъ того и другого, кладется въ уголь.

Обыкновенно въ 9—10 часовъ утра начинаютъ собираться гости какъ въ домъ жениха, такъ и въ домъ невѣсты. Въ такое время можно встрѣтить, что мужчины, женщины и десяти-двѣнадцатилѣтнія (и большаго возраста) дѣвушки идутъ вмѣстѣ, при чемъ женщины и дѣвушки идутъ съ открытыми лицами. Одежда взрослыхъ мужчинъ и на этотъ разъ мало чѣмъ отличается отъ будничной, большинство мужчинъ прямо идетъ отъ работы: кто въ чемъ былъ, такъ и идетъ на свадьбу, но зато прекрасная ихъ половина вполне пользуется настоящимъ случаемъ, чтобы нарядиться во все лучшее и блеснуть передъ многочисленнымъ собраніемъ своими дорогими украшениями и нарядами и тѣмъ представить себя въ наиболѣе выгодномъ свѣтѣ, а особенно своихъ подрастающихъ дочерей. Замужнія молодыя дунганки тщательно убираютъ и украшаютъ свою голову, начиная съ прически, которую онѣ дѣлаютъ въ чисто-китайскомъ вкусѣ. Прическа эта бываетъ довольно фигурная и сзади имѣетъ видъ пѣтушиного гребешка. На головѣ у нихъ цѣлый садъ красиво и изящно сдѣланныхъ искусственныхъ цвѣтовъ, среди которыхъ видны серебряныя и золотыя украшения своеобразной формы, въ ушахъ длинныя также золотыя или серебряныя серьги, нерѣдко доходящія почти до плечъ. Всѣ эти украшения дѣлаются самими дунганами, но стиль ихъ чисто-китайскій. Толстымъ слоємъ, по

обыкновенію, лежать бѣлила, румяна на лицѣ, ушахъ и шеѣ, на послѣдней одинаково какъ сзади, такъ и спереди. Верхняя одежда ихъ состоитъ изъ кофты (покрой китайской курмы) съ широкими рукавами и доходящей до талии или немного ниже, въ болѣе же холодное время кофту замѣняетъ длинный халатъ, также чисто-китайскаго покроя. Края рукавовъ, какъ кофты, такъ и халата, обыкновенно бываютъ обшиты шелковой тесьмой, этой же тесьмой вышить весь воротникъ (послѣдній обыкновенно дѣлается невысокій), подолъ и обѣ полы вдоль всего края отъ верху и до низу. Штаны у молодыхъ замужнихъ женщинъ изъ бумажной или шелковой матеріи по преимуществу краснаго цвѣта, у женщинъ же болѣе зрѣлаго возраста изъ синяго, голубого или сѣровато-чернаго цвѣта. Яркіе, нерѣдко красные башмаки, изъ бумажной матеріи или же изъ плиса, вышиты разноцвѣтнымъ шелкомъ. На груди зеркальце и приборъ, содержащій зубочистку, копоушку и проч. Старухи-дунганки не бѣлятся и не румянятся; покрой платья ихъ тотъ же самый, что и прочихъ женщинъ, но онъ весь состоитъ изъ однообразнаго синяго или чернаго цвѣта, на головѣ нѣтъ никакихъ украшеній, а голову покрываютъ чернымъ или бѣлымъ небольшимъ бумажнымъ платкомъ, которому придаютъ форму косынки. Взрослая дѣвушка, подрастающія невѣсты дѣлаютъ на головѣ сбоку одинъ только проборъ, волосы заплетаютъ въ одну косу, надъ лбомъ и надъ висками идетъ полукругомъ одинъ рядъ яркихъ цвѣтовъ, а у иныхъ цвѣты расположены въ два-три ряда: послѣднее считается щегольствомъ. У дѣвочекъ младшаго возраста нерѣдко приходится видѣть, что отъ впереди-лежащаго цвѣтка, расположеннаго вокругъ лба, висятъ, спускаясь, три-четыре отростка, изъ коихъ средній идетъ по самой срединѣ лба и доходитъ до переносицы, а боковые отростки цвѣтка лежатъ на вискахъ. Если бываетъ больше отростковъ, то таковые спускаются и на самые глаза. Въ ушахъ также золотыя или серебряныя серьги. Яркаго цвѣта кофты и по большей части узкіе, красные штаны, галоши которыхъ подобраны и завязаны на нѣсколько сантиметровъ выше лодыжекъ, и красные же шелковые маленькіе башмачки составляютъ весь нарядъ молодой дунганской взрослой дѣвушки.

Прибывшія женщины и дѣвушки проходятъ на женскую половину въ отдѣльное помѣщеніе, гдѣ онѣ по большей части и уса-

живаются на канѣ, поджавши подъ себя ноги. Хозяйка угощаетъ ихъ чаемъ, фисташками, простыми и миндальными орѣхами, дешевыми конфетами, маленькіе кусочки нашего сахара, нерѣдко грязные и пыльные, также входятъ въ составъ этого десерта. На свадьбѣ свободно участвуютъ дѣти обоюго пола и всякаго возраста. Такова въ общихъ чертахъ картина начала свадьбы, одинаковая какъ въ домѣ жениха, такъ и въ домѣ невесты. А теперь пойдѣмъ въ домъ послѣдней и посмотримъ, что тамъ дѣлается.

Еще наканунѣ дня свадьбы, взрослые дѣвушки, дочери родственниковъ и хорошихъ знакомыхъ, собираются къ невестѣ и усаживаются вмѣстѣ съ ней въ отдѣльной комнатѣ на канѣ. Возлѣ невесты съ утра этого дня неотлучно сидитъ солидная и почтенная старуха, приставленная отъ родителей ея. Старуха эта на другой день должна сопровождать невесту въ домъ жениха, почему и называется шу-цинъ-ди-лао-по-цзы, т.-е. провожатая старуха. Собравшіяся подружки въ послѣдній разъ забавляютъ и развлекаютъ невесту разсказами и разными шутками, каждая изъ подружекъ старается быть находчивой и изобрѣтательной, чтобы невестѣ было нескучно, но еще болѣе усердно онѣ ѣдятъ и пьютъ, такъ какъ ихъ хорошо угощаютъ. Нерѣдко во время этихъ развлеченій своими подругами невеста и всплакнетъ, но больше и чаще плачутъ ея отецъ и мать. Это посѣщеніе невесты подругами, означающее проводы и прощанье съ нею ея подругъ, у дунганъ называется цзо-канъ, т.-е. сидѣнье на канѣ.

Въ этотъ же день, въ полдень, пріѣзжаетъ къ невестѣ отъ родителей жениха старуха съ большимъ краснымъ платкомъ, въ которомъ завязаны орѣхи, и съ женскимъ верхнимъ платьемъ (данъ-горъ). Платье это называется нинъ-и, т.-е. разлучающее съ роднымъ домомъ, съ родителями, платье. Еще при входѣ старухи во дворъ, какъ только ее завидятъ, родители невесты и ихъ родные, какіе въ это время случаются, и сама невеста начинаютъ плакать, особенно сильно и долго плачутъ мать и невеста, отецъ же въ это время находится по большей части во дворѣ, и хотя также много плачетъ, но продолжаетъ дѣлать распоряженія относительно приготовленій къ завтрашнему дню. Присланная отъ жениха старуха, войдя въ комнату, гдѣ находится невеста, бросаетъ изъ платка привезенные орѣхи на дѣ-

вушекъ, послѣднія, кидаясь другъ черезъ друга, подбираютъ орѣхи, и каждая старается захватить себѣ больше, а если какой покажется, что на ея долю досталось мало орѣховъ, то отнимаетъ у другой, чѣмъ дѣвицы производятъ порядочный шумъ, суматоху и совѣмъ въ это время позабываютъ о своей подружневѣстѣ. Старуха, во время этой суматохи, съ легкой усмѣшкой и торжествующимъ видомъ, завязывая, закрываетъ голову и лицо невѣсты краснымъ платкомъ, что означаетъ, что съ этой минуты она, невѣста, уже не дѣвушка, а женщина. Сдѣлавъ это, старуха обращается къ подругамъ невѣсты, подсмѣивается и подтруниваетъ надъ ними, говоря, съ упрекомъ, какъ это онѣ такъ легко проглядѣли, просидѣли свою подругу, несмотря на то, что ихъ много, но тѣ, не обращая на это вниманія, пристають къ старухѣ, тормозятъ ее и просятъ еще орѣховъ; старуха отвѣчаетъ, что въ скоромъ времени она привезетъ еще больше орѣховъ, а также постарается тогда захватить и другихъ сластей, но только чтобы онѣ на будущее время лучше берегли своихъ подругъ, а то если будутъ такъ плохо беречь, то скоро во всей деревнѣ не останется ни одной дѣвушки, всѣ онѣ скоро выйдутъ замужъ и ей некому будетъ больше возить орѣховъ. Дѣвушки хохочутъ и говорятъ, что если такъ, то имъ ничего не нужно, и пусть она убирается подальше. Перекинувшись еще нѣсколькими веселыми словами и шутками, старуха уходитъ къ матери невѣсты, гдѣ ей оказываютъ полный почетъ и вниманіе и усердно угощаютъ. Старуха эта называется да-гай-ту-ди или шан-ту-ди, т.-е. покрывающая голову невѣсты. По уходѣ этой старухи, провожатая старуха, т.-е. шу-динъ-ди-лао-по-цзы, та самая, которая приставлена къ невѣстѣ ея родителями, вмѣстѣ съ находящимися здѣсь дѣвушками снимаетъ съ головы невѣсты красный платокъ, расплетаетъ ея дѣвичью косу, и общими силами всѣ вмѣстѣ дѣлаютъ ей женскую прическу, послѣ чего одѣваютъ въ платье замужней женщины, въ то самое платье, которое привезла изъ дома жениха старуха шанъ-ту-ди или да-гай-ту-ди. Невѣста во время этого одѣванья плачетъ, плачутъ вмѣстѣ съ нею и нѣкоторыя болѣе близкія ея подруги, а другія стараются утѣшать невѣсту. Подруги эти остаются весь этотъ день съ невѣстой, ихъ угощаютъ обѣдомъ, чаемъ и разными дешевыми сладостями, нѣкоторыя изъ нихъ остаются ночевать вмѣстѣ съ невѣстой.

Въ день свадьбы, рано утромъ, невѣсту убираетъ одна изъ родственницъ, особенно тщательно и долго она причесываетъ ея голову, причесываетъ такъ же, какъ и замужнюю женщину; общими силами этой родственницы и подругъ невѣстѣ умываютъ лицо, шею и руки, послѣ чего усердно ее бѣлятъ бѣлилами, послѣднихъ, конечно, нисколько не жалѣютъ, послѣ чего невѣсту одѣваютъ во все новое, самое дорогое и лучшее платье, приготовленное ея родителями; одѣваютъ такъ же, какъ и замужнюю женщину, и затѣмъ голову убираютъ цвѣтами, конечно, искусственными, надѣваютъ серебряныя украшенія или золотыя, если таковыя имѣются, на каждую руку по браслету, въ уши вдѣваютъ серьги. Такимъ образомъ, убранная и тщательно одѣтая, невѣста садится на канъ, лицомъ повернувшись въ уголъ къ западной сторонѣ, лицо ея остается открытымъ, возлѣ нея неотлучно сидитъ ея провожатая старуха, шу-цинъ-ди-лао-по-цы, — и нѣсколько болѣе близкихъ подругъ. Комната эта постепенно наполняется прибывающими женщинами и дѣвушками. Чѣмъ больше вокругъ невѣсты женщинъ и дѣвушекъ, тѣмъ для нея лучше, — значить, невѣста пользуется большимъ уваженіемъ, которое она, будучи дѣвушкой, заслужила, а такъ же и ея родителямъ. Вслѣдствіе присутствія многихъ гостей въ комнатѣ невѣсты господствуетъ полное оживленіе, но сама она не принимаетъ ровно никакого участія во всемъ происходящемъ вокругъ нея, она сидитъ молча и неподвижно и, какъ статуя, безучастно смотреть въ уголъ комнаты, иногда только вполголоса отвѣтитъ на какой-либо вопросъ, изрѣдка къ ней обращенный. Сидитъ она такъ неподвижно, что въ теченіе долгаго времени никуда не повернетъ головы и сама не шелохнется; въ эту минуту, глядя на нее, невольно приходитъ на мысль, что передъ нами не живой человѣкъ, а какой-нибудь истуканъ, и впечатлѣніе это еще тѣмъ болѣе усугубляется, что сама невѣста, въ данную минуту, усердно набѣленная, нарумяненная и наряженная въ своеобразный костюмъ, напоминаетъ собою настоящую куклу. Когда невѣста будетъ совсѣмъ одѣта и убрана, объ этомъ даютъ знать въ домъ жениха, откуда, спустя немного, пріѣзжаетъ старуха, которая также называется шанъ-ту-ди или да-гай-ту-ди, т. е. покрывающая платкомъ голову, но уже не та старуха, которая была наканунѣ, а другая, она также покрыв-

ваетъ голову невѣсты платкомъ, но дѣлаетъ это въ день свадьбы, когда невѣста будетъ уже совсѣмъ одѣта... Дворъ жениха и невѣсты постепенно наполняется прибывающими гостями.

Если невѣста въ послѣдніе дни, а особенно наканунѣ и въ день свадьбы, составляетъ предметъ особыхъ заботъ и вниманія, то нельзя того же сказать про жениха: на него мало или почти совсѣмъ не обращается вниманія, въ средѣ гостей онъ почти не показывается, а сидитъ гдѣ-нибудь въ отдѣльной саклѣ или на заднемъ дворѣ со своими товарищами, которые безъ всякаго стѣсненія и излишней церемоніи то-и-дѣло надъ нимъ подсмѣиваются и подтруниваютъ—кто ущипнетъ его, а кто подъ видомъ особой дружбы заѣдетъ, и притомъ довольно чувствительно, кулакомъ въ спину, женихъ, не стѣсняясь, отвѣчаетъ тѣмъ же, дѣло между ними иногда доходитъ до порядочной свалки, въ которой жениху приходится получить немало чувствительныхъ дружескихъ ударовъ, тѣмъ болѣе, что въ этотъ день онъ мало находитъ защитниковъ и сторонниковъ между своими же товарищами, наоборотъ, каждый изъ нихъ на прощанье старается оставить по себѣ память болѣе или менѣе значительными пинками или ударами. Иной разъ жениху было бы совсѣмъ плохо, если бы на выручку его, услышавъ большой шумъ и крикъ, не являлись на помощь взрослые, которые своимъ вмѣшательствомъ и прекращаютъ ссору, начинавшую принимать довольно серьезный характеръ. Такія сцены обыкновенно происходятъ за домомъ или на заднемъ дворѣ, чтобы не видѣли взрослые. Дунгане народъ вспыльчивый и легко раздражающійся, почему нерѣдко случается, что, начавъ играми и шутками, они быстро переходятъ къ ссорамъ и серьезнымъ перебранкамъ, которыя и оканчиваются зачастую порядочнымъ а то и совсѣмъ изряднымъ побоищемъ. Нерѣдко добрую половину утра женихъ проводитъ за обыкновенной работой по хозяйству, какъ-то: убираетъ скотину, даетъ кормъ лошадямъ и проч., но больше проводитъ время со своими товарищами въ играхъ, въ которыхъ принимаютъ участіе и взрослые; козломъ отпущенія на этихъ играхъ служить, между прочимъ, ишахъ,—къ шеѣ котораго привязываютъ большую тыкву и убиваютъ его разными цвѣтными тряпками и, такимъ образомъ, на немъ разѣзжаются по двору.

Въ день свадьбы женихъ одѣвается въ чистую, по возможности,

новую одежду однообразнаго цвѣта, преимущественно синяго или голубого (это излюбленные цвѣта у дунганъ-мужчинъ). Верхняя одежда его состоитъ изъ кофты, закрывающей все туловище, или халата, подпоясаннаго шелковымъ поясомъ, и штановъ, въ зимнее время весь костюмъ обыкновенно бываетъ теплый, т.-е. стеганый на ватѣ, на ногахъ новые башмаки съ узорами, вышитыми бѣлымъ шелкомъ, галоши штановъ у ступни аккуратно завязаны тесемками, на ногахъ видѣются новые чулки, сшитые изъ толстой бумажной матеріи бѣлаго цвѣта, шовъ которыхъ всегда проходитъ спереди посерединѣ тыла стопы. На головѣ новая шапочка или тебитейка, вышитая разноцвѣтнымъ шелкомъ. Черезъ плечи перекинута красная перевязь — хунъ-ди, т.-е. красный. Перевязь эта, означающая символъ радости, торжества, дѣлается слѣдующимъ образомъ: красная лента шириною въ три-четыре пальца перекинута черезъ правое плечо, одна половина этой ленты идетъ спереди туловища, а другая сзади его и завязывается бантомъ приблизительно на уровнѣ лѣваго тазобедреннаго сочлененія, другая такая же лента перекидывается черезъ лѣвое плечо, одинъ конецъ которой идетъ также спереди туловища, а другой сзади и дѣлается такъ же бантъ на уровнѣ праваго тазобедреннаго сустава, т.-е. какъ разъ противу предыдущаго. Концы перевязи, идущіе отъ бантовъ, спускаются съ той и другой стороны немного ниже коленъ. На туловищѣ какъ спереди, такъ и сзади ленты перекрещиваются. Перевязь эта составляетъ неизбѣжную и неизмѣнную принадлежность и украшеніе каждаго жениха. Если женихъ слишкомъ молодъ, то кто-нибудь изъ его родственниковъ или знакомыхъ обучаетъ въ это время его извѣстному церемониальному поклону, который онъ обязанъ будетъ сдѣлать послѣ обряда вѣнчанія всѣмъ мулламъ и собравшимся гостямъ. Иной женихъ учится дѣлать этотъ поклонъ въ теченіе нѣсколькихъ дней.

Во дворѣ жениха стоитъ приготовленная телѣга для невѣсты, телѣга эта на короткомъ ходу обыкновенно тюменской работы. Для такого случая телѣга эта всегда готовится съ крытымъ верхомъ. На дно телѣги кладется одна или двѣ и больше бѣлыя кошмы, простыя и раскрашенныя, это смотря по достатку. Верхъ кибитки покрывается чистою бѣлою или разрисованною

мошмою—это у бѣдныхъ, богатые же убираютъ эту телѣгу довольно роскошно, верхъ ея они покрываютъ яркой шелковой матеріей по большей части краснаго цвѣта. Дуга и лошади обыкновенно убираются въ обиліи красными лентами. Верховыя лошади, предназначенныя для жениха и его провожаго—пэй-ню-сю, и сѣдла щедро перевязываются лентами такого же цвѣта.

Около одиннадцати-двѣнадцати часовъ гости, собравшіеся въ домъ жениха, всѣ почти отправляются въ домъ невѣсты, за исключеніемъ самыхъ близкихъ родственниковъ и друзей жениха, которые ѣдутъ вмѣстѣ съ послѣднимъ спустя нѣкоторое время.

Когда изъ дома невѣсты дадутъ знать, что всѣ гости уже собрались, изъ дома жениха отправляется приготовленная для невѣсты разукрашенная телѣга, въ которой ѣдетъ старуха, а съ нею еще три или четыре молодыя женщины, по большей части родственницы или же близкіе знакомые жениха. Женщины эти заблаговременно приглашаются и притомъ такія, которыя для такого важнаго случая могутъ блеснуть передъ прочими болѣе роскошнымъ нарядомъ, обиліемъ цвѣтовъ и серебряныхъ или золотыхъ украшеній на головѣ, а также щеголяющія своими наплечниками (пэй-цзянь). Наплечники эти состоятъ изъ тонкихъ кованыхъ пластинокъ шириною въ два-три пальца и сдѣланы изъ серебра или золота, въ находящіеся между ними промежутки вставлены разноцвѣтныя стекла. Пластины эти обыкновенно нашиваются лучеобразно на шелковый цвѣтной матеріи и укрѣпляются на плечахъ. Богато одѣтыя женщины выбираются для большей представительности, старуха же, находящаяся вмѣстѣ съ ними, будетъ сопровождать невѣсту въ домъ будущаго ея мужа вмѣстѣ съ провожатой старухой, приставленной къ невѣстѣ ея родителями еще наканунѣ дня свадьбы и все время находящейся при ней безотлучно. Вслѣдъ за этой телѣгой ѣдутъ остальные родственницы и знакомыя женщины и дѣти со стороны жениха; въ случаѣ если богатая свадьба—то поѣздъ этотъ состоитъ изъ десяти-двадцати телѣгъ, если бѣдная—то не менѣе двухъ-трехъ.

Пріѣхавшія отъ жениха за молодой женщины (цюй-цинъ-ди, т.-е. отправляющіяся за молодой, за родственницей) прямо проходятъ въ

комнату, гдѣ сидитъ невѣста, у двухъ изъ нихъ въ рукахъ по узлу, одна съ маленькимъ, а другая съ большимъ узломъ. Та женщина, которая держитъ маленькій узелъ, по большей части старуха, быстро всходитъ на канъ, развязываетъ его надъ головой невѣсты, и обсыпаетъ ее орѣхами, урюкомъ въ знакъ того, чтобы молодая была плодovита и жила бы замужемъ въ довольствѣ и достаткѣ,—и платкомъ этимъ сейчасъ же закрываетъ лицо невѣсты. Орѣхи же и урюкъ немедленно подбираютъ находящіяся здѣсь женщины и дѣвицы и поѣдаютъ.

Лишь только поѣздъ этотъ приближается къ дому невѣсты, какъ ея родители и она сама начинаютъ плакать. Плачъ этотъ усиливается, лишь только пріѣхавшія женщины вошли въ комнату невѣсты; особенно горько и громко плачутъ невѣста и мать, послѣдняя не отходитъ отъ дочери; находящіяся здѣсь родственницы ихъ также плачутъ. Плачутъ съ громкимъ и рѣзкимъ гортаннымъ причитываніемъ. Пріѣхавшія за невѣстой родственницы жениха утѣшаютъ плачущихъ и убѣждаютъ ихъ долго и горячо, при чемъ и сами при этомъ случаѣ немного всплакнутъ, но сквозь слезы пускаютъ въ ходъ все свое краснорѣчіе, чтобы успокоить родныхъ невѣсты и, насколько хватаетъ ихъ силъ и умѣнья, выражаютъ имъ свое участіе и соболѣзнованіе по поводу предстоящей разлуки ихъ съ дочерью, при чемъ берутъ ихъ за руки, жмутъ ихъ, кладутъ свои руки на плечи плачущихъ или же прикладываютъ ихъ руки къ своему сердцу въ знакъ того, что онѣ глубоко чувствуютъ и понимаютъ всю тяжесть настоящей разлуки и также одинаково горячо раздѣляютъ переживаемую ими минуту, какъ бы и сами онѣ испытывали и переживали при разставаньи съ своею собственною дочерью, но въ то же время просятъ ихъ такъ сильно не убиваться и не печалиться, такъ какъ дочь ихъ будетъ жить хорошо и спокойно въ новомъ семействѣ: свекровь и свекруха люди добрые и никогда не будутъ обижать свою невѣстку, а, напротивъ, будутъ ее всячески жалѣть, любить и учить ее всему доброму и хорошему, да и женихъ такой же прекрасный и добрый человѣкъ, который будетъ свою жену любить и т. д. и т. д. Отецъ невѣсты находится обыкновенно на дворѣ, онъ плачетъ, стоя гдѣ-нибудь въ углу, братья невѣсты, если таковые есть, также не отступаютъ отъ своихъ родителей и плачутъ не менѣе ихъ горько.

Утѣшивъ, насколько возможно, родныхъ невѣсты, та женщина, которая только-что обсыпала ее, развязываетъ платокъ съ ея лица, затѣмъ снимаетъ съ головы ея всѣ украшенія и цѣпты, разбираетъ всю прежнюю ея прическу, для чего осторожно развязываетъ шнурки, и выбираетъ всѣ шпильки и проволоки, которыми были укрѣплены волосы невѣсты, и сама вновь причесывается невѣсту. Причесывается долго и старательно, приглаживая и подбирая волосъ къ волосу, если же таковые выказываютъ нѣкоторое упорство и не хотятъ прямо и ровно ложиться, какъ того желаетъ причесывающая, то она безъ всякой церемоніи, какъ связующее средство, пускаетъ въ ходъ свои слюны, которыми обильно смачиваетъ волосы невѣсты. Наконецъ, окончилась длинная процедура причесыванія и убранія головы невѣсты, лицо ея вновь умыли, щедро наругали, набѣлили, надѣли на голову всѣ цѣпты и украшенія, и та же самая женщина вновь завязала лицо ея платкомъ. Такъ какъ невѣстѣ приходится довольно продолжительное время сидѣть завязанною, то въ такихъ случаяхъ употребляется обыкновенно легкій платокъ. Перестаютъ и плакать. Пріѣхавшихъ за невѣстой цюй-цинь-ди угощаютъ чаемъ, домашними печеніями и разными сластями, однимъ словомъ, имъ оказываютъ самое полное вниманіе, на какое только способны дунганки; въ ухаживаніи за ними принимаютъ участіе всѣ находящіеся здѣсь родственницы невѣсты.

Вскорѣ послѣ этого пріѣзжаетъ и женихъ. Онъ ѣдетъ въ сопровожденіи своего пэй-ню-сю, т.-е. провожатаго, окруженный своими товарищами-сверстниками. Всѣ они ѣдутъ верхами. Болѣе пожилые родственники и знакомые жениха ѣдутъ въ телѣгахъ. Лошади и сѣдла жениха и его провожатаго, какъ было сказано выше, убраны разноцвѣтными лентами, и женихъ одѣтъ во все новое, и на немъ красная перевязь. Женихъ со своимъ провожатымъ, пріѣхавши въ домъ невѣсты, дѣлаетъ роднымъ и знакомымъ ея поклонъ (своего будущаго тестя онъ еще не видитъ), послѣ чего ихъ проводятъ въ отдѣльную комнату, и здѣсь сидятъ они до тѣхъ поръ, пока муллы не прочтутъ установленныхъ молитвъ изъ корана. Въ иныхъ случаяхъ бываетъ и такъ: женихъ, подѣхавъ къ воротамъ дома невѣсты, останавливается и посылаетъ ей визитную карточку, прося разрѣшенія или позволенія войти въ домъ, самъ же дожидается у воротъ до тѣхъ

поръ, пока братъ или ближайшій родственникъ невесты не принесетъ согласія послѣдней, послѣ чего женихъ уже и въѣзжаетъ во дворъ.

Къ пріѣзду жениха собрались также почти всѣ муллы и ахуны, которыхъ въ особенности для такого важнаго случая приглашается не менѣе двадцати-тридцати человекъ; если же свадьба богатая, то приглашается и больше этого числа. При входѣ они обыкновенно говорятъ привѣтствіе (саламъ), всѣ присутствующіе ихъ встрѣчаютъ стоя, о чемъ подробно было говорено въ предыдущей главѣ. Какъ только пришелъ главный мулла или ахунъ, поспѣшно разставляются столики, еще поспѣшнѣе ученики муллъ и ахуновъ раскладываютъ коранъ, каждому муллѣ дается по небольшой его части. Передъ главнымъ муллою ставится на столикѣ небольшая чайная или деревянная чашка, обыкновенно китайскаго издѣлія, наполненная пшеницей, въ эту чашку втыкаютъ семь свѣчей или правильнѣе семь очень тоненькихъ палочекъ, обернутыхъ зеленой бумагой. Свѣчки эти готовятся исключительно китайцами, и каракунзскіе дунганде достаютъ ихъ изъ Кульджи или изъ Кашгара. Эти свѣчки зажигаютъ передъ началомъ чтенія корана, свѣчи эти не горятъ, а тлѣютъ; подобно нашимъ извѣстнымъ курительнымъ свѣчамъ или монашкамъ, тлѣя, онѣ издаютъ особый специфическій и притомъ весьма слабый запахъ, но довольно пріятный. Употребляются эти свѣчи при каждомъ чтеніи корана, по какому бы случаю таковое ни происходило. Зажегши эти свѣчки, начинаютъ читать коранъ. Характеръ чтенія корана также не мѣняется, по какому бы случаю это чтеніе ни происходило, это все равно: читаютъ обыкновенно всѣ вдругъ, читаютъ громко и скоро, точно каждый изъ нихъ старается перегнать одинъ другого. Одинъ изъ родственниковъ жениха тутъ же, вблизи муллъ, нисколько не стѣсняясь, что происходитъ чтеніе священныхъ молитвъ, серьезно занять раскладкою денегъ для уплаты мулламъ и ахунамъ за ихъ трудъ. Вознагражденіе обыкновенно дается самое скромное: самому старшему, наиболѣе почтенному и уважаемому муллѣ дается отъ двадцати коп. и до одного рубля, рѣдко когда больше, а всѣмъ остальнымъ отъ пяти и до семи или десяти копеекъ. Какъ бы ни была мала и скромна плата, но обязательно предназначенный каждому муллѣ гонораръ завертывается въ бумажку

бѣлаго или краснаго цвѣта, того требуетъ приличіе. Приготовивъ плату и разложивъ свертки на подносѣ въ извѣстномъ порядкѣ, завѣдующій этимъ дѣломъ сейчасъ же, нисколько не медля, преподноситъ ихъ еще во время чтенія корана, но обычный порядокъ отъ этого нисколько не нарушается, — каждый мулла беретъ предназначенный ему свертокъ и, какъ ни въ чемъ не бывало, преспокойно продолжаетъ читать свою часть корана дальше. Остальная, находящаяся здѣсь многочисленная, публика слушаетъ чтеніе корана или показываетъ только видъ, что слушаетъ, такъ какъ изъ такого одновременнаго чтенія нѣсколькими десятками голосовъ, притомъ чтенія громкаго и рѣзкаго, едва ли можно что понять даже самому внимательному правовѣрному слушателю. Къ концу чтенія корана провожатый (пэй-ню-сю) выводитъ жениха, сидѣвшаго все время по пріѣздѣ въ отдѣльной комнатѣ, на средину мѣста, занимаемаго муллами, и ставитъ его лицомъ къ нимъ. Вошедши, женихъ становится передъ главнымъ муллой на колѣни на отдѣльно приготовленномъ для него столѣ, послѣдній для такого торжественнаго случая покрывается краснымъ ватнымъ одѣяломъ, свернутымъ въ два-три раза. Передъ женихомъ, стоящимъ на колѣняхъ, поджавши подъ себя ноги, сидитъ главный мулла, который читаетъ аникагоръ (сартовское ника-молитва, которой освящается бракъ). Нѣкоторые муллы и въ это время все еще продолжаютъ читать свою часть корана. Главный мулла, прочитавши первую половину молитвы, спрашиваетъ жениха: согласенъ ли онъ такую-то дѣвицу взять себѣ въ жены, и, получивъ отъ него утвердительный отвѣтъ, продолжаетъ читать дальше; оканчивая читать вторую половину молитвы, мулла такой же вопросъ предлагаетъ по адресу невѣсты, но такъ какъ послѣдняя сидитъ далеко въ комнатѣ и ничего не слышитъ, то за нее отвѣчаетъ наиболѣе старѣйшій изъ ея родственниковъ, здѣсь присутствующій, или же ея отецъ, и, получивъ также утвердительный отвѣтъ, продолжаетъ чтеніе означенной молитвы до конца обычнымъ порядкомъ. Еще не успѣвъ мулла окончить чтенія этой молитвы, какъ на столики, на которыхъ только-что читался коранъ, подается десертъ, состоящій изъ орѣховъ протытыхъ, грецкихъ (большихъ) и миндальныхъ, сухого урюка, фисташекъ и домашнихъ печеній на постномъ льняномъ или конжутномъ маслѣ. Муллы, окончившіе уже чтеніе корана, забавляются

этимъ десертомъ и въ то же время острять, подшучивая надъ женихомъ, который все еще, потупивъ глаза, стоитъ на колѣняхъ и слушаетъ чтеніе молитвы. Когда окончится чтеніе этой молитвы, женихъ встаетъ со своего столика и прежде всего дѣлаетъ особый въ такихъ случаяхъ поклонъ, называемый чанъ-же или чжанъ-же, главному муллѣ, который ему только что читалъ молитву. Искусству дѣлать этотъ поклонъ женихъ усердно и старательно обучается предварительно за нѣсколько дней и, какъ я выше замѣтилъ, утромъ въ день свадьбы дѣлаетъ еще нѣсколько пробныхъ опытовъ, чтобы не ударить лицомъ въ грязь, не осрамиться передъ многочисленнымъ обществомъ своихъ односельчанъ. Особенность этого поклона состоитъ въ слѣдующемъ: обѣ руки, сложенные вмѣстѣ, женихъ поднимаетъ нѣсколько выше своей головы (не отнимая рукъ), такимъ образомъ кланяется до пояса. Дунгане, которые дѣлали, когда-то этотъ поклонъ, передавали мнѣ, что съ не привычки руки скоро устаютъ и голова начинаетъ кружиться. Да оно и понятно, такъ какъ сравнительно въ короткое время приходится сдѣлать около 150—200 такихъ поклоновъ. Сдѣлавъ поклонъ муллѣ, провожатый подводитъ его къ каждому столу, занимаемому муллами и ахунами, и всѣмъ имъ женихъ дѣлаетъ поклонъ, соблюдая при этомъ старшинство. Въ это же время, т.-е. лишь только окончилось чтеніе молитвы-ника, немедленно подается обѣдъ. Въ такихъ случаяхъ бываетъ всегда торжественный обѣдъ—си-фанъ. Какъ я сказалъ уже выше, за первыми тремя-четырьмя блюдами и послѣ каждого изъ нихъ ученики какого-нибудь ахуна или муллы поютъ священные стихи; въ пѣніи этомъ принимаютъ участіе и сами ахуны. Пѣніе это рѣзкое, громкое съ выкрикиваніями и для нашего слуха положительно непріятное, такъ какъ въ немъ нѣтъ ни гармоничности ни мелодичности. По этому пѣнію, доносящемуся до невѣсты, послѣдняя узнаетъ, что она уже перевѣнчана и стала уже замужнею женщиною, женою человѣка, котораго она или совѣмъ не видѣла или же если и видѣла когда-либо, то такъ мало и рѣдко, что совѣмъ не можетъ его представить, не можетъ сказать, кто именно сталъ съ этого времени ея мужемъ, и она начинаетъ громко плакать. Окружающія ее женщины еще громче смѣются и подшучиваютъ надъ ней, а другія, утѣшая, успо-

каиваютъ ее. Форма этого утѣшенія близко походить на то, когда мы тюкаемъ на собакъ. Находящіяся здѣсь дунганки цѣлымъ хоромъ, дружно, тюкаютъ на неvěсту, и послѣдняя скоро перестаетъ плакать, а такъ какъ отъ слезъ бѣлила на лицѣ ея нѣсколько сошли и образовали дорожки или полосы, то ей поспѣшно подають таковыя, и она быстро, какъ ни въ чемъ небывало, подбѣливается и опять закрываетъ свое лицо платкомъ. Душевное настроеніе на женской половинѣ въ это время бываетъ уже болѣе веселое, здѣсь замѣчается оживленіе, котораго раньше не было. Гости обѣдаютъ, и женихъ, отдавъ поклонъ мулламъ и ахунамъ, подъ руководствомъ своего провожатаго пэй-ню-сю, дѣлаетъ таковой всѣмъ родственникамъ неvěсты, а также и своимъ, а затѣмъ уже и всѣмъ остальнымъ гостямъ безъ исключенія, обязательно въ томъ числѣ и своимъ товарищамъ и работникамъ, если таковыя имѣются въ домѣ отца неvěсты, только послѣднему онъ не дѣлаетъ поклона, такъ какъ своего тестя и тещу онъ въ этотъ день, по мусульманскому закону, не можетъ видѣть. Гости, не обращая никакого вниманія на поклоны жениха, такъ какъ отвѣчать на его поклоны нѣсколько не обязательны, ѣдятъ и въ то же время подтрунивають надъ нимъ. Говоря въ предыдущей главѣ о порядкѣ, въ какомъ подается обѣдъ у дунганъ, я упустилъ одну маленькую особенность, а именно: послѣ четвертаго блюда подается уже хлѣбъ, прежде подаются горячія постныя лепешки, приготовленныя па пару, таковыя дѣлаются небольшія, обыкновенно круглой формы, на подобіе нашихъ хлѣбцевъ, а послѣ уже подаются лепешки на постномъ или кунжутномъ маслѣ. Эти лепешки бываютъ уже большія, плоскія; такой порядокъ не разъ мнѣ приходилось видѣть. Свадебный обѣдъ заканчивается мяснымъ кушаньемъ, это—рубленое мясо, изъ котораго приготовляются колбасы; подають ихъ въ мясномъ соусѣ.

Точно также по окончаніи чтенія корана и послѣ молитвы (ника), освящающей бракъ, и, слѣдовательно, въ самомъ началѣ обѣда, въ собраніе гостей вносятся пять-шесть и болѣе большихъ круглыхъ хлѣбовъ на постномъ маслѣ, одинъ или два большихъ куска сырого мяса, нѣсколько свертковъ съ съѣстными припасами (вермишель изъ муки или картофельнаго крахмала), сушеными фруктами, нѣсколько халатовъ и денегъ, и все это пе-

редается сватамъ за ихъ труды и хлопоты по сватовству и устройству настоящей свадьбы. Сватовъ вознаграждаютъ поровну, и каждая сторона благодаритъ ихъ особо, — но время, въ которое ихъ благодарятъ, одно и то же — это передъ началомъ обѣда, а другіе дѣлаютъ это во время самаго обѣда, — приблизительно, въ началѣ или въ срединѣ его.

Женихъ же, отдавши поклонъ всѣмъ гостямъ-мужчинамъ, въ сопровожденіи своего пэй-ню-сю, идетъ на женскую половину и прежде всего въ ту комнату, гдѣ сидитъ его невѣста, закрытая краснымъ платкомъ, обратившись лицомъ въ уголъ. Вокругъ нея сидятъ почетныя разряженные гости цюй-цинъ-ди. При входѣ жениха провожатая (шу-цинъ-ди-лао-по-цзы) непременно подшутитъ надъ молодымъ, и строгимъ голосомъ прикажетъ ему сдѣлать поклонъ своей женѣ. Мнѣ передавали тѣ лица, которыя ранѣе, когда-то, все это сами пережили, т.-е. были женихами, что всякій дунганинъ далеко не безъ волненія входитъ въ ту комнату, гдѣ находится его невѣста, а тутъ еще совѣмъ неожиданный строгій голосъ ея провожатой, къ нему обращенный, и присутствіе цѣлой массы любопытныхъ взоровъ, молодыхъ разряженныхъ красавицъ, уставившихся на жениха — все это еще больше приводитъ послѣдняго въ смущеніе. Лицо жениха и безъ того уже красно отъ множества сдѣланныхъ имъ до этого поклоновъ, и въ глазахъ уже стали ходить круги, а войдя въ эту комнату, онъ еще болѣе краснѣетъ и еще болѣе теряется при видѣ представившейся ему яркой и пестрой картины, состоящей изъ одиѣхъ женщинъ.

Если онъ первый поклонъ сдѣлаетъ своей женѣ, что по большей части всегда и бываетъ, такъ какъ женихъ сразу узнаетъ, гдѣ сидитъ его молодая жена, то между находящимися здѣсь женщинами поднимаются шутки и смѣхъ безъ конца, онъ громко и рѣзко кричатъ и смѣются, что приводитъ жениха еще въ большее смущеніе. Въ настоящемъ случаѣ женихъ долженъ дѣлать поклоны здѣсь находящимся женщинамъ также по старшинству, а жена его, или невѣста, въ данное время еще не есть старшая между присутствующими, почему и здѣсь онъ, женихъ, долженъ дѣлать поклоны по указанію своего провожатого, который старается строго придерживаться извѣстнаго порядка и правильнаго этикета, чтобы не дать повода обижаться старшимъ по положенію

или по лѣтамъ, а также чтобы не нажить и себѣ неожиданно какого-либо врага или по меньшей мѣрѣ непріятности. Невѣста, какъ и ранѣе, такъ и въ это время, сидитъ, обратившись лицомъ въ уголь, точно статуя или манекенъ, и нисколько не шелохнется. И если женихъ, войдя, растерявшись, или почему-либо другому, поклонится прежде своей невѣстѣ, то это считается у дунганъ признакомъ того, что онъ будетъ у своей жены подъ башмакомъ! Сдѣлавши поклоны находящимся женщинамъ, какъ въ этой, такъ и во всѣхъ другихъ комнатахъ, женихъ выходитъ оттуда краснѣе мака, а здѣсь его встрѣчаютъ мальчики и товарищи подростки, и, нисколько не церемонясь, въ присутствіи всѣхъ, смѣясь, издѣваются надъ нимъ, толкаютъ его въ бока, щиплютъ и т. п., но женихъ на все это не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія, а соблюдая должное случаю достоинство, молча и съ серьезнымъ видомъ отвѣшиваетъ каждому установленный и заученный имъ ранѣе поклонъ—чанъ-же, кому онъ еще его не сдѣлалъ. Иногда порядокъ отданія этого поклона бываетъ и другой, а именно: отдавши поклонъ ахунамъ, мулламъ и ближайшимъ родственникамъ-мужчинамъ, женихъ, въ сопровожденіи своего пэй-ню-сю, идетъ на женскую половину, гдѣ дѣлаетъ поклоны всѣмъ женщинамъ, тамъ находящимся, и невѣстѣ и, уже возвратившись оттуда, дѣлаетъ поклоны остальнымъ гостямъ-мужчинамъ, въ томъ числѣ товарищамъ и работникамъ и т. д.

Для полноты картины долженъ сказать, что у дунганъ рѣдкій обѣдъ проходитъ безъ проповѣди, которую говоритъ обыкновенно старшій ахунъ или мулла. Чѣмъ богаче свадьба, или если хозяинъ дома по какому-нибудь болѣе или менѣе важному случаю устраиваетъ у себя обѣдъ, то обязательно какой-нибудь мулла, по преимуществу пользующійся вліяніемъ среди своего общества или даже своей только партіи и отличающийся краснорѣчіемъ, говоритъ проповѣдь, что бываетъ въ срединѣ обѣда или во второй его половинѣ. Дунгане большіе охотники до проповѣдей и любятъ ихъ слушать, да оно и понятно,—въ большинствѣ случаевъ проповѣди ихъ носятъ злободневный характеръ. Проповѣдь у дунганъ является поэтому могучимъ, сильнымъ и притомъ самымъ вѣрнымъ средствомъ для проведенія въ общество извѣстныхъ, нерѣдко ранѣе намѣченныхъ цѣлей, желательныхъ только или

одному муллѣ или небольшому кружку вліятельныхъ и богатыхъ людей. Направленіе жизни общественной дается у дунганъ муллами или ахунами въ проповѣдяхъ, которыя говорятся поэтому всегда на обѣдахъ и въ мечетяхъ; проповѣди эти очень часто вліяютъ на взаимныя отношенія односельчанъ, часто измѣняя ихъ или даже обостряя. И вотъ нерѣдко дремавшія до того страсти, гнѣвъ и вражда, смутно бродившіе въ массѣ, или совсѣмъ утихаютъ, прекращаются или же, напротивъ, вспыхиваютъ съ особенной силой, переходя въ открытую вражду, весьма часто оканчивающуюся большими и крупными взаимными побоищами и драками, въ результатъ которыхъ бывають увѣчья, а сплошь и рядомъ убійства. Вопросы религіозные, само-собою, въ этихъ проповѣдяхъ занимають одно изъ первыхъ мѣстъ. Случается, что какой-нибудь мулла позволить себѣ сдѣлать небольшое отступленіе отъ буквы корана, это уже служить достаточнымъ предлогомъ для какого-нибудь болѣе вліятельнаго ахуна произнести проповѣдь и, такимъ образомъ, въ глазахъ всѣхъ обличить легкомысленнаго собрата. А такъ какъ почти у каждого муллы есть свои послѣдователи и приверженцы, считающіе своего ахуна болѣе правымъ и болѣе авторитетнымъ въ толкованіи вѣроученія, то какъ между самими муллами, такъ и ихъ послѣдователями, возникаетъ партійная вражда на религіозной почвѣ, оканчивающаяся весьма часто между ними большими раздорами. Въ проповѣдяхъ же во время свадебныхъ обѣдовъ болѣею частію говорится о пожеланіяхъ счастливой семейной жизни молодымъ, чтобы ихъ семейная жизнь служила примѣромъ для другихъ и проч. и проч. Сдѣлавъ небольшое отступленіе, перейдемъ опять къ дальнѣйшему описанію свадьбы.

Отдавши поклоны всѣмъ, женихъ уѣзжаетъ изъ дома невѣсты къ себѣ домой, при чемъ провожатый его (пэй-ню-сю) ѣдетъ нѣсколько впереди, а за нимъ уже молодой, окруженный своими товарищами-сверстниками. Если же по дорогѣ встрѣтится какой-нибудь знакомый жениха, или же знакомый или родственникъ его пэй-ню-сю, то, по приказанію послѣдняго, женихъ сходитъ съ лошади и дѣлаетъ установленный поклонъ (чанъ-же), несмотря ни на какую погоду и грязь. Нѣкоторые въ этомъ случаѣ дѣлають поклоны всѣмъ лицамъ, которыя имъ встрѣтятся на улицѣ, безразлично, будутъ ли то знакомые жениха или его провожа-

таго, или же незнакомые ни тому, ни другому, это зависитъ отъ усмотрѣнія провожатаго, приказаніямъ котораго женихъ подчиняется въ данномъ случаѣ безпрекословно. Когда женихъ отдастъ поклонъ лицу, встрѣтившемуся на улицѣ, то вся сопровождающая его компанія останавливается, и ожидаетъ, пока онъ сдѣлаетъ требуемый обычаемъ этотъ знакъ вѣжливости, послѣ чего женихъ садится на лошадь, и всѣ въ томъ же порядкѣ продолжаютъ путь далѣе.

Обѣдъ въ домѣ невесты подходитъ къ концу. Со времени прибытія цюй-цинъ-ди невеста и ея мать почти не перестаютъ плакать, плачутъ все время. Плачъ этотъ надрываетъ душу. Чѣмъ ближе подходитъ минута разставанія, тѣмъ плачутъ сильнѣе и громче. Мать не отходитъ отъ дочери все время, она беретъ ее за руки, за плечи, прикладываетъ свои руки къ ея груди, къ ея сердцу, сама, горько плача, утѣшаетъ плачущую дочь, даетъ ей совѣты, наставленія, какъ жить въ новой семьѣ, какъ поступать и что дѣлать, чтобы ей тамъ лучше и легче жилось. Повидимому, всю свою душу, всю свою горькую житейскую опытность и знанія она въ это короткое время хочетъ вложить своей юной дочери, чтобы та не сдѣлала какихъ-либо крупныхъ промаховъ въ новой семьѣ. Какъ ласточка, выпуская изъ гнѣзда своихъ уже оперившихся и достаточно созрѣвшихъ, но еще совсѣмъ мало опытныхъ птенцовъ, учить ихъ летать, заботливо въ первое время исправляя каждый неосторожный шагъ, ими сдѣланный, и своимъ тревожнымъ крикомъ предупреждаетъ о всякой малѣйшей опасности, имъ грозящей, такъ и дунганка-мать, провожая свое дорогое, любимое дѣтище въ чужую семью, тоже молодое и неопытное, даетъ уроки и наставленія, какіе она считаетъ по своему разумѣнію наиболѣе подходящими, чтобы предохранить и избавить ее отъ укоровъ, нареканій и насмѣшекъ и въ то же время оградить и себя, потому что за всякую ошибку, сдѣланную ея дочерью, прежде всего будутъ обвинять ее, мать.

Мать, какъ и знакомые, обыкновенно плачутъ съ причитываніемъ. Характеръ плача грубый, вырываются по преимуществу гортанные звуки, почему плачъ выходитъ рѣзкій, какъ бы лающий и издали нѣсколько напоминаетъ ревъ дикихъ животныхъ.

Но вотъ обѣдъ кончился. Старшій мулла, или ахунъ, прочиталъ мслитву, по окончаніи которой изъ груди всѣхъ присутствующихъ

раздалось полугромко заключительное «алла геберъ» (великій боже), скорѣе, или правильнѣе сказать, какъ бы вырывающееся изъ гортани, и всѣ объѣдавшіе встали. Послѣ чего объѣдаютъ женщины, онѣ всегда объѣдаютъ отдѣльно отъ мужчинъ, нерѣдко объѣдаютъ одновременно, но въ такомъ случаѣ объѣдъ женщинамъ подаютъ въ комнаты, если ихъ не слишкомъ много, если же ихъ много, то для нихъ оттораживаютъ циновками или берданками отдѣльное мѣсто, обыкновенно рядомъ или вблизи съ мужчинами, и всякій желающій наблюдать своихъ красавицъ, можетъ вполне удовлетворить свое любопытство,—неудовольствія или претензій на это съ ихъ стороны замѣчать не приходилось. Съ женщинами объѣдаютъ обыкновенно дѣти и взрослые дѣвушки.

Вскорѣ послѣ объѣда одна изъ пріѣхавшихъ за невестою цюй-цинь-ди развязываетъ привезенный ею большой узелъ, въ которомъ находилось красное ватное одѣяло, бумажное или шелковое, это смотря по достатку,—въ иныхъ случаяхъ вмѣсто одѣяла бываетъ большой платокъ, такого же цвѣта,—и разостлавъ его на канѣ, усаживаетъ на это одѣяло или платокъ невесту и завертываетъ ее въ него, лицо же ея еще задолго до этого было завязано краснымъ платкомъ. Кто-нибудь изъ самыхъ близкихъ родныхъ, отецъ или братъ, если же нѣсколько братьевъ, то самый старшій изъ нихъ, беретъ невесту на руки, выноситъ ее и усаживаетъ въ приготовленную заранѣе, но обязательно присланную женихомъ телѣгу; лошади и телѣга бываютъ убраны красными лентами.

Лишь только цюй-цинь-ди начинаетъ развязывать узелъ съ одѣяломъ, чтобы завернуть въ него невесту, какъ въ домѣ и по всему двору поднимается усиленный громкій плачъ, который бываетъ слышенъ далеко вокругъ; всѣ присутствующіе также по большей части громко плачутъ. Мать, точно раненая въ самое сердце, отчаянно плачетъ и, крича и причитывая, бѣжитъ за уносямою дочерью; отецъ также громко и дико плачетъ, слезы у нихъ буквально бѣгутъ ручьями. Однимъ словомъ происходитъ крайне тяжелая, сильно бьющая по нервамъ, картина разгаванія. Насколько приходилось видѣть, большой ошибки не сдѣлаемъ, если скажемъ, что за отъѣзжающей невестой родные и знакомые плачутъ нисколько не менѣе, чѣмъ за покойникомъ.

Намъ удалось записать одно изъ тѣхъ наставленій, которыми

мать напутствуетъ свою дочь, когда она провожаетъ ее изъ своего дома въ новую семью; въ такихъ случаяхъ мать всегда провожаетъ до телѣги, пріѣхавшей отъ жениха за невѣстою. Наставленія эти характерны по своей простотѣ и безыскусственности, какъ и самая жизнь дунганки. Вотъ они: «Приказываю тебѣ, дочь моя, все дѣлай лучше и скорѣе, а не такъ, какъ въ своемъ домѣ, у своей матери. Мать и отецъ жалѣли тебя и не замѣчали твоихъ слабостей, не то будетъ тебѣ въ чужомъ домѣ. Поздно ложись спать и рано вставай. Старшимъ подчиняйся, слушайся ихъ и не груби имъ. По-утру все въ домѣ и во дворѣ убирай, чтобы была чистота вездѣ, а въ кухнѣ грѣй воду, тогда спроси у матери, какое готовить кушанье. Слушайся золовокъ, ихъ рѣчи уважай. Старайся шить и кроить, а не старайся имѣть ссоры. Будешь ссориться, тебя не будутъ уважать. Пойдешь брать муку, или крупу, бери осторожно и аккуратно, хотя и не увидятъ старшіе, ихъ тратить напрасно не слѣдуетъ, да и грѣхъ тебѣ будетъ даромъ тратить пищу. Станешь перемывать посуду, старайся не стучать ею одна о другую, а то расколешь, вамъ же будетъ убытокъ. Если мужъ съ кѣмъ-либо будетъ ссориться, зови его къ себѣ въ комнату и успокаивай; если семья вздумаетъ дѣлиться, то уговаривай, чтобы жить вмѣстѣ, а не раздѣляться. Если зять и его родные будутъ навѣщать меня, то, значить, мои труды и хлопоты не пропади о тебѣ понапрасну, и я не даромъ тебя вскормила и вырастила, если же они не будутъ провѣдывать и навѣщать меня, то, значить, ты вышла недостойной въ домъ мужа, и мнѣ будетъ горько и обидно»... Послѣднія слова мать договариваетъ, ухватившись за телѣгу, въ которую уже посадили дочь также плачущую, мать съ трудомъ отталкиваютъ отъ телѣги, дочь уѣзжаетъ въ домъ жениха, а мать возвращается къ себѣ домой и продолжаетъ плакать. Съ плачемъ и воемъ, какъ мы видѣли, проводили родные невѣсту...

Если невѣста бѣдная или не совсѣмъ богатая, то въ ту же телѣгу, въ которую она садится, вмѣстѣ съ нею складывается и отправляется и ея приданое, если же невѣста богатая, то приданое отправляется вскорѣ вслѣдъ за женихомъ, по выѣздѣ его изъ дома невѣсты; часто богатые таковое отправляютъ на нѣсколькихъ телѣгахъ. Приданое это обыкновенно состоитъ изъ различнаго платья, заготовленнаго родителями невѣсты и подарен-

наго женихомъ и его родственниками, а также серебряныхъ и золотыхъ украшеній, полученныхъ отъ родителей и жениха, различныхъ одѣялъ и головныхъ подушекъ, послѣднія обыкновенно бывають набиты рисовой соломой. Въ составъ приданого входятъ также мѣдные тазы, одинъ изъ коихъ, между прочимъ, предназначается для омовенія (post coitum), а также большой мѣдный чайникъ. Все дѣвичье платье невѣсты остается дома, его донашиваютъ меньшіе братья и сестры, или если они слишкомъ малы, то передѣлываютъ для нихъ. Теплыя и холодныя кофты большія и малыя, т.-е. короткія и длинныя, нѣсколько паръ шаповъ различнаго цвѣта, преимущественно синяго и краснаго, цвѣты для украшенія головы, мыло, бѣлила, различныя щетки, зубочистки и другіе предметы, которые мы перечисляли выше, все это входитъ въ составъ приданого. Приданое называется пэй-фанъ. Но привозится ли оно вмѣстѣ съ невѣстой, или же отправляется нѣсколько ранѣе, вслѣдъ за отъѣздомъ жениха изъ дома невѣсты, въ томъ и другомъ случаѣ оно устанавливается на канѣ въ извѣстномъ порядкѣ, въ комнатѣ, приготовленной для молодыхъ.

Мы оставили невѣсту, когда ее вынесли изъ родительскаго дома и усадили въ телѣгу, чтобы отвезти ее въ домъ жениха, займемся же опять сю и дальше. Невѣста садится, или правильно нѣе, ее сажаютъ спиною къ лошадамъ, а лицомъ взадъ телѣги, вмѣстѣ съ нею садится и ея провожатая шу-цинъ-ди-лао-по-цзы, которая находилась все время неотлучно при ней со вчерашняго дня, будучи приставлена къ ней ея родителями, а также съ невѣстой вмѣстѣ садятся и ея меньшіе братья и сестры, если таковыя имѣются, а за неимѣніемъ ихъ, ее сопровождаютъ ближайшіе ея маленькіе родственники, племянники, племянницы или же двоюродные братья и сестры. Впереди невѣсты на двухъ телѣгахъ, тоже убранныхъ красными лентами, ѣдутъ четыре молодыхъ женщины—цюй-цинъ-ди, здѣсь же съ ними находится и да-гай-ту-ди или шанъ-ту-ди. Эти лица будутъ со стороны жениха, они были посланы за невѣстой, чтобы ее сопровождать и привезти ее въ домъ къ нему. За этими двумя телѣгами ѣдетъ уже невѣста со своей провожатой (шу-цинъ-ди-лао-по-цзы) съ меньшими братьями и сестрами и приданымъ, если послѣдняго немного, о чемъ уже сказано выше. За телѣгой невѣсты ѣдутъ

еще двѣ телѣги, также убранныя красными лентами, въ которыхъ сидятъ четыре провожатыя со стороны невѣсты. Эти провожатыя называются сунъ-ной-ди (т.-е. провожающія дѣвицу). Послѣднія одѣты такъ же, какъ и цюй-цинъ-ди, т.-е. онѣ одѣваются, по возможности, въ лучшее платье, украшаютъ себя золотыми и серебряными различными уборами и наплечниками, и обязательно масса цвѣтовъ на головѣ. Въ каждой телѣгѣ сидятъ по двѣ сунъ-ной-ди. Порядокъ этого поѣзда, случается, бываетъ и иной, такъ: впереди всѣхъ ѣдетъ невѣста, а за нею уже ѣдутъ ея сунъ-ной-ди и цюй-цинъ-ди. Но, во всякомъ случаѣ, уже послѣ этого, такъ-сказать, должностного персонала, ѣдутъ остальные гости, кто верхомъ, а кто въ телѣгахъ. Въ послѣднихъ находятся мужчины, женщины и дѣти. Въ качествѣ гостей отправляются къ жениху и родственники невѣсты, кромѣ родителей ея, которые, согласно обычая, остаются дома.

Подѣхавъ къ воротамъ дома жениха, четыре провожавшія (сунъ-ной-ди) невѣсту и четыре ѣздившія за молодой, за родственницей (цюй-цинъ-ди) выходятъ изъ телѣгъ и отправляются въ домъ, гдѣ ихъ встрѣчаетъ мать жениха и ближайшія родственницы; ихъ съ почетомъ усаживаютъ на канъ и начинаютъ угощать. Остальные гости, сопровождавшіе невѣсту, также входятъ во дворъ, мужчины идутъ на предназначенную для нихъ половину, а женщины идутъ на женскую половину. По лишь только къ воротамъ дома жениха подѣхала телѣга съ невѣстой (кучеръ, везущій невѣсту, не доѣжая немного до дома, замедляетъ нарочно ѣзду), какъ эту телѣгу со всѣхъ сторонъ быстро окружаютъ молодые родственники невѣсты, поднимается большой шумъ, крикъ, всѣ они, въ томъ числѣ и сидящіе вмѣстѣ съ молодой ея меньшіе братья, сестры и другіе родственники, а также и кучеръ, везшій невѣсту,—всѣ они долго не выпускаютъ молодую, настойчиво и энергично требуя выкупа (си-фырь) деньгами и вещами отъ жениха и его родныхъ. Просьба требующихъ выкупа, по возможности, удовлетворяется скоро, но если кому-либо покажется, что онъ получилъ мало, то таковой настаиваетъ еще на прибавкѣ, что хотя и исполняется, но дѣлается уже не такъ охотно, и нерѣдко дается удовлетвореніе только послѣ довольно продолжительныхъ пререканій и препирательствъ, а иногда обѣ стороны такъ увлекаются, что пуска-

ють въ ходъ кулаки и хотя подѣ видомъ дружескихъ шуюкъ, но все же стараются усердно наградить другъ друга добрыми ударами. Маленькіе сестры и братья, слѣдуя примѣру взрослыхъ, также не удовлетворяются полученнымъ выкупомъ, и настойчиво кричатъ, выражая желаніе получить болѣе дорогую цѣну за свою сестру, но ихъ безъ всякой церемоніи вытаскиваютъ вонъ изъ телѣги, а если совсѣмъ маленькіе—то безъ церемоніи вытаскиваютъ. Мало удовлетворенный кучеръ, желая получить еще большее вознагражденіе за свою молодую пассажирку, которую онъ доставилъ благополучно, старается изо всѣхъ силъ около самыхъ воротъ разогнать лошадей, чтобы проѣхать мимо двора жениха и, такимъ образомъ, провезти невесту, но находящіеся тутъ родственники жениха, заблаговременно здѣсь для этого исключительно поставленные, быстро подхватываютъ подѣ уздцы лошадей, и крѣпко держатъ ихъ, а кучеру даютъ еще небольшое вознагражденіе или же отказываютъ, по въ томъ или другомъ случаѣ препирательство между ними и кучеромъ кончается тѣмъ, что послѣдняго стаскиваютъ съ телѣги, и, при общемъ хохотѣ присутствующей толпы, награждаютъ нѣсколькими ударами кнута по спинѣ или же кулаками въ шею. Послѣ того, какъ требованія всѣхъ болѣе или менѣе будутъ удовлетворены, изъ телѣги выходитъ сидѣвшая все время съ невестой ея провожатая (шу-цинъ-ди-лао-но-цзы) старуха, которой тутъ же дарятъ новый платокъ и нѣсколько денегъ за ея труды, что она сберегла невесту и благополучно ее доставила. И уже когда находящаяся вокругъ телѣги толпа достаточно пошумитъ и наѣдѣнится и нѣсколько успокоится, одинъ изъ родственниковъ невесты беретъ ее изъ телѣги на руки, непрежнему всю закутанную съ ногъ до головы въ красный платокъ и одѣяло, и вноситъ ее въ приготовленную для молодыхъ комнату. Тотчасъ же надъ дверями комнаты, въ которую внесена невеста, вывѣшивается занавѣска, которая у богатыхъ готовится изъ болѣе или менѣе дорогой матеріи, и вышита разноцвѣтными шелками, а у бѣдныхъ—изъ бумажной матеріи, или даже просто изъ маты синяго цвѣта; вышита она также разноцвѣтными нитками или гарусомъ. Занавѣска эта привозится изъ дома невесты и обязательно готовится ею самою. Случается и такъ, что занавѣска эта привѣшивается на двери нѣсколько ранѣе

прибытія невѣсты, а именно: она прикрѣпляется къ дверямъ въ то время, когда ранѣе прибываетъ ея приданое, которое привозится вслѣдъ за женихомъ послѣ его отбытія изъ дома невѣсты. Кромѣ этой занавѣски, на окно съ наружной стороны его привѣшивается красная или розовая бумажка, шириною въ три-четыре пальца, а длина ея дѣлается во всю длину окна или даже нѣсколько болѣе. Конецъ этой бумажки, обращенный книзу, дѣлается бахромчатымъ. Все это обозначаетъ, что здѣсь находится или будетъ находиться невѣста, и кромѣ того, по занавѣскѣ, вышитой самой невѣстой, присутствующіе судятъ, насколько она искусна въ вышиваніи и рукодѣльѣ, а послѣднее у дунганъ очень цѣнится.

Женихъ невѣсту у себя также не встрѣчаетъ, а онъ сидитъ гдѣ-нибудь въ отдѣльной комнатѣ и проводитъ время со своими товарищами въ играхъ и забавахъ.

Принесши невѣсту въ предназначенную для молодыхъ комнату, гдѣ находится уже немало гостей, ее и здѣсь усаживаютъ на канъ, она сейчасъ же поворачивается спиной къ окружающимъ, а лицомъ въ уголъ на западную сторону. Присутствующую на дворѣ толпу молодыхъ людей одолеваетъ любопытство взглянуть на невѣсту, почему они и толпятся около окна той комнаты, въ которой находится невѣста. Но такъ какъ черезъ рѣшетчатое окно, заклеенное хотя и тонкой бумагой, разглядѣть что-либо трудно, то, сгорая нетерпѣніемъ и любопытствомъ, сначала одинъ кто-либо изъ молодежи проткнетъ пальцемъ это окно, его примѣру слѣдуетъ другой, третій и т. д., и въ короткое время бумага, замѣнявшая въ окнѣ стекло, оказывается изорванной, и отъ нея остаются одни только мелкіе клѣтки да вышеупомянутая широкая лента красной бумаги, которую почему то не трогаютъ. Невѣста же, не обращая никакого вниманія на все вокругъ нея происходящее, сидитъ неподвижно, обратившись лицомъ въ уголъ, что объясняютъ будто бы смущеніемъ ея и стыдливостью.

Вскорѣ послѣ этого невѣстѣ открываютъ лицо, и провожатая ея начинаетъ чесать ей голову большимъ деревяннымъ гребешкомъ съ длинными рѣдкими зубцами. Вся прежняя ея прическа разбирается, на этотъ разъ старуха чешетъ ей голову особенно тщательно и долго. Причесывающая беретъ волосы сзади не-

большими пучками, нѣсколько разъ разглаживаетъ и расчесываетъ каждый пучокъ волосъ отдѣльно; затѣмъ скручиваетъ ихъ и обматываетъ черными нитками во всю ихъ длину, заворачиваетъ и придаетъ имъ форму, напоминающую нѣчто въ родѣ пѣтушинаго гребня, выдающагося кверху и выступающаго довольно высоко надъ задней частью шеи. Какъ говорилось выше, чтобы придать всей причeskѣ желательное направленіе и форму, причесывающая обильно смачиваетъ волосы невѣсты своими слюнями, отчего на холоду они замерзаютъ, и, въ заключеніе, чтобы волосы не распались, она укрѣпляетъ ихъ длинными шпильками или даже просто желѣзными проволоками, и такимъ образомъ при помощи всѣхъ вышеупомянутыхъ средствъ и стараній достигается необходимая и требуемая прическа, употребляемая замужними женщинами. Невѣста, совсѣмъ причесанная, сходитъ съ кана и идетъ въ противоположный уголъ этой же комнаты, гдѣ одна изъ ской-цинъ-ди сливаетъ ей на руки, изъ заранее приготовленнаго чайника или кунгана, а то и просто изъ обыкновеннаго нашего желѣзнаго или жестяного ковшъ, теплую воду. Невѣста умывается, при чемъ умываетъ себѣ лицо, руки, уши и шею спереди и сзади, и тщательно утирается поданнымъ ей чистымъ полотенцемъ, послѣ чего опять садится на канъ, обратившись также лицомъ въ уголъ. Одна изъ молодыхъ женщинъ подаетъ ей черезъ плечо бѣлила, которыя невѣста беретъ, не оборачиваясь, и начинаетъ сама бѣлиться, при чемъ она очень усердно, толстыми слоями, кладетъ бѣлила себѣ на лицо, также щедро обсыпаетъ ими свои уши, руки и шею спереди и сзади. Надобно сказать, что послѣ такой побѣлки, невѣста становится похожей на фарфоровую куклу. Затѣмъ ей подаютъ небольшое зеркало, она смотрится въ него, прихорашивается и, въ заключеніе, надѣваетъ на голову цвѣты. Окружающія женщины также снимаютъ съ себя цвѣты и обильно украшаютъ ими голову невѣсты. По наблюденіямъ другихъ, невѣсту будто бы раздѣваютъ и надѣваютъ другое болѣе лучшее и болѣе нарядное платье, которое выбираютъ изъ привезеннаго изъ дома приданаго. Быть можетъ, и такъ, но я, хотя и былъ нѣсколько разъ на свадьбахъ, этого обычая не видѣлъ.

По прибытіи невѣсты въ домъ жениха также вскорѣ и здѣсь подается обѣдъ, такъ-называемый, торжественный обѣдъ, передъ началомъ котораго читается коранъ собравшимся муллами, к-

торыхъ на этотъ разъ приглашается всегда много. По обыкновенію въ началѣ обѣда поются духовные стихи, говорится проповѣдь, и также дается вознагражденіе мулламъ и ахунамъ, хотя они и не успѣли еще окончить чтеніе положенной каждому части корана, и проч. и проч... Однимъ словомъ, порядокъ обѣда и характеръ его у дунганъ, несмотря на различные поводы, по которымъ онъ устраивается, бываетъ одинъ и тотъ же; разница, главнымъ образомъ, заключается въ количествѣ подаваемыхъ блюдъ. Мслодой и дома также не обѣдаетъ съ гостями, и сидитъ гдѣ-нибудь въ отдѣльной комнатѣ.

Послѣ обѣда, или даже въ концѣ его, невѣста уже съ открытымъ лицомъ выходитъ изъ своей сакли и становится у дверей ея. Невѣстѣ неизмѣнно сопутствуетъ, все еще неразлучающаяся съ ней, ея провожатая (шу-цинъ-ди-лао-по-цзы) и еще одна изъ четырехъ провожатыхъ (сунъ-нью-ди). Отойдя отъ дверей шага на два и обратившись лицомъ къ публикѣ, молодая дѣлаетъ поклонъ гостямъ такой: кулаки обѣихъ рукъ она складываетъ вмѣстѣ и, поднявъ ихъ до подбородка, опускаетъ ниже груди и въ слѣдъ затѣмъ кланяется. Поклонъ этотъ называется «бэй». Невѣста кланяется не каждому гостю въ отдѣльности, а столько разъ, сколько прикажетъ ея провожатая. Гости вслухъ выражаютъ свое мнѣніе о красотѣ невѣсты, величинѣ ея ноги, судягъ о ея нарядахъ и проч. Но сколько ни приходится видѣть, невѣста кланяется не болѣе трехъ разъ, послѣ чего ее уводятъ обратно въ саклю.

Мужчины послѣ обѣда, постоявъ и поболтавъ немного, расходятся по своимъ домамъ и, какъ ни въ чемъ не бывало, принимаются за свой повседневный трудъ. Такимъ образомъ, на свадьбу они тратятъ всего нѣсколько часовъ, не болѣе четырехъ, а то и менѣе, такъ какъ многіе приходятъ прямо къ обѣду. Того разгула, который наблюдается у насъ, нѣтъ и въ поминѣ: все тихо, спокойно, монотонно и однообразно. Дунгане дорожатъ временемъ и умѣютъ имъ пользоваться по-своему, съ выгодой. Обыкновенно послѣ мужчинъ обѣдаютъ женщины, иногда онѣ обѣдаютъ на тѣхъ же самыхъ мѣстахъ и имъ прислуживаютъ и подаютъ кушанья тѣ же самыя лица мужского пола, что подавали и мужчинамъ, для чего приговариваются болѣе молодые люди, а иногда прислуживаютъ и подростки — лѣтъ десяти — двѣнадцати.

Нѣкоторые намъ передавали, что по окончаніи обѣда ахуны, муллы и другіе пожилые почетные гости отправляются на женскую половину посмотреть неvěсту, быть-можетъ, и такъ, но мнѣ этого ниразу не приходилось видѣть.

Кончилась официальная часть свадьбы, все обошлось благополучно: даже краснорѣчиво сказанная проповѣдь однимъ изъ почетнѣйшихъ муллъ или ахуновъ и выслушанная внимательно присутствовавшими гостями прошла спокойно, не вызвавъ ни обостреній, ни ссоръ между прихожанами, и, долго не засиживаясь, всѣ понемногу расходятся, какъ уже выше упомянуто. Но едва только муллы, ахуны и другіе почетные гости успѣюгъ скрыться за воротами дома жениха, какъ молодежь, державшая себя до этого времени весьма спокойно и тихо, даетъ самый широкій просторъ и полную свободу своимъ дѣйствіямъ, и сразу, что-называется, подымается дымъ коромысломъ. Моментально эта, недавно еще тихая и спокойная, молодежь устраиваетъ въ домѣ жениха настоящій адъ, а именно: всѣ молодые люди, здѣсь находившіеся, которыхъ было немало, съ крикомъ и громкимъ смѣхомъ вдругъ врываются въ комнату неvěсты, и самымъ безцеремоннымъ образомъ требуютъ, чтобы молодая (красный платокъ, которымъ было закрыто все время ея лицо, снимается съ нея тотчасъ же, какъ только ей былъ отданъ женихомъ поклонъ) стала, обратившись къ нимъ лицомъ, и каждому изъ нихъ въ отдѣльности сдѣлала бы поклонъ («бэй»). Теперь всякій самый маленькій мальчуганъ кричитъ изо всей силы и повелительно требуетъ себѣ поклона, и если кому-либо изъ нихъ покажется одного поклона недостаточно, то онъ самымъ настойчивымъ образомъ, недопускающаго никакого возраженія, требуетъ, чтобы неvěста сдѣлала ему нѣсколько поклоновъ, что молодая и исполняетъ въ точности безпрекословно и безропотно. Въ комнатѣ стоитъ, трудно поддающійся описанію, шумъ, смѣхъ и крикъ. Шутки, не столько игривыя, сколько самыя грязныя, и остроты, самыя пошлыя, въ обилии сыплются молодежью на голову неvěсты, но больше всего достается старухамъ, которыя должны оставаться по обязанности подлѣ неvěсты, тогда какъ другія, болѣе молодыя женщины, обыкновенно спѣшатъ поскорѣе по-добру-по-здорову убраться изъ этой комнаты, такъ какъ очень хорошо знаютъ, что разыгравшіеся и расшумѣвшіеся молодые ребята не только не будутъ въ это

время стѣсняться присутствіемъ ихъ, какъ взрослыхъ, но такъ же одинаково не пощаждать и болѣе пожилыхъ, однимъ словомъ, всѣхъ, кто бы тутъ ни случился, за исключеніемъ, конечно, только муллъ и ахуновъ. Это въ своемъ родѣ праздникъ молодежи, они дожидаются каждаго такого случая съ нетерпѣніемъ, почему и даютъ себѣ здѣсь полную свободу и просторъ своимъ дѣйствіямъ: здѣсь имъ уже никто не мѣшаетъ. Такъ дѣлалось ихъ предками давно, и они такъ поступаютъ. Невѣста является въ данномъ случаѣ жалкой жертвой этой разгулявшейся толпы, жениха же, или теперь уже мужа ея, еще нѣтъ съ нею въ это время. Шумъ и крики доходятъ до крайнихъ предѣловъ, невѣста смущенная и вся раскраснѣвшаяся (даже обильно наложенныя бѣлила не помогаютъ въ этомъ случаѣ), знаетъ только одно, что ежеминутно, то-и-дѣло, молча кланяется. У нея уже голова кружится и въ глазахъ потемнѣло, а все болѣе расходившаяся молодежь попрежнему такъ настойчиво продолжаетъ требовать, чтобы она имъ дѣлала поклоны, и она терпѣливо повинуется, исполняя то, что ей приказываетъ эта черезчуръ шумящая и смѣющаяся толпа. Да она и ранѣе слышала, что этого избѣжать ей невозможно, что то же самое, когда-то, продѣлывалось надъ тѣми замужними, теперь уже почтенными, женщинами, которыя недавно, всего нѣсколько минутъ до этого, важно и чинно сидѣли здѣсь вмѣстѣ съ нею на канѣ, а также и надъ старухами, которыя и теперь еще находятся вмѣстѣ съ нею.

А толпа молодежи все больше и больше кричитъ и шумитъ и попрежнему настойчиво продолжаетъ требовать своего; невѣста уже сильно устала, и вотъ на защиту ея поднимаются присутствующія здѣсь старухи, заступаясь за невѣсту; онѣ начинаютъ уговаривать, молодыхъ людей, усовѣщевать, и даже пожурятъ ихъ. Но результатъ получается неожиданный и прямо противоположный, толпа, кажется, только и ждала этого вмѣшательства старухъ. Дружно, цѣлымъ хоромъ, расшумѣвшіеся ребята обрушиваются на старухъ, щедро посылая по ихъ адресу всевозможныя издѣвательства и насмѣшки, и всѣми возможными и извѣстными имъ средствами они потѣшаются надъ старухами, однимъ словомъ, пускаютъ въ ходъ по этой части всю свою находчивость и изобрѣтательность. Старухи выходятъ изъ себя и также ругаются и кричатъ, изъ кожи лѣзутъ вонъ, чтобы обуздать не въ

мѣру расходившихся молодыхъ ребятъ, но чѣмъ больше онѣ кричатъ и чѣмъ больше посылають ругани, тѣмъ дѣйствіе ея на нихъ получается совершенно обратное; наконецъ, взаимная перебранка между молодежью и старухами, имѣвшая сначала шуточный и безобидный характеръ, принимаетъ серьезный характеръ и кончается тѣмъ, что расходившіеся молодые люди, при всеобщемъ одобреніи и гомерическомъ хохотѣ, стаскивають ихъ съ кана и выталкивають на дворъ и даже выпроваживаютъ на улицу, что приводитъ старухъ въ страшную ярость и, взбѣшенныя, не щадя горла своего, онѣ до послѣдней степени безсильной злобы посылають на молодежь цѣлые потоки всевозможной отборной брани и ругательствъ, а ребята, натѣшившись и насмѣявшись надъ ними вдоволь (имъ только этого и нужно было), не обращаютъ уже на нихъ никакого вниманія.

Озлобленныя старухи, выпровоженныя съ такимъ триумфомъ, покричавъ и пошумѣвъ во дворѣ и на улицѣ во всю глотку, наконецъ, расходятся по своимъ домамъ, — а съ невѣстой остается одна безсмѣнная и неотлучно находящаяся ея провожатая (шу-цинъ-ди-лао-по-цзы), на которую уже цѣликомъ и обрушиваются насмѣшки, остроты и издѣвательства всей толпы молодыхъ людей. Почти всегда дѣло доходитъ до того, что шу-цинъ-ди-лао-по-цзы пускаетъ въ ходъ кулаки и награждаетъ особенно ей досадившихъ добрыми пинками, что вызываетъ только дружный хохотъ, а старуху приводитъ еще въ большую ярость и гнѣвъ, такъ что она, не разбирая, бьетъ ихъ чѣмъ ни попало. Благодаря такимъ условіямъ обязанность быть провожатой (шу-цинъ-ди-лао-по-цзы) всегда падаетъ на здоровую, бойкую и смѣлую старуху, которая одинаково умѣетъ какъ отшутиться и пустить въ ходъ крѣпкое бранное слово, такъ и дать какому-нибудь черезчуръ разгулявшемуся и зазнавшемуся молодому парню добраго пинка кулакомъ или первымъ попавшимся подъ руку предметомъ. Такъ какъ быть провожатой — обязанность далеко не легкая и не спокойная, то за этотъ трудъ всегда дается родителями какъ невѣсты, такъ и жениха хорошее вознагражденіе. Старухи слабыя, смиренныя не берутъ на себя этой обязанности, да такихъ никто и не приглашаетъ.

Молодые ребята, покричавъ, пошумѣвъ и натѣшившись вволю (не менѣе двухъ-трехъ часовъ), расходятся для того, чтобы

немного отдохнуть самимъ, а также дать небольшой отдыхъ и молодымъ. Невѣста въ этотъ промежутокъ времени снимаетъ съ себя свой свадебный и болѣе или менѣе дорогой нарядъ, а также и головныя украшенія, оставляетъ только одинъ или два цвѣтка на головѣ и надѣваетъ на себя хотя и новый, но простой и болѣе дешевый костюмъ; женихъ также снимаетъ съ себя нарядный халатъ и перевязи (хунъ), и оба они поддѣрпываются въ это время пищей.

Но молодые люди разошлись по своимъ домамъ лишь на короткое время. Какъ только начинается темнѣть и въ домахъ зажигаются огни, они дружною толпой вновь собираются въ домъ жениха, собираются на такъ-называемый ф а - с и - ф у р ь, къ описанію котораго мы теперь и перейдемъ.

Фа-си-фуръ, т.-е. игры, шутки и насмѣшки надъ молодой.

Какъ только начинается темнѣть, въ домъ жениха приходитъ мулла или ахунъ, заранѣе приглашенный родителями молодого и въ приходѣ котораго они состоятъ. Мулла и на этотъ разъ является со своими учениками. Они также садятся за приготовленные столики и поютъ молитвы и различные стихи изъ корана, поютъ нѣсколько разъ съ небольшими остановками, а въ промежуткахъ хозяинъ дома угощаетъ ихъ чаемъ съ печеньемъ и сушеными фруктами. По окончаніи пѣнія мулла, а съ нимъ вмѣстѣ и присутствующіе, читаютъ про себя дуваръ (молитву). Послѣ чего мулла говоритъ небольшую проповѣдь, въ которой даетъ наставленія, какъ надобно жить молодымъ и прочимъ членамъ семьи, и, пожелавъ затѣмъ новобрачнымъ счастливой благополучной супружеской жизни, уходитъ со своими учениками. И на этотъ разъ ему даютъ небольшое вознагражденіе.

По уходѣ мุลлы, уже собравшіеся во дворѣ молодые люди, гарни, приблизительно одинаковыхъ лѣтъ съ женихомъ, и его бывшіе товарищи (холостые) всѣ, находясь еще подъ впечатлѣніемъ предыдущаго веселья, шумно и со смѣхомъ врываются въ комнату молодыхъ. Комната эта теперь щедро освѣщается свѣчами и небольшими разноцвѣтными фонарями. Молодая все еще продолжаетъ сидѣть со своей провожатой (шу-цинъ-ди-лао-по-цзы) на канѣ. По требованію толпы, молодая сходитъ съ капа и

становится въ свободномъ углу, обратившись лицомъ къ толпѣ; съ одной ея стороны ставятъ провожатую, а съ другой — молодого, такимъ образомъ молодуха оказывается въ срединѣ между своей провожатой и своимъ мужемъ. Иногда порядокъ этотъ бываетъ и иной, — молодой ставится съ самаго начала вдали отъ своей жены въ одномъ изъ угловъ комнаты, а молодуха со своей провожатой на противоположномъ концѣ или посрединѣ комнаты.

Такъ или иначе установлены молодые, и начинается игра фа-си-фуръ, которая состоитъ въ слѣдующемъ: кто-либо изъ толпы, окружающей молодыхъ, произноситъ грязную, циничную фразу, первую половину которой заставляютъ произносить молодого, а вторую половину, и притомъ нерѣдко еще болѣе грязную и еще болѣе циничную, заставляютъ договаривать молодую. Молодой, ранѣе до этого и самъ не разъ участвовавшій въ такихъ играхъ, не заставляетъ себя долго уговаривать и скоро произносить то, что отъ него требуютъ, но молодая, понятое дѣло, стыдится, краснѣетъ, особенно на первыхъ порахъ и, опустивъ глаза книзу, молча, стоитъ и не отвѣчаетъ. Когда не получается отъ молодой долго отвѣта и чтобы побудить ее дать поскорѣе таковой, на молодого изъ толпы начинаютъ сыпаться въ обиліи удары, безъ разбора, куда бы они ни попали: наносятъ удары по головѣ, по спинѣ, по бокамъ, куда кто попадетъ, хотя это дѣлается и въ шутку, но въ общемъ бьютъ весьма чувствительно и бьютъ до тѣхъ поръ, пока испуганная молодая не рѣшится, наконецъ, произнести непріятное ей выраженіе и тѣмъ избавить своего благовѣрнаго отъ чувствительныхъ и напрасныхъ ударовъ. Кромѣ того, въ то же время удары и щипки сыплются также и на провожатую, отъ которой требуютъ, чтобы она заставляла поскорѣе говорить молодуху то, что ей приказываетъ толпа. Толпа эта въ настоящее время ведетъ себя крайне безцеремонно и довольно буйно, она нисколько не стѣсняется ни присутствіемъ молоденькой женщины, только что вышедшей замужъ и, быть-можетъ, еще дѣвочки (что въ большинствѣ случаевъ и бываетъ), ни присутствіемъ почтенной и уже солидныхъ лѣтъ старухи, — несмотря на все это, самыя циничныя и отборныя выраженія слышатся безпрестанно, одно другого грязнѣе, и каждое такое выраженіе толпа встрѣчаетъ единодушнымъ одобре-

ніемъ и дружнымъ смѣхомъ всѣхъ присутствующихъ, каждый по этой части старается отличиться другъ передъ другомъ и показать свою находчивость, изобрѣтательность, почти всегда въ этой толпѣ находятся и небольшія дѣти — подростки, но на нихъ равно не обращаютъ никакого вниманія и присутствіемъ ихъ положительно никто не стѣсняется: ближе будетъ къ дѣйствительности, если скажемъ, что присутствующія дѣти скорѣе также принимаютъ участіе въ этихъ играхъ, изъ ихъ устъ то и-дѣло также слышится повтореніе тѣхъ же выраженій, которыя говорятъ взрослые. Толпа эта, кричащая и смѣющаяся, остается одинаково строгой и требовательной въ своихъ желаніяхъ и, издѣваясь, потѣшается надъ своими злополучными жертвами еще болѣе, чѣмъ два-три часа тому назадъ, когда она требовала себѣ только одного поклона отъ невѣсты. Теперь эта толпа ведетъ себя еще разнузданнѣе и безшабашнѣе, она даетъ своему языку самый широкій просторъ и волю, а родители жениха и нѣкоторые родные, сидя въ сосѣдней комнатѣ, хотя и слышать все это ясно и отчетливо, но терпѣливо, молча, все переносятъ, такъ какъ, въ силу укоренившагося обычая, ничего не могутъ сдѣлать, чтобы хотя немного остановить расходившихся молодыхъ парней, да они объ этомъ и не думаютъ. Чѣмъ богаче свадьба и чѣмъ вліятельнѣе родители молодыхъ, тѣмъ фа-си-фуръ бываетъ многлюднѣе и проходитъ шумнѣе, веселѣе, игривѣе и циничнѣе. О женихѣ и говорить нечего. Онъ всѣ достаемыя на его долю, колотушки и пинки, по большей части весьма чувствительные, переноситъ терпѣливо, молча, такъ какъ онъ хорошо знаетъ, что ему въ данномъ случаѣ ничего не подѣлать, онъ въ это время весь во власти этой толпы, которая надъ нимъ и его невѣстой въ данное время деспотически потѣшается. Провожатая старуха всѣми силами начинаетъ протестовать противъ разгулявшихся, не въ мѣру расходившихся молодыхъ ребятъ, она и на этотъ разъ не щадитъ своего горла, кричить и ругается изо всей силы, но все это тоже нисколько не помогаетъ, а напротивъ, за всякій ея протестъ ей стараются еще болѣе насолить и еще злѣе отплатить, и этимъ бѣдную старуху доводятъ до полного бѣшенства и ярости. Помимо того, что она переноситъ побои и насмѣшки, ей еще кто-нибудь изъ толпы вымажетъ лицо сажей, а кто-нибудь накинеть на нее рванный и грязный

хомутъ, кто вытретъ ей лицо и носъ грязной тряпкой, а кто старается засунуть за воротникъ обломанный грязный же вѣникъ, однимъ словомъ, всякій старается что-нибудь выдумать, изобрѣсти такое, что старуху только бѣситъ, а толпѣ доставляетъ удовольствіе и смѣхъ. Въ большинствѣ случаевъ молодая изъ состраданія къ своему мужу и изъ сожалѣнія къ своей провожатой вынуждена бываетъ хотя шопотомъ произнести ненавистное и противное ей выраженіе, тогда поднимается одобрительный смѣхъ, хохоть и шумъ всей толпы, всѣ тогда выхваляютъ бойкую молодую, а на старуху попрежнему сыплются остроты и насмѣшки. Кто-нибудь изъ толпы восхваляетъ красоту и прелести молодой, а другой, рядомъ стоящій парень мимикой и пантомимами выражаетъ безобразіе старухи, копируетъ ее лицо и походку, все представляя въ смѣшномъ видѣ, все это приводитъ старуху еще въ большую ярость и бѣшенство.

Но толпа все болѣе и болѣе воодушевляется и входитъ въ азартъ, настойчиво требуя отъ молодой, чтобы она громко и отчетливо, чтобы всѣ слышали, произносила самыя грязныя и циничныя выраженія, у нея на глазахъ стоятъ слезы, она проситъ пожалѣть ее, избавить отъ столь тяжелаго и крайне непріятнаго для нея требованія, но просьба ея не принимается во вниманіе, мужу и старухѣ то-и-дѣло наносятся частые и нерѣдко весьма тяжеловѣсные удары и побои, и молодая съ большимъ трудомъ, пересиливая себя, по необходимости произносить то, что ей приказываетъ толпа. Получивъ отвѣтъ, толпа раздражается дружнымъ гомерическимъ хохотомъ, далеко разносящимся въ ночной тишинѣ, а надъ старухой какой-нибудь находчивый парень опять выкинулъ какую-нибудь злую, потѣшную штуку, и смѣхъ еще болѣе усилился. Но вотъ изъ толпы напелся одинъ, который предъявилъ необыкновенное требованіе, до того оно грязно и цинично, что дальше уже итти некуда. Молодой, чисто механически, не отдавая себѣ отчета отъ множества полученныхъ имъ толчковъ и ударовъ, произнесъ скоро и внятно то, что отъ него требовалось. Теперь дѣло за молодой... она не рѣшается, колеблется, просто не можетъ... на лицѣ ея слезы и отчаяніе, но разгулявшаяся и вошедшая въ азартъ толпа остается безпощадной, на положеніе молодой не обращаетъ ровно никакого вниманія, а напротивъ, издѣвается и потѣшается все больше

и больше, но пока молодая собирается съ силами, на мужа ея со всѣхъ сторонъ щедрою рукою то-и-дѣло сыплются удары да удары, которые съ каждымъ разомъ дѣлаются все больнѣе и чувствительнѣе, и каждый такой ударъ тяжело и больно отзывается въ ея сердцѣ. Не только въ глазахъ толпы, но и сама молодая считаетъ себя невольной виновницей такого большого количества ударовъ, получаемыхъ ея мужемъ, почему наконецъ превозмогши себя, она съ громкимъ плачемъ и дикимъ воплемъ произноситъ ненавистное ей выраженіе. Толпа, какъ бы пораженная, на мгновеніе затихла и замерла, но только на мгновеніе, раздался вдругъ громкій торжествующій смѣхъ и ликование всей этой толпы. Дальше этого уже идти некуда. Но, конечно, это бываетъ не на каждомъ фа-си-фуръ.

Мы приведемъ здѣсь нѣсколько діалоговъ, происходящихъ между мужемъ и женой въ присутствіи означенной толпы; между этими діалогами часто нѣтъ никакой логической связи, но они на фа-си-фур'ахъ получили широкое распространеніе, почему и являются обычными. Молодой обыкновенно задаетъ вопросъ или спрашиваетъ, молодая отвѣчаетъ своему мужу. Все зависигъ нерѣдко отъ умѣнія мужа поставить или задать вопросъ, но также много зависитъ отъ смѣлости и находчивости молодой дать удачные отвѣты на поставленные вопросы, если только она не растеряется въ самомъ началѣ вечера, что, конечно, случается весьма часто.

Молодой спрашиваетъ:

- Хунъ ла-цзы лю баръ
У краснаго нерца — зеленый
стебель. —
- Канъ бянъ-ди
- Канъ низокъ. (Подъ каномъ
будто бы въ данномъ случаѣ
подразумѣваются половые ор-
ганы молодой).
- Цзѣ-кай хунъ любн
Открой одѣяло.
- Цюй-ха-ди нюй-цзы синъ
чжанъ.

Молодая отвѣчаетъ:

- Ту минъ янъ иче суй варъ.
До разсвѣта рожу малень-
каго ребенка.
- Шанъ канъ бу чу ми.
Подняться на канъ можно
безъ труда.
- Гунъ цзи ня му-цзи.
Пѣтушокъ топчетъ курочку
подъ одѣяломъ. —
- Мэй мэй ха канъ цзинъ-чу-
фанъ.

- Фамилія вышедшей за меня
дѣвушка—Чжанъ.
— Лай цзинъ куай цзу фанъ.
Поскорѣй дѣлай обѣдъ (подъ
обѣдомъ подразумѣвается про-
цессъ совокупленія).
— Цянъ шанъ и до хуа.
На стѣнѣ цвѣтокъ.
— Пи пиръ цзай лянге чы.
Корочку хлѣба мы двое
съѣдимъ.
— Шу-та-о-би. Хлѣбецъ
шутао плосковатъ (ма-
ленькій; подъ хлѣбцемъ шутао
подразумѣваются груди жен-
скія).
Младшая сестра твоя, сой-
дя съ кана, пошла на кухню
— Мэй мэй ѣ-бу янъ.
Младшая сестра твоя не
замѣшкается.
— Хуа би чженъ момода.
Цвѣтокъ больше хлѣба
чженъ.
— Жанъ-жанъ вэй цзай ди ва-
Амякишомъ.
Покормимъ нашихъ дѣтокъ.
— Мянъ-мо-ци.
Тѣсто не скисло, т.-е. гру-
ди малы потому, что она еще
не имѣла ничего такого (coi-
tus), отчего онѣ обыкновенно
увеличиваются.

При чемъ молодой лѣзетъ за пазуху и ощупываетъ груди своей жены, изъ чего онъ можетъ заключить «честная ли она», кромѣ того запускаетъ свою руку черезъ широкій рукавъ ея кофты и доходитъ до подмышки и нюхаетъ не пахнетъ ли потомъ, на основаніи чего онъ судить о ея чистоплотности. Игры, которыя наиболѣе часто употребляются во время фа-си-фуръ, суть слѣдующія:

Да-цянъ, т.-е. стрѣлять изъ ружья.

Молодую садятъ на табуретку или на скамейку, а молодой помѣщается противъ нея на полу, при чемъ беретъ ея ногу и, прицѣливаясь какъ бы изъ ружья, говоритъ:

- Цы!.. Молодая отвѣчаетъ:
Звукъ вспыхнувшего пороха — Ба-о
на затравкѣ. Звукъ безъ выстрѣла.
— Да-дву лѣ мою? — Да-дву-лѣ.
Убилъ или нѣтъ? Убилъ.
— Да-дву лѣ са? — Да-легэ я-цзы.
Кого убилъ? Убилъ утку.
— Гунъ-ди-ма муди? — Му-ди.
Селезня или утку? Утку.

Молодой, держа въ своихъ рукахъ ногу жены своей, ощупываетъ ее всю и такимъ образомъ узнаетъ о ея величинѣ. Нѣкоторыя красавицы, съ цѣлю хотя въ первое время произвести болѣе выгодное и пріятное о себѣ впечатлѣніе, прибѣгаютъ къ небольшому обману, а именно: чтобы ножка казалась маленькой, онѣ подкладываютъ подъ пятку деревяшку и всю стопу подтягиваютъ къ нижней части икры.

Чы-гуа-мянъ, т.-е. псть лапшу.

Молодыхъ садятъ на разстояніи четырехъ-пяти аршинъ другъ отъ друга, одинъ конецъ длинной нитки беретъ въ ротъ молодой, а другой—молодая, и оба постепенно ее втягиваютъ обѣ въ ротъ, и, забирая нитку каждый себѣ все болѣе въ ротъ, они, постепенно приближаясь, поворачиваются лицомъ другъ къ другу, нитку же молодые до тѣхъ поръ втягиваютъ себѣ въ ротъ, пока губы ихъ не сойдутся вмѣстѣ, при чемъ молодой цѣлуетъ свою жену и узнаетъ, не пахнетъ ли у нея изо рта. Присутствующая же публика смѣется и спрашиваетъ, вкусна ли лапша.

Чже-хуа, т.-е. рвать цветы.

Кто-нибудь изъ молодежи втыкаетъ въ стѣну цвѣтокъ, и втыкаетъ настолько высоко, что молодая сама, безъ посторонней помощи, не можетъ его достать.

Молодой говорить:

— Цзянъ-шанъ игѣ хуа
На стѣнѣ цвѣтокъ одинъ.

Молодая отвѣчаетъ:

— Мэй мэй сянь дэй та; ли бу
ляо: геге ча и ха.

Младшая твоя сестра думаетъ приколоть его себѣ на голову, но не можетъ достать.

Старшій братецъ подними
меня.

Молодой беретъ свою жену на руки и поднимаетъ ее настолько высоко, чтобы она могла достать воткнутый въ стѣну цвѣтокъ. Случается, что женихъ малъ ростомъ, а цвѣтокъ постарается нарочно воткнуть настолько высоко, что молодая хотя

сидить на рукахъ своего мужа, но не можетъ достать цвѣтка, тогда опять на него скупаются удары и побои. Молодая въ это время и конфузится, и ей жаль своего мужа, въ такихъ случаяхъ на помощь приходитъ провожатая, которая помогаетъ молодому поднять повыше его невесту, и послѣдняя кое-какъ срываетъ цвѣтокъ. Но, за небольшими исключеніями, играющая молодежь почти никогда не допускаетъ, чтобы провожатая помогала молодому, а непремѣнно требуетъ, чтобы онъ самъ поднялъ свою жену и помогъ ей сорвать цвѣтокъ, и молодой находится въ такихъ случаяхъ довольно долгое время въ затруднительномъ положеніи, надъ нимъ зло подсмѣиваются и подшучиваютъ, да и больно бьютъ его, пока, наконецъ, молодуха какъ-нибудь не изловчится сорвать цвѣтокъ. Много также бываетъ смѣху и достается колотушекъ молодому, если онъ окажется малосильнымъ между прочимъ, даже и по молодости лѣтъ, почему и не можетъ еще поднять свою и нерѣдко еще также юную жену. Во всѣхъ такихъ случаяхъ, или когда женихъ бываетъ хромой или калѣка, ему помогаетъ провожатая старуха (шу-цинъ-ди-лао-по-цзы). Этимъ почти всегда оканчивается игра фа-си-фуръ. Еще разъ упоминаемъ, что мы привели самую ничтожную часть выраженій, которыя говорятся во время фа-си-фуръ, такъ какъ большая часть ихъ до того грязны и циничны, что приводитъ ихъ рѣшительно нѣтъ никакой возможности. Точно также мы привели здѣсь наиболѣе употребительныя и пользующіяся любовью игры у дунганъ, которыми они занимаются во время фа-си-фуръ.

Фа-си-фуръ продолжается до тѣхъ поръ, пока всѣ молодые люди не устанутъ, или, вѣрнѣе говоря, пока всѣмъ не надоѣстъ играть. Насмѣявшись доупаду, натѣшившись вволю надъ женихомъ и невестой и поиздѣвавшись елико возможно надъ провожатой старухой, молодые люди, и сами очень уставшіе ютъ черезчуръ возбужденно-проведенной ночи, расходятся по домамъ. Иногда фа-си-фуръ продолжается всю ночь и кончается лишь съ восходомъ солнца. Какъ намъ говорили, фа-си-фуръ иногда служить для нѣкоторыхъ благовиднымъ предлогомъ, чтобы отомстить жениху за старую обиду или оскорбленіе, и послѣдній среди прочихъ ударовъ эти удары особенно чувствуетъ на себѣ, — но даже и помимо этого, жениху и провожатой старухѣ достается

слишкомъ много. Передаютъ, что молодого во время фа-си-фуръ иногда до такой степени избиваютъ (и все это подъ видомъ шутки!!) что въ первую брачную ночь онъ бываетъ не въ силахъ совершить coitus со своей молодой женой,—бока сильно помяты, на тѣлѣ что-называется, нѣтъ нигдѣ живого мѣста, голова трещитъ и плохо соображаетъ отъ полученныхъ побоевъ, въ ушахъ стоитъ шумъ, на лицѣ и на другихъ частяхъ тѣла синяки, онъ еле передвигаетъ ноги, и въ такомъ видѣ онъ представляетъ изъ себя не властнаго и побѣдоноснаго мужа, а жалкую и порой смѣшную фигуру.

По уходѣ забавлявшихся почти всю ночь взрослыхъ парней и ребятъ въ комнату новобрачныхъ являются молодыя замужнія женщины, и притомъ самыя близкія родственницы со стороны жениха, и которыя оставались все время въ его домѣ и сидѣли въ сосѣдней комнатѣ, услаждая себя чаемъ съ домашнимъ печеньемъ и неизбѣжными сушеными фруктами. Эти женщины терпѣливо дожидались, пока кончится фа-си-фуръ, инны успѣли и заснуть, развалившись тутъ же на канѣ. Какъ самыя близкія родственницы, онѣ въ теченіе нѣсколькихъ дней принимали самое дѣятельное участіе въ приготовленіяхъ къ свадьбѣ, почему большой шумъ и гамъ, происходившій въ сосѣдней комнатѣ во время бурнаго и безшабашнаго фа-си-фуръ, нисколько имъ не помѣшалъ заснуть. Означенныя родственницы ведутъ молодыхъ спать въ особо приготовленную для нихъ комнату, или же устриваютъ имъ постель въ той же самой комнатѣ, въ которой только-что кончился фа-си-фуръ. На канѣ также ставятъ столикъ, на которомъ для молодыхъ приготовленъ чай съ фруктами, дешевыми сладостями и домашнимъ печеньемъ, и всего этого ставится вдоволь.

Оставшись вдвоемъ съ мужемъ, молодая наливаетъ чай мужу и себѣ. За чаемъ молодой, какъ передавали мнѣ, спрашиваетъ молодую, «желала ли она выйти за него замужъ», или «по добровольному ли желанію она вышла за него замужъ». Какъ извѣстно, до этого они никогда близко не встрѣчались и видѣть другъ друга такъ близко, какъ теперь, имъ еще не приходилось, почему въ данную минуту, представъ другъ передъ другомъ, они оказываются интересными незнакомцами; они стѣсняются одинъ другого; но молодая, понятное дѣло, смо-

трить въ это время на своего мужа не столько съ любопытствомъ, сколько испуганно, и сильно волеяясь и смущаясь, даетъ утвердительный отвѣтъ. Молодой женѣ на первыхъ же порахъ предстоитъ завоевать себѣ расположеніе мужа, и въ этомъ направленіи она получила соотвѣтствующія наставленія отъ своей матери и отъ своихъ молодыхъ родственницъ, недавно вышедшихъ замужъ,—и здѣсь, въ данную минуту, при свѣтѣ каганца не обходится безъ кокетства! На вышеприведенный вопросъ мужа дать отрицательный отвѣтъ молодой и въ голову не приходитъ—въ противномъ случаѣ это значило бы превратить только что начинающуюся свою семейную жизнь, что-называется, въ адъ кромѣшный, и молодая отвѣчаетъ утвердительно. Получивъ пріятный для своего самолюбія отвѣтъ, молодой даетъ своей женѣ пять рублей или болѣе, это смотря по состоянію: деньги эти называются цзянь-мянь-ди-цянъ, т.-е. «деньги за то, что увидѣлъ лицо ея».

Напившись чаю, закусивъ и обмѣнявшись нѣсколькими незначущими вопросами, молодая, здѣсь же на канѣ, стелетъ постель и раздѣваетъ мужа, снимаетъ съ него только чулки и халатъ и раздѣвается сама. Комната всю ночь освѣщается каганцемъ, фитилемъ для котораго на этотъ разъ служить красный шнурокъ, и именно тотъ, который молодая вылетала въ свою дѣвичью косу. Одни мнѣ этотъ обычай такъ объясняли: въ эту ночь навсегда оканчивается (сгораетъ, уничтожается) дѣвичество (дѣвственность) молодой, почему долженъ сгорѣть и шнурокъ, который она, будучи дѣвушкой, вылетала въ свою косу, или со сгораніемъ дѣвичьяго шнура должна одновременно сгорѣть или сгораетъ и дѣвственность молодой,—а другіе такъ мнѣ объясняли: шнурокъ этотъ въ первую ночь супружеской жизни горитъ болѣе ярко нежели другіе шнуры, почему и желаютъ, чтобы супружеская жизнь новобрачныхъ горѣла всегда такъ же ярко, т.-е. протекала бы счастливо и благополучно, какъ ярко горитъ этотъ шнурокъ въ первую ночь ¹⁾. Незамѣтно для молодого, молодая подстилаетъ (главнымъ образомъ, подъ себя) большой бѣлый платокъ или кусокъ бѣлой матеріи, который послѣ перваго coitus'a она прячетъ, чтобы

¹⁾ Но этотъ обычай не всѣми дунганями соблюдается, причины этого указать не могу.

таковой при первой встрѣчѣ передать своей матери. Когда молодые улягутся спать, у дверей ихъ подслушиваетъ жена старшаго брата молодого, если таковая имѣется, или одна изъ родственниковъ его, но лѣтами непременно должна быть старше молодого, и о результатѣ подслушиванья передаетъ съ разными подробностями и добавленіями матери молодого. Другіе родственники, а тѣмъ болѣе знакомые, отнюдь объ этомъ не должны знать, такъ какъ это считается большимъ стыдомъ. Когда найдутъ, что молодые достаточно выпалились, то, по возможности, рано утромъ старшая невѣстка или же одна изъ старшихъ родственниковъ стучомъ въ двери будить молодыхъ и, получивъ въ пріотворенныя двери нѣсколько денегъ отъ молодой, (каковыя деньги на этотъ случай даются матерью ея), подаетъ имъ тазъ и теплую воду для омовенія послѣ coitus'a, каковое омовеніе и совершаетъ молодая въ присутствіи своего мужа. Молодые одѣваются и выходятъ въ другую комнату, пока будутъ убирать ту, въ которой они провели ночь, и выносятъ тазъ съ водой,—тазъ этотъ закрывается въ такихъ случаяхъ краснымъ платкомъ или просто краснымъ кумачомъ... Когда комната будетъ убрана, молодые опять возвращаются туда же и ѣдятъ поданный имъ утренній завтракъ (цао-фань).

Послѣ завтрака молодой одинъ, въ сопровожденіи только своего пэй-ню-сю, ѣдетъ ко всѣмъ тѣмъ лицамъ (за исключеніемъ родителей невѣсты), которые сдѣлали ему и его женѣ подарки къ свадьбѣ, и дѣлаетъ имъ поклонъ (чанъ-же). Молодая также отдѣльно и въ сопровожденіи только одной изъ четырехъ цюй-цинъ-ди, одѣтая въ самый лучший нарядъ и убравъ по возможности голову различными золотыми или серебряными украшеніями и цвѣтами и нарумянивъ лицо свое, ѣдетъ дѣлать поклонъ (бэй), также всѣмъ тѣмъ, кто сдѣлалъ подарки ей и ея мужу.

Пока молодые дѣлаютъ, каждый отдѣльно, визиты и отвѣшиваютъ установленные поклоны, въ это время у нихъ на дому собираются исключительно ближайшіе родственники, для которыхъ готовится хорошій обѣдъ. На этотъ разъ родственники, и притомъ ближайшіе, для того приглашаются, чтобы ввести молодую въ кругъ всей своей родни. И на этотъ разъ каждый изъ приглашенныхъ даритъ молодой какой-либо, хотя неболь-

шой и нецѣнный, подарокъ, а именно: кто даритъ немного денегами, кто—матеріей бумажной или шелковой, кто—мотокъ шелковыхъ нитокъ и т. д. Также во время вышеупомянутаго посѣщенія молодою ей дѣлають подарки, но подарки эти беретъ не она сама, а неотступно при ней находящаяся и ее сопровождающая цюй-цинъ-ди и укладываетъ ихъ въ телѣгѣ, а уже дома она можетъ ими распорядиться, какъ хочетъ.

Черезъ три дня послѣ свадьбы, утромъ, свекровь редеть знакомить молодуху съ членами ея новой семьи—«женъ-да-сяю», т.-е. «знакомиться съ великими и малыми». Подводя молодую къ каждому члену своей семьи и обязательно по старшинству въ лѣтахъ, свекровь приказываетъ ей сдѣлать поклонъ (бэй), и въ это время говоритъ ей, какъ она должна называть такого члена семьи. «Это твой дѣдушка, ты такъ и называй его съ этого времени», это твой дядя, это твой старшій братъ, это тетка твоя, это старшая или младшая твоя сестра и т. д., пока не представить всѣхъ.

Познакомившись со всѣми находящимися въ домѣ родственниками, съ которыми съ этого времени обречено судьбой жить ей долгіе годы, и поговоривъ съ ними некоторое время, она идетъ въ свою комнату, (въ которой проводила первую брачную ночь) и наряжается въ лучшее платье, какое только ей сдѣлано женихомъ, и надѣваетъ на себя наиболѣе дорогія украшенія, имѣющіяся въ ея распоряженіи; точно также надѣваетъ на себя лучшія одежды и молодой, и, вмѣстѣ или порознь, они ѣдутъ къ тестю и ихъ родственникамъ на поклонъ. Молодыхъ сопровождаетъ: со стороны молодого—одинъ изъ его товарищей, по возможности ближайшихъ, который въ этомъ случаѣ называется пэй-кэй, т.-е. «сопровождающій гость», и со стороны молодой—одна изъ ея знакомыхъ, непременно молодая женщина, и которая также называется пэй-кэй. Если со стороны молодого сопровождающій его пэй-кэй не блещетъ нарядомъ, т.-е. его костюмъ мало чѣмъ отличается отъ обыкновеннаго будничнаго, то сопровождающая молодую пэй-кэй не упускаетъ случая блеснуть самыми лучшими и дорогими нарядами и украшениями, какіе только у нея имѣются: на головѣ обязательно масса искусственныхъ цвѣтовъ, нужно отдать дунганкамъ полную справедливость, искусно сдѣланныхъ ихъ руками.

Въ домѣ тестя еще наканунѣ идутъ дѣятельныя приготовленія, чтобы съ честью встрѣтить молодыхъ, убираютъ люкрасивѣе одну изъ комнатъ и готовятъ обѣдъ. Тесть со своими сыновьями и ближайшими родственниками встрѣчаетъ молодыхъ у воротъ дома. Женихъ, не доѣзжая пяти-шести шаговъ, слѣзаетъ съ лошади вмѣстѣ съ сопровождающимъ его пѣй-кѣй, и ихъ провожаютъ въ ограду двора. Одинъ изъ братьевъ, если таковой есть, или изъ ближайшихъ родственниковъ высаживаетъ молодую изъ телѣги и несетъ ее до воротъ двора. Молодой, войдя во дворъ, всѣмъ находящимся тамъ мужчинамъ, какъ родственникамъ, такъ и постороннимъ, хотя послѣднихъ бываетъ очень мало, дѣлаетъ поклоны (чанъ-же); поклоны дѣлаетъ по-старшинству. Отдавъ поклоны всѣмъ мужчинамъ, пѣй-кѣй подводитъ молодого къ той комнатѣ, въ которой находятся собравшіяся женщины, и, не входя туда, пѣй-кѣй спрашивается, сколько нужно молодому сдѣлать поклоновъ. Получивъ отвѣтъ, молодой одинъ входитъ въ комнату и дѣлаетъ столько поклоновъ, сколько было сказано. Въ большинствѣ случаевъ на женской половинѣ молодымъ отвѣшивается больше поклоновъ, такъ какъ которая-либо изъ женщинъ, желая подтрунить надъ молодымъ или чтобы разсмотрѣть его получше, называетъ число женщинъ, находящихся въ комнатѣ, гораздо больше, чѣмъ сколько ихъ на самомъ дѣлѣ въ комнатѣ, но число поклоновъ молодымъ безпрекословно отвѣшивается столько, сколько было сказано. Вслѣдъ за мужемъ кланяется молодая, прежде она также отвѣшиваетъ поклоны всѣмъ мужчинамъ во дворѣ, и затѣмъ входитъ на женскую половину по выходѣ оттуда мужа и учиняетъ поклоненіе всѣмъ женщинамъ. Въ это время присутствуетъ и мать молодой, которая съ понятнымъ безпечностью слѣдитъ за каждымъ движеніемъ и шагомъ своей дочки. Здѣсь молодая въ это именно время вручаетъ матери бѣлый платокъ, тотъ самый, который она подкладывала подъ себя въ первую брачную ночь и на которомъ имѣются слѣды перваго coitus'a. Мать показываетъ этотъ платокъ находящимся тутъ же женщинамъ, но только по выходѣ дочери въ другую комнату, — и присутствующіе убѣждаются такимъ образомъ, что молодая была дѣвственница; родственницы же жениха благодарятъ мать за то, что она воспитала свою дочь въ правилахъ доброй нрав-

ственности и сумѣла сохранить ее чистою. Но нѣкоторые мнѣ передавали, что показыванье платка не обязательно, а нѣкоторые и совсѣмъ будто бы не считаютъ нужнымъ показывать.

Молодого, по учиненіи и отданіи имъ поклоновъ всѣмъ присутствующимъ (не исключая и работниковъ, если таковые находятся въ домѣ тестя), вводятъ съ его пэй-кэй въ особо приготовленную комнату, гдѣ и угощаютъ ихъ. Въ этой комнатѣ находятся ближайшіе родственники невѣсты. Прежде всего подаютъ на тринадцать блюдечекъ (ши-сань-хуа дѣцзы, т.-е. тарелочки, изображающія тринадцать цвѣтковъ ¹⁾), фрукты, сахаръ, конфеты, печенье, послѣднее, кромѣ домашняго, иногда покупается и подается, главнымъ образомъ, нашего Сіу или Абрикосова, а затѣмъ уже чай. Тестъ, довольный и радостный, желая выказать свое вниманіе и расположеніе къ гостямъ, самъ разливаетъ чай, накладываетъ имъ сахаръ, раскалываетъ и лущитъ орѣхи, которые кладетъ вмѣстѣ съ другими сладостями на столъ передъ каждымъ гостемъ. Гости за такое вниманіе къ нимъ хозяина то-и-дѣло благодарятъ его. Во время этого угощенія настроеніе духа у присутствующихъ радостно-спокойное, между ними происходитъ мирная бесѣда, изъ груди хозяина нерѣдко вырывается облегченный вздохъ, что столь серьезное и важное дѣло пришло къ благополучному концу. Послѣ 2—3 чашекъ чаю все убирается и подаются пильмени (бѣшъ). Когда пильмени будутъ съѣдены, опять подаютъ чай, но на этотъ разъ уже безъ сладостей, только подается одинъ чай. Только послѣ этого, выпивъ чашку-двѣ чаю, молодой идетъ повидаться съ матерью своей жены, и видится съ нею онъ въ первый разъ. При этомъ свиданіи ни родственники ни посторонніе не присутствуютъ. Какъ передавали мнѣ, происходитъ трогательная сцена. Мать, со слезами на глазахъ, проситъ молодого любить ее дочь, быть къ ней снисходительнымъ, такъ какъ она еще не опытна въ хозяйствѣ, благодаря тому, что очень молода, проситъ ее учить и наставлять и прибавляетъ, что она будетъ покорной, любящей и трудолюбивой ему женой. Проситъ, чтобы

¹⁾ Или же я не полягъ, или мнѣ плохо объясняли, но только я не могъ выяснитъ себѣ значеніе этого обряда или обычая и что здѣсь означаетъ число „тринадцать цвѣтковъ.“

и родные его, по крайней мѣрѣ, на первое время, относились снисходительно къ промахамъ и недостаткамъ ея дочери и любили бы ее. Растроганный молодой все обѣщаетъ исполнить и ухаживать, оставляя мать одну, которая продолжаетъ плакать.

Послѣ свиданья съ матерью, молодой, въ сопровожденіи одного изъ родственниковъ тестя, ѣдетъ съ визитами по домамъ его родни. Каждому родственнику и знакомому тестя онъ, молодой, кланяется (чанъ-же), его угощаютъ фруктами и чаемъ, а нѣкоторые, кто побогаче, то и обѣдомъ. Хорошо, что дунганскіе обѣды не тяжеловѣсные, и каждого блюда подается очень понемногу, а то бы, безъ вреда для здоровья, невозможно было съѣсть въ одинъ день нѣсколько обѣдовъ подрядъ и притомъ каждый обѣдъ въ десять съ лишнимъ блюдъ!! А между тѣмъ оставшійся въ домѣ тестя провожатый молодого, пэй-кэй, ухаживать, куда ему вздумается, если знаетъ, что родни, которую долженъ обѣхать молодой, очень много, и пэй-кэй возвращается не за долго до того времени, когда, по его предположенію, долженъ возвратиться молодой.

Молодую, по отъѣздѣ ея мужа, оставшуюся въ домѣ своихъ родителей, вводятъ въ ту же самую комнату, въ которой только-что угощали молодого, и ее также здѣсь угощаютъ съ ея пэй-кэй и другими присутствующими здѣсь женщинами. Порядокъ угощенія молодой, число подаваемыхъ блюдъ и проч. и проч. вполне одинаковы и сходны съ тѣмъ самымъ, какой наблюдался только-что передъ этимъ во время угощенія молодого въ этой же самой комнатѣ. Послѣ угощенія молодая въ телѣгѣ отправляется на поклонъ къ своимъ родственникамъ.

По отданіи молодымъ поклоновъ всѣмъ, кому таковые слѣдуетъ отдать, онъ возвращается въ домъ тестя, и здѣсь молодого и его пэй-кэй опять угощаютъ обѣдомъ и также изъ тринадцати блюдъ; послѣ обѣда молодому подносятъ на подносѣ въ подарокъ одежду для него самого или для жены его; пэй-кэй принимаетъ одежду и благодаритъ за нее тестя, а молодой идетъ въ это время на женскую половину и учиняетъ поклонъ тещѣ и всѣмъ тѣмъ женщинамъ, которыя готовили обѣдъ. Поклономъ этимъ онъ благодаритъ за обѣдъ, который исключительно дѣлали для него и для жены его въ этотъ день, и за то, что такимъ хорошимъ угощеніемъ ему, со стороны ро-

дителей невесты, были оказаны большое вниманіе и честь, чѣмъ онъ глубоко тронутъ и за что очень имъ благодаренъ. Послѣ того молодой возвращается къ себѣ домой. Точно также такимъ же обѣдомъ угощаютъ и молодую, возвратившуюся послѣ отданія поклоновъ всѣмъ своимъ родственникамъ, и она уѣзжаетъ въ домъ мужа со своей пэй-кэй. И опять—происходитъ трогательное прощанье молодой со своимъ отцомъ и матерью и прочими членами своей семьи, трогательно молодая прощается со своими маленькими братьями и сестрами, сама общается не забывая ихъ и, въ свою очередь, проситъ, чтобы и они не забывали ее и также, какъ и прежде, любили бы ее и вспоминали бы о ней чаще. И на этотъ разъ слезъ проливается немало, но теперь уже плачь не такой тяжелый, какъ въ день свадьбы. Молодую провожаютъ за ворота дома, маленькіе братья и сестры бѣгутъ насколько возможно дальше за уѣзжающею сестрою и режутъ благимъ матомъ! Но не всегда бываетъ такъ...

Въ этотъ же день тестъ отправляетъ молодымъ тѣ чашки и ложки (палочки), изъ которыхъ и которыми они ѣли у него въ этотъ день. Посылается тринадцать чашекъ, столько же блюдецъ и столько же паръ ложекъ, (палочекъ) (куэй-цзы). Чашки дарятся только тогда, когда тестъ богатый или болѣе или менѣе состоятельный, бѣдные же не посылаютъ ихъ.

Дней черезъ 8—10, наконецъ, и родители молодыхъ, дотолѣ не видавшіеся и старавшіеся въ силу обычая даже не встрѣчаться, дѣлаютъ другъ другу визиты и обильно угощаются. Прежде дѣлаютъ визиты родители жениха отцу и матери невесты, а послѣдніе уже отплачиваютъ имъ.

Ровно черезъ мѣсяцъ со дня свадьбы, свекровь отправляетъ молодую погостить къ родителямъ ея. Тутъ молодая на этотъ разъ живетъ цѣлый мѣсяцъ. Въ теченіе этого времени молодой не посѣщаетъ ни жены своей ни родителей ея, какъ бы ему этого ни хотѣлось, во избѣжаніе насмѣшекъ надъ его слабостью. Родители же его ѣздятъ туда, когда это имъ вздумается. Молодая въ теченіе этого времени старается подучиться по хозяйству и особенно старается пополнить свои познанія по части кухни и т. д. Въ то же время она приготовляетъ всѣмъ домашнимъ мужа подарки—какъ-то: кому хай-цзы, кому наушники, кому чулки и мѣшочки для денегъ и т. д., подарки ва-

готовляетъ некрупные. По возвращеніи въ домъ мужа, она таковыя раздаетъ кому какой предназначила заранѣе. Съ этого времени молодая уже не можетъ оставлять домъ мужа своего ни на одну ночь. Только въ крайнихъ случаяхъ она можетъ поѣхать на нѣсколько дней къ своимъ родителямъ, когда кто-либо изъ нихъ или кто-либо изъ ея братьевъ и сестеръ тяжело заболѣетъ.

Черезъ годъ, или не ранѣе шести мѣсяцевъ, свекровь возить свою невѣстку по своимъ родственникамъ и знакомить ее съ ними. Это называется «женъ-цинъ», т.-е. знакомиться съ родственниками.

Къ вышеуказанному слѣдуетъ добавить, что младшая сестра не можетъ выйти замужъ прежде старшей; младшій братъ также не можетъ жениться прежде старшаго. Это ни въ какомъ случаѣ и ни подъ какимъ предлогомъ не можетъ быть нарушаемо; исключеній, будто бы, никакихъ не допускается, можетъ быть, и такъ—утверждать не берусь.

О выходѣ замужъ вдовъ и разводовъ.

Вдова можетъ и имѣетъ право выйти замужъ только по окончаніи траура, продолжительность котораго установлена у дунганъ для вдовъ въ сто тридцать дней со дня смерти мужа. Въ теченіе этого времени (т.-е. когда извѣстная женщина стала вдовою) люди небогатые, или же хотя и со средствами, но расчетливые, а также бѣдные молодые люди, не располагающіе достаточными средствами, или по какимъ-либо другимъ причинамъ не рассчитывающіе въ скоромъ времени взять въ замужество дѣвушку, лично дѣлаютъ самой вдовушкѣ предложеніе. Охотниковъ взять дешевую жену у дунганъ бываетъ постоянно много, почему претенденты одинъ передъ другимъ употребляютъ всѣ усилія и пускаютъ въ ходъ всю свою изобрѣтательность и находчивость, чтобы склонить интересующую ихъ вдовушку на свою сторону. Солидный претендентъ обѣщаетъ уплатить всѣ долги перваго ея мужа, если таковыя остались послѣ смерти послѣдняго; другой искатель старается склонить на свою сторону сердце вдовы щедрыми подарками и обѣщаетъ закупить побольше дорогихъ нарядовъ и цѣнныхъ украшеній, а бѣднякъ, по обыкновенію, пред-

лагаетъ только свое горячее сердце и даетъ увѣренія въ пылкой и неизмѣнной любви до конца дней своихъ. Каждое изъ этихъ предложеній заманчиво, особенно если вдова молоденькая, но положительный отвѣтъ все же рѣдко даетъ своимъ искателямъ, она колеблется и, не рѣшаясь сразу кому-либо отдать предпочтеніе, большею частію проситъ каждого дождаться окончанія срока траура, т.-е. установленныхъ для этого ста тридцати дней, послѣ чего судьба ея непременно должна очень скоро рѣшиться, что въ дѣйствительности такъ и бываетъ. Факты нерѣдко показываютъ, что, несмотря на свою, повидимому, полную самостоятельность, которой пользуются вдовы, она выходитъ замужъ часто противъ своего желанія, неожиданно даже для самой себя, такъ какъ столь лакомый призъ часто и неожиданно достается тому счастливцу, который изъ нихъ окажется искуснѣе или сильнѣе. Дѣлается это обыкновенно такъ: какой-либо искатель, не будучи увѣренъ въ томъ, что ему непременно отдастся вдовушка добровольно, заранѣе подговариваетъ чловѣкъ тридцать-сорокъ, а то и болѣе своихъ товарищей и добрыхъ знакомыхъ помочь ему силою взять намѣченную вдову. Охотниковъ до приключеній и сильныхъ ощущеній бываетъ всегда немало и среди дунганъ, да притомъ это одно изъ немногихъ и притомъ невинныхъ средствъ поразнообразить довольно монотонно протекающую жизнь. А такъ какъ подобное средство практикуется издавна и считается поэтому обычнымъ и нисколько не предосудительнымъ, то въ задуманномъ предпріятіи участвуютъ зачастую люди солидныхъ лѣтъ, съ установившимся хорошимъ общественнымъ положеніемъ и богатые. Понятное дѣло, что участвующею молодежью предварительно составляются проекты и обсуждаются всесторонне различные планы, предлагаемые каждымъ въ обиліи, чтобы по возможности предпріятіе удалось, чтобы не сдѣлаться послѣ поэмѣшницемъ въ глазахъ всей деревни. Какъ только кончается послѣдній день траура, то часто, лишь только смеркнется, вечеромъ того же стотридцатаго дня, извѣстная партія, заранѣе подговоренная, вооружившись дубинами и чѣмъ понало, но непременно верхомъ на лошадяхъ, по возможности незамѣтно, съ извѣстными предосторожностями, окружаетъ дворъ и домъ, въ которомъ живетъ вдова; смѣльчаки силою врываются въ него, берутъ вдову, нерѣдко противъ всякаго ея желанія и, нисколько

не обращая вниманія на ея протесты и крики, тащатъ въ домъ искателя ея руки или претендента, который тутъ же участвуетъ въ предпріятіи или, говоря правильнѣе, въ похищеніи; по большей части онъ самъ же является руководителемъ и самъ же старается завладѣть намѣченной жертвою. Заранѣе подговоренный мулла уже дожидается и, лишь только доставятъ благополучно въ домъ похитителя вдову, хотя бы то и силою и противъ ея воли, какъ мулла спѣшитъ прочитать установленную для брака молитву (ника), послѣ которой все уже считается оконченнымъ. Случается, что двѣ партіи сталкиваются у дома вдовы, и та партія одерживаетъ верхъ, которая окажется сильнѣе. Иногда возвращающуюся партію и владѣющую уже интересною и заманчивою добычей настигаетъ другая, болѣе сильная партія и отбиваетъ вдову. Въ томъ и другомъ случаѣ обыкновенно происходитъ порядочная свалка, во время которой встрѣтившіеся противники нерѣдко сильно увѣчатъ другъ друга, не говоря уже о порядочномъ числѣ подбитыхъ глазъ, вышибленныхъ зубовъ и другихъ болѣе мелкихъ поврежденій. Но въ подобныхъ случаяхъ никакихъ тяжбъ и жалобъ обыкновенно не возникаетъ, такъ какъ до суда дѣло не доходитъ, а все кончается миромъ, полюбовно,—шутками, насмѣшками и остротами другъ надъ другомъ. На другой день счастливый обладатель вдовы и мужъ колежь нѣсколько штукъ барановъ или другой какой скотины, приглашаетъ родныхъ съ своей стороны и со стороны жены, знакомыхъ, товарищей и, конечно, всѣхъ тѣхъ, которые участвовали въ предпріятіи, способствуя успѣшному похищенію дамы его сердца,—приглашаетъ также нѣсколько ахуновъ и муллъ съ ихъ учениками, и всѣхъ ихъ угощаетъ. И въ данномъ случаѣ обѣдъ безъ рѣчей и проповѣдей со стороны ахуновъ и муллъ не обходится, но эти обѣды проходятъ болѣе шумно и оживленно, такъ какъ предметомъ разговора служить, главнымъ образомъ, событіе вчерашняго дня со всѣми мелочными его эпизодами, почему даже важные и строгіе муллы и ахуны позволяютъ себѣ шутки и остроты. Этимъ все дѣло обыкновенно и кончается.

Сила и находчивость, надо полагать, обаятельно дѣйствуютъ и на сердцѣ дунганской женщины, и если случится, что послѣдняя (хотя бы и какъ вдова, свободно собою располагающая) будетъ отбита и похищена мужчиной, за котораго до этого она ни-

когда не думала выходить замужъ, она покорно мирится со случившимся такъ неожиданно и даже противъ ея воли обстоятельствомъ, она дѣлается вѣрною женою болѣе счастливаго обладателя, какъ проявившаго большую находчивость, силу и ловкость, чтобы ею овладѣть.

Иногда похищеніе устраивается съ вѣдома и согласія самой вдовы, для чего искатель ея руки предварительно уговаривается какъ съ нею самой, такъ и съ ея родными. Заручившись согласіемъ и уговорившись о времени, когда именно онъ долженъ произвести похищеніе, женихъ этотъ съ нѣсколькими своими товарищами въ условленное время подъѣзжаетъ къ дому, гдѣ живетъ вдова, спокойно похищаетъ ее, чему содѣйствуютъ и самые родственники вдовушки, а затѣмъ благополучно, т.-е. безъ всякихъ приключеній, доставляетъ ее въ свой домъ. Мулла, заранѣе приглашенный, также и здѣсь дожидается и, по прибытіи жениха съ его дамой, немедленно читаетъ полагающіяся для брака молитвы, послѣ чего свадьба считается оконченной. Все это продѣлывается, главнымъ образомъ, людьми бережливыми, расчетливыми какъ съ той такъ и съ другой стороны, т.-е. людьми, которые не желаютъ дѣлать лишнихъ расходовъ на свадьбу.

Съ разводами поступаютъ точно такъ же, какъ и со вдовами. Разведенная жена можетъ выйти замужъ только тогда, когда у нея со дня развода повторятся три раза регулы (сангэ юе-цзянь или сангэ харцзу), т.-е. приблизительно черезъ три мѣсяца. Разведенную жену, какъ и вдову, часто добываютъ черезъ похищеніе.

О многоженствѣ.

Многоженство у дунганъ, какъ и у другихъ мусульманскихъ народовъ, допускается свободно. Мнѣ передавали, что есть не мало дунганъ, у которыхъ, будто бы, имѣются двѣ и три жены, но это относится, какъ говорятъ, къ дунганамъ китайскимъ подданнымъ и живущимъ въ Китаѣ, у дунганъ же, живущихъ въ Россіи, это наблюдается очень рѣдко. Я довольно долго прожилъ вблизи каракунuzскихъ дунганъ, и за это время не изаю ни одного примѣра, чтобы у кого-либо изъ дунганъ селенія Каракунuzъ было двѣ жены. Но если и случается, что дунганингъ беретъ себѣ вторую жену, то это происходитъ скорѣе вслѣдствіе

крайней необходимости или же поневоле; такъ: братъ беретъ въ замужество жену съ дѣтьми своего же умершаго родного брата, если вдовѣ его некуда дѣваться, или если она, выждавъ срокъ траура (130 дней), не пожелаетъ выйти замужъ за посторонняго. Но такіе случаи бываютъ очень рѣдко, такъ какъ вдовы у дунганъ обыкновенно не засиживаются, а быстро расхватаются, какъ мы видѣли, и ихъ даже не хватаетъ для постороннихъ, желающихъ всегда добыть жену, которая обошлась бы, по возможности, недорого.

Дунгане не берутъ больше одной жены по слѣдующимъ причинамъ: во-первыхъ, дунгане по своей натурѣ очень бережливы и расчетливы, и, исходя изъ этого, рѣдкій изъ нихъ рѣшится взять вторую жену, во-вторыхъ, и потому, что ранѣе взятая жена, т.-е. первая, изъ ревности будетъ стараться изводить свою соперницу всякими елико возможными и доступными ей средствами, дунганки же въ такихъ случаяхъ отличаются мстительностью и злостью.

По мусульманскому обычаю первая жена считается старшею въ домѣ, госпожею, почему она сама можетъ ничего не дѣлать, а лишь распоряжаться и повелѣвать остальными женами, какъ ей угодно, такъ какъ остальные жены считаются младшими женами. Все хозяйство лежитъ на первой женѣ, она отдаетъ распоряженія и приказанія по хозяйству внутри дома на весь день, начиная съ кухни: утромъ она выдаетъ съѣстные припасы и распредѣляетъ ихъ расходование и проч. и проч., она назначаетъ кому дѣлать какія работы, однимъ словомъ—вся программа рабочаго дня въ домѣ исходитъ отъ первой жены, какъ старшей въ домѣ, какъ госпожи, и ею устанавливается; всѣ же младшія жены, какою бы любовью и вниманіемъ ни пользовались со стороны мужа, обязаны безпрекословно подчиняться старшей женѣ, и хотя мужъ въ данномъ случаѣ есть и неограниченный глава и повелитель семьи, однако, мало что можетъ измѣнить изъ упомянутаго режима въ угоду своей младшей любимицѣ. Пророкъ, разрѣшивъ своимъ послѣдователямъ многоженство, позаботился о первой женѣ, предоставивъ ей въ награду и утѣшеніе большія права и преимущества въ домѣ мужа сравнительно съ младшими женами. И это понятно: вторая и послѣдующія жены появляются въ домѣ правовѣрнаго мусульманина по большей части тогда,

когда красота первой жены уже нѣсколько поблекла, когда она начинаетъ увядать или же просто уже успѣла почему-либо ему надоесть. Каковы бы ни были причины—но любовь мужа если не на всегда, то на долго охлаждаетъ къ ней, у него появляются новыя привязанности и страсти, и первой женѣ, въ награду за причиненное ей оскорбленіе и униженіе, предоставлено про рокомъ право быть старшей въ домѣ, госпожей, и, какъ таковой, ей всѣ младшія жены должны повиноваться и слушаться, и правомъ этимъ она пользуется по большей части вполне самостоятельно и по своему усмотрѣнію.

Но, несмотря на предоставленный первой женѣ извѣстный авторитетъ, разъ въ домѣ появляются новыя жены, между ними съ перваго же дня начинаютъ происходить ссоры, которыя скоро переходятъ въ открытую непримиримую и жестокую вражду, затягивающуюся на многіе годы. Мужъ оказывается въ крайне затруднительномъ и прямо невозможномъ положеніи: разобратъся ему во всѣхъ дразгахъ и столкновеніяхъ, возникающихъ между его женами, является дѣломъ далеко не легкимъ—принять сторону одной—значить обидѣть другую. Въ большинствѣ случаевъ мужъ-многоженецъ не можетъ рѣшить, кто изъ нихъ правъ, кто виноватъ,—и, повидимому, такъ старательно и заботливо уготованный имъ для себя рай превращается для него же въ невыносимый и кромѣшный адъ, жить въ которомъ даже для правоваѣрнаго мусульманина, вѣрящаго въ предопредѣленіе, не хватаетъ силъ и терпѣнія.

Но, кромѣ этого, существуютъ другія причины, по которымъ дунгане не берутъ себѣ больше одной жены. Если бы какой-либо дунганинъ, обзаведшись двумя или тремя женами, впоследствии по какимъ-либо даже весьма важнымъ обстоятельствамъ или соображеніямъ, вздумалъ отпустить, дать разводъ которой-либо изъ женъ, то для такого акта (несмотря на всю важность обстоятельствъ, его вызывающихъ) съ его стороны потребуется немало силы воли и характера. Дѣло въ томъ, что у дунганъ считается въ высшей степени не только неудобнымъ, но прямо невозможнымъ дать разводъ которой-либо изъ женъ, такой дунганинъ навлекаетъ на себя не только неудовольствіе, но и сильное негодованіе, даже глубокое презрѣніе всего общества. Дать разводъ—это значитъ прослать въ глазахъ своего общества человекомъ легкомыслен-

нымъ, нерасчетливымъ и неосновательнымъ, на котораго нельзя положиться ни въ какомъ болѣе или менѣе важномъ дѣлѣ, короче сказать — это значить — потерять всякое уваженіе и авторитетъ среди своихъ односельчанъ, которые прекратятъ съ нимъ всякія сношенія, что сдѣлаетъ его жизнь прямо невыпосимою.

Но, и помимо всего этого, давши разводъ, такой дунганинъ навлекаетъ на себя вражду и ненависть не только ближайшихъ, но и отдаленныхъ родственниковъ разведенной жены. Послѣдняя, какъ и всѣ ея родственники сочтутъ разводъ для себя тяжелой обидой и оскорбленіемъ; они въ такихъ случаяхъ всѣми силами постараются отомстить своему оскорбителю, а мстятъ дунгане жестоко, — какой-либо поводъ, чтобы замаскировать настоящую причину мести, у нихъ всегда найдется. Я, кажется, уже упоминалъ, что дунгане по натурѣ своей очень злопамятны и мстительны и полученныхъ ими оскорбленій они не забываютъ, почему мало найдется охотниковъ и среди нихъ наживать себѣ злѣйшихъ непримиримыхъ враговъ и жить поэтому всегда въ страхѣ за цѣлостъ и спокойствіе своей жизни.

Есть и еще одна причина, вслѣдствіе которой у дунганъ не привилось и не можетъ привиться многоженство: причина эта — вліяніе китайской культуры, китайской цивилизаціи. Несмотря на то, что дунгане — магометане и притомъ фанатитики и что они страшно ненавидятъ китайцевъ, но вліяніе культуры послѣднихъ сильно отразилось и отражается на жизни дунганъ въ многоразличныхъ ея проявленіяхъ. Вліяніе это безспорно отразилось и на положеніи женщины у дунганъ, и притомъ, безъ сомнѣнія, въ лучшую сторону. Женщина у дунганъ пользуется большимъ уваженіемъ, гораздо большими правами и самостоятельностью, нежели у сартовъ и киргизовъ; она не такъ замкнута и изолирована отъ міра, какъ у послѣднихъ. Какъ извѣстно, у китайцевъ семейная жизнь стоитъ высоко, и женщина у нихъ не является покорной безотвѣтной рабой, какъ у другихъ азіатскихъ народовъ, исповѣдующихъ исламъ, а она есть полноправный членъ семьи и общества, — таковой взглядъ на женщину и такое къ ней отношеніе перешли отъ китайцевъ и къ дунганамъ. Исходя изъ этого, рѣдко какой отецъ и мать изъ дунганъ согласится отдать свою дочь замужъ за человѣка, уже женатаго, да правильнѣе будетъ сказать, что такихъ родителей и не найдется среди дун-

ганъ. Последніе хорошо знаютъ, что въ такомъ случаѣ дочь ихъ ожидаетъ не тихая и счастливая семейная жизнь съ мужемъ, а бесконечный рядъ мучительныхъ сценъ и тяжелыхъ страданій, способныхъ отравить жизнь молодой и совсѣмъ неопытной еще женщины въ самомъ началѣ, не говоря уже о подчиненномъ положеніи въ новой семьѣ и полной зависимости отъ первой жены; у дунганъ же такъ сильно развита любовь къ дѣтямъ, что никто изъ нихъ не согласится поставить свою дочь въ такое положеніе. Селеніе Каракунузъ заключаетъ въ себѣ болѣе 3000 душъ обоего пола, но я никогда еще не слышалъ, чтобы у кого-либо изъ жителей этого селенія было двѣ жены, а пророкъ разрѣшилъ своимъ последователямъ имѣть одновременно четыре жены, но никакъ не болѣе.

Мы знаемъ, что киргизы и сарты въ большинствѣ случаевъ, лишь только имъ позволяютъ средства, заводятъ себѣ по двѣ и болѣе женъ, и только недостатокъ матеріальныхъ средствъ останавливаетъ завести болѣе одной жены. У дунганъ эта причина не можетъ служить препятствіемъ къ многоженству, такъ какъ большинство дунганъ отличается полною зажиточностью, а многіе изъ нихъ очень богаты и имѣютъ большія деньги.

Я слышалъ также, что дунгане смотрятъ на многоженство снисходительно, но въ жизнь, какъ мы знаемъ и видимъ, они не проводятъ его, и оно у нихъ не привилось; значитъ, существуютъ какія-либо уважительныя причины, которыя вліяютъ на нихъ сильнѣе ихъ религіозныхъ воззрѣній, заключающихся въ ихъ священной книгѣ «коранъ», и одною изъ этихъ причинъ и притомъ причинъ, весьма существенныхъ и глубокихъ, мы признаемъ вліяніе китайской культуры.

О незаконномъ сожителствѣ.

Къ незаконному сожителству дунгане относятся не только неодобрительно, но прямо враждебно, и такъ относятся къ нему одинаково какъ мужчины, такъ и женщины, послѣднія еще болѣе къ нему настроены враждебно, нежели первые. Да оно и понятно: женщина у дунганъ, несмотря на то, что мусульманская религія поставила ее въ рабское и подчиненное положеніе къ мужчине, является полною хранительницею домашнего очага, который она

ревниво и оберегаетъ, видя въ немъ одномъ свое счастье и благополучіе.

Мужъ безусловно довѣряетъ своей женѣ, она вполне самостоятельно ведетъ свое домашнее хозяйство, воспитаніе дѣтей, а нерѣдко и первоначальное ихъ обученіе лежитъ на ней, да иначе и быть не можетъ: мужъ то-и-дѣло отлучается изъ дому по торговымъ и другимъ дѣламъ, и притомъ на болѣе или менѣе продолжительное время, и жена въ отсутствіе мужа вполне замѣняетъ его, она ведетъ все хозяйство и ведетъ старательно и бережливо, чтобы не причинить не только ущерба, но, напротивъ, постарается сэкономить, какъ-нибудь выгадать, чтобы пріобрѣсти большее довѣріе и расположеніе мужа. Вслѣдствіе такихъ причинъ между ними устанавливается крѣпкая нравственная связь, въ основѣ которой лежитъ чистота супружескихъ отношеній и вѣрность супружескому долгу съ той и другой стороны, вотъ почему дунгане съ презрѣніемъ и чувствомъ гадливости относятся къ незаконному сожителству, и ни одинъ изъ нихъ не станетъ ни ѣсть, ни пить въ такомъ домѣ, гдѣ живутъ нелегальнымъ, незаконнымъ бракомъ. Такое воззрѣніе, существующее у дунганъ на незаконныя, нелегальныя связи, не есть только результатъ религіозныхъ ихъ воззрѣній, но въ меньшей степени оно есть выраженіе соціально-экономическихъ условій, выработанныхъ самою ихъ жизнью, которая сложилась подъ вліяніемъ различныхъ и многообразныхъ факторовъ помимо религіознаго ихъ вѣроученія, — а одинъ изъ крупнѣйшихъ и существенныхъ факторовъ въ жизни дунганъ — это ихъ уже упомянутое выше близкое духовное и физическое родство съ китайцами и вліяніе на нихъ культуры послѣднихъ. Языкъ, которымъ говорятъ дунгане, вѣрованія ихъ въ добрыхъ и злыхъ духовъ, форма одежды, пища, украшенія, вся домашняя утварь, способы обработки полей, огородовъ, уходъ за животными, ихъ кормленіе и пр., — все это чисто китайское и позаимствовано ими отъ китайцевъ давнымъ-давно; почему все это и вошло въ ихъ плоть и кровь. Но, конечно, нельзя отрицать и могущественнаго вліянія исповѣдуемой дунганами религіи, которой они преданы до фанатизма, и мы, хотя и вскользь, но уже не разъ отмѣчали, какимъ громаднымъ вліяніемъ и значеніемъ у нихъ пользуются ахуны и муллы, которымъ они безусловно довѣряютъ, и отъ которыхъ такіе крупные, по

своему значенію, факты, какъ незаконное сожителство, ни подъ какимъ видомъ не ускользнуть.

Не касаясь сейчасъ вопроса о происхожденіи дунганъ, скажемъ только, что многіе выдающіеся синологи считаютъ ихъ китайцами, принявшими мусульманство, и данныхъ для этого, какъ мы уже видѣли, много. Между прочимъ, лично намъ пришлось видѣть нѣсколько человѣкъ китайцевъ, которые за нѣсколько лѣтъ до этого (5 — 8) приняли мусульманство, послѣ чего они, (да и всѣ прочіе), уже стали называть себя дунганями или хой-хой. Произошли ли дунгане отъ однихъ только китайцевъ, принявшихъ мусульманство, этотъ вопросъ еще остается открытымъ; по нашимъ наблюденіямъ, въ типѣ дунганъ есть безспорно примѣсъ тюркской крови. Учеными синологами и другими, жившими долгое время въ Китаѣ, отмѣченъ фактъ, что китайцы, принявшіе мусульманство, кореннымъ образомъ перерождаются подъ вліяніемъ новой религіи. Перешедшіе въ мусульманство китайцы уже никогда и ни подъ какимъ видомъ не назовутъ себя китайцами, а хой-хой (мусульманинъ), мало этого, — они дѣлаются злѣйшими и непримиримыми врагами своихъ недавнихъ сородичей-китайцевъ. Обыкновенно довольно равнодушные къ своей религіи, которую они позаимствовали отъ предковъ, съ переходомъ въ мусульманство, они, напротивъ, дѣлаются ярыми фанатиками и самыми ревностными исполнителями ученія Магомета; это одинаково относится какъ къ мужчинамъ, такъ и къ женщинамъ, — однимъ словомъ, происходитъ полное перерожденіе не только духовное и моральное, но и физическое; до этого вялый и мало подвижный китаецъ, равнодушный къ себѣ и своей участи, ставъ мусульманиномъ, дѣлается энергичнымъ, рѣшительнымъ, цѣнитъ высоко свою жизнь, оставляетъ такіа пагубныя привычки, какъ куреніе опія и проч.

Такое вліяніе на дунганъ исповѣдуемой ими религіи отразилось, конечно, и во взглядѣ на отношенія ихъ къ лицамъ, живущимъ нелегальною связью, почему безразличность дунганъ въ данномъ случаѣ доходитъ до крайнихъ предѣловъ, а именно: посуда, ложка, чашка и другіе какіе-либо предметы, бывавшіе въ рукахъ женщины, живущей подобною связью, считаются погаными, и брать ихъ въ руки признается постыднымъ, позорнымъ, это, значить, осквернять себя. Весьма рѣдко также какой-либо дун-

ганингъ зайдетъ въ такой домъ, если къ тому не побудитъ его важное неотложное дѣло. Женщинѣ же, живущей нелегальной связью, нельзя показаться на улицу; свои ближайшіе родственники и знакомые, а также и постороннія будутъ отъ нея отворачиваться, а мальчишки встрѣтятъ ее насмѣшками, бранными словами и въ догонку пошлютъ ей въ спину нѣсколько тяжеловѣсныхъ камней, да и живущая такимъ образомъ женщина сама не рѣшится показаться на улицу, при такомъ единодушномъ взглядѣ всего общества на нелегальныя связи: у нея не хватитъ на это ни силы воли, ни мужества. О томъ же, какой крикъ и вопль негодованія поднять всѣ муллы и ахуны, нечего и говорить, это само-собою разумѣется: такая парочка не одинъ разъ послужитъ предметомъ для ихъ проповѣдей, какъ въ мечетяхъ, такъ и на обѣдахъ, гдѣ, какъ мы знаемъ, всегда бываетъ масса народу, въ особенности же на послѣднихъ, а при такихъ условіяхъ и при такомъ настроеніи общества мало найдется охотниковъ изъ мужчинъ между дунганами завести нелегальную связь, а еще менѣе можно встрѣтить между дунганскими женщинами охотницъ, которыя пожелаали бы вступить въ подобную связь.

Всѣ вышеприведенныя условія и обстоятельства, вмѣстѣ взятые, не могли способствовать развитію незаконнаго сожителства между дунганами, и таковое, если иногда и встрѣчается, то представляетъ явленіе исключительное. До настоящаго времени мы знаемъ въ Каракунузѣ всего одинъ случай незаконнаго сожителства, но виновники его подъ вліяніемъ общественнаго мнѣнія, руководимаго и направляемаго не только муллами и ахунами, но и почетными стариками, должны были скоро соединиться законнымъ бракомъ и нарушенное было спокойствіе и ровное теченіе повседневной жизни быстро вошло въ свою колею къ глубокому удовольствію и великой радости всѣхъ правовѣрныхъ дунганъ; соблазнъ, который могъ бы распространиться и повліять заразительно на другихъ, былъ подавленъ общими силами въ самомъ непродолжительномъ времени.

Точно также весьма рѣдко случается, чтобы женатые дунганы заводили на сторонѣ любовницу, это также у нихъ считается крайне постыднымъ и предосудительнымъ; односельчане, если узнаютъ про это (а грѣхъ этотъ, какъ бы тщательно ни скрывался, всегда когда-нибудь да узнается и выходитъ наружу), будутъ зло

и безпощадно надъ нимъ смѣяться и издѣваться, а если это дойдетъ до муллы или ахуна, что всегда и случается, то они выберутъ наиболѣе подходящій удобный случай, и публично, при многочисленномъ обществѣ, упрекнуть, изобличить его, и тогда стыду и сраму не будетъ конца. Подобныя отношенія и взгляды общества также не предрасполагають къ тому, чтобы заводить на сторонѣ любовныя интриги. Осмѣянный и изобличенный, самъ будетъ избѣгать общества, да и жена его, которую добродѣтельная сосѣдки постараются обо всемъ этомъ поставить въ извѣстность и притомъ непременно съ разными добавленіями и неизбѣжными преувеличеніями, постоянно то-и-дѣло будетъ устраивать своему мужу всевозможныя сцены, самаго непріятнаго, конечно, характера, и въ этомъ случаѣ она мститъ не только мужу, но еще больше его любовницѣ; послѣдней достается еще и отъ другихъ женщинъ, которыя остаются далеко неравнодушны къ подобному факту,—главнымъ образомъ, со стороны родственницъ оскорбленной жены. Правда, и у дунганъ извѣстенъ обычай мести въ чисто азіатскомъ (или китайскомъ) вкусѣ,—такъ, въ селеніи Токмакъ, вскорѣ по прибытіи моемъ въ этотъ край, одна дунганка, мужъ которой измѣнилъ и какъ-то ухитрился завести любовницу, не могла перенести нанесеннаго ей оскорбленія и отравилась ошемъ, въ полной увѣренности, что ея мужа и любовницу постигнетъ жестокая кара, но этого не случилось.

Весь строй и укладъ семейной жизни сложился такъ у дунганъ, да, должно быть, и у другихъ мусульманскихъ народовъ, что завести любовную интригу не легко, при всемъ даже желаніи. Женщина у дунганъ хотя и пользуется большею самостоятельностью и правами сравнительно съ женщинами другихъ народовъ Азіи, исповѣдующихъ исламъ, но все же сфера ея дѣятельности ограничивается исключительно тѣсными рамками семейной жизни; съ ранняго утра и до поздней ночи жизнь ея проходитъ на глазахъ всѣхъ членовъ семьи, притомъ жизнь эта полна разносторонняго труда, какой выпадаетъ на долю каждой женщинѣ въ азіатской семьѣ, ей весьма и весьма много приходится работать по хозяйству; правда, посторонніе не видятъ этой работы. Благодаря такому характеру дѣятельности у мусульманъ, въ умственномъ отношеніи она не ниже мужчинъ

своего народа. Притомъ отлучиться куда-либо изъ дому дунганка можетъ только въ рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ, — а именно: въ случаѣ смерти или болѣзни кого-либо изъ ея ближайшихъ родственниковъ или родственницъ. Даже выйти за дворъ, чтобы набрать ведро воды изъ протекающаго мимо дома арыка, ей почти не приходится, потому что эту столь незначительную работу исполняютъ мужчины. Я много разъ бывалъ въ Каракунузѣ и мнѣ ниразу не приходилось видѣть, чтобы женщина шла по улицѣ и несла воду, почему устраивать тайныя встрѣчи и свиданія при такихъ условіяхъ — дѣло слишкомъ трудное, если только совсѣмъ невозможное. До настоящаго времени у мусульманскихъ народовъ и въ частности у дунганъ жизнь еще не создала такой обстановки и такихъ формъ, при которыхъ могли бы, по желанію, въ какое угодно время, происходить свободныя сношенія между обоими полами внѣ дома.

Если же и случается завести любовницу какому-либо дунганину, то онъ сдѣлалъ это не потому, что онъ женился не по любви или по неволѣ. Нѣтъ, у парня, когда его женятъ, родители не спрашиваютъ никакого согласія, да имъ это и въ голову не приходитъ: такъ велось изстари, давнымъ-давно, такъ и теперь они дѣлаютъ. Точно также не спрашиваютъ согласія и у дѣвушки, когда ее выдаютъ замужъ. Сыновья и дочери безпрекословно повинуются волѣ родителей. Какъ женихъ не знаетъ, красивая или дурная дѣвушка ему предназначена въ жены, точно такъ же и послѣдняя не знаетъ ничего о своемъ будущемъ мужѣ — красавецъ или же уродъ онъ будетъ, — въ этомъ случаѣ обѣ стороны, вступающія въ бракъ, находятся совершенно въ одинаковыхъ условіяхъ. Причина, по которой иногда жена измѣняетъ своему мужу — это старость послѣдняго, когда онъ сдѣлается неспособенъ къ супружеской жизни, или же тяжелый деспотическій характеръ его, доведшій жену до отчаянія и ожесточенія, — тогда у нея является желаніе измѣнить, скорѣе отомстить опротивѣвшему и надоевшему ей мужу. Точно также случается, что и мужъ измѣняетъ своей женѣ, когда она слишкомъ безобразна или стара, и она ему ужъ очень надоесть, опротивѣетъ. Но поименованные случаи встрѣчаются въ жизни дунганъ рѣдко, такъ какъ для приведенія въ исполненіе подобнаго рода намѣренія для той и другой стороны требуется

стеченіе многихъ благопріятныхъ условій, на что разсчитывать трудно или создавать таковыя самимъ участникамъ является дѣломъ почти невозможнымъ, да, впрочемъ, и прибѣгать къ подобнаго рода приключеніямъ, влекущимъ за собой, какъ мы видѣли, массу непріятностей, нерѣдко, съ опасностью для жизни, нѣтъ особой нужды, такъ какъ каждая изъ заинтересованныхъ сторонъ всегда можетъ выйти изъ невозможнаго и крайне тягостнаго для нея положенія, прибѣгнувъ для этого къ законному средству—разводу, которымъ дунгане и пользуются въ извѣстныхъ случаяхъ.

Похищеніе дѣвицы.

Обычая похищенія дѣвицъ-невѣстъ у дунганъ, собственно говоря, нѣтъ и не было, и по условіямъ ихъ жизни таковой обычай не могъ развиваться; но иногда въ исключительныхъ случаяхъ и они прибѣгаютъ къ этому экстраординарному средству. Одинъ такой случай нѣсколько лѣтъ тому назадъ произошелъ въ Каракунузѣ на нашихъ глазахъ. Дѣло въ томъ, что одну уже сговоренную и сосватанную за одного молодого человѣка дѣвушку родители послѣдней, послѣ перехода жениха въ противную партію, рѣшили выдать за другого, а прежнему жениху отказали. Такъ какъ это было противно установившимся обычаямъ, которые къ тому же дунгане соблюдаютъ весьма твердо, то вышелъ громадѣйшій скандалъ, принявшій крупныя размѣры. Случай былъ неслыханный и невиданный. Но чего только дунгане не дѣлаютъ изъ ненависти другъ къ другу!.. Въ виду небывалаго отказа и считая себя опозореннымъ, прежній женихъ рѣшилъ похитить свою невѣсту, тѣмъ болѣе, что и она, какъ оказалось впоследствии, согласилась быть похищенной, такъ какъ любила своего жениха. Однимъ словомъ, вышелъ настоящій романъ въ европейскомъ вкусѣ. Дѣло это въ свое время надѣлало большого шума между мусульманами вообще, не говоря уже о дунганахъ, среди которыхъ оно разыгралось. Дѣло дошло до уѣздной администраціи, посыпались энергичныя жалобы начальству съ той и другой стороны, и въ Пишпекскомъ уѣздномъ управленіи объ этомъ имѣется цѣлая переписка, но мнѣ не удалось ее прочитать. Рекомендую будущему бытописателю дунганъ обратить вниманіе на это дѣло и прочитать его, въ немъ

найдется не мало бытовыхъ и характерныхъ для дунгахъ чертъ.

Похищеніе невѣстъ-дѣвушекъ между дунганами никогда, будто бы, не случалось, такъ какъ за это неизбежно слѣдовала смертная казнь (?) или же родственники похищенной дѣвицы сами беспощадно расправлялись съ похитителями. Похищеніе же дѣвушекъ-китайнокъ дунгане часто учиняли, какъ объ этомъ они сами говорятъ, но никогда не выдавали китайскимъ властямъ своихъ единовѣрцевъ, виновныхъ въ похищеніи. Это, какъ передаютъ сами же дунгане, также одна изъ многихъ причинъ ненависти китайцевъ къ дунганамъ, и это обстоятельство (или причина) занимаетъ далеко, будто бы, не послѣднее мѣсто въ развившихся непріязненныхъ отношеніяхъ между китайцами и дунганами и перешедшихъ потомъ въ открытую, жестокую и непримиримую между ними вражду, которая въ концѣ-концовъ разразилась продолжительнымъ кровопролитнѣйшимъ по своей безпримѣрности возстаніемъ, продолжавшимся много лѣтъ подъ рядъ и закончившимся добровольнымъ переходомъ части дунганъ въ русское подданство.

Ө. В. Поярковъ.

Г. Вѣрный Семирѣч. обл.
1907 года Декабря 4 дня.